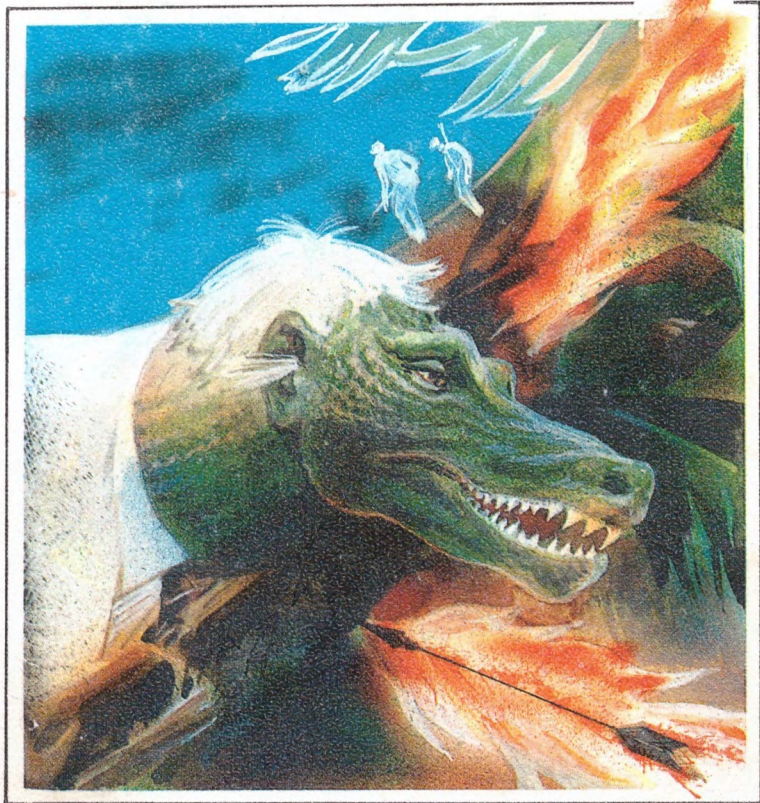

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЬБЕРТ ВАЛЕНТИНОВ
СИНЯЯ
ЖИДКОСТЬ

АЛЬБЕРТ ВАЛЕНТИНОВ

**БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЬБЕРТ ВАЛЕНТИНОВ

СИНЯЯ ЖИДКОСТЬ

Фантастические повести

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1990

ББК 84Р7
В 15

В $\frac{4702010201-028}{078(02)-90}$ 137-90

ISBN 5-235-00859-6

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1990 г.

СИНЯЯ ЖИДКОСТЬ

Фантастическая повесть

1

Рядовой Таникава осторожно раздвинул жесткие листья дикого сахарного тростника, стараясь не задеть их острых, как у бутылочных осколков, краев. Солнце резануло по глазам, и Таникава невольно отпрянул: после полумрака тропического леса это было невыносимо. Отерев ладонью сразу вспотевшее лицо, он ниже надвинул изломанный козырек ветхой фуражки и, повернув голову щекой к солнцу, снова протиснулся между тон-

кими упругими стволами. Удивительно, до чего быстро тропические вырубки зарастают этим тростником. И еще высокими, тоже дикими злаками, названия которых Таникава не знал. Зерна у них мелкие и удивительно твердые. Часами приходится перетирать их между двумя плоскими камнями, пока не смелешь в порошок, который можно замешать в воде и испечь пресное тесто — на том же плоском камне, раскаленном в костре. Увы, в последние годы их обед все чаще и чаще состоял из этих лепешек. Да еще из ананасов, которые изредка удавалось нарвать на плантациях. Таникава вздохнул и отвел в стороны два последних ствола, мешающих вести наблюдение.

Прямо перед ним сбегал вниз крутой склон холма, густо ошетилившийся пнями, уже почти скрытыми в высокой траве. Недавно вырубил, а раскорчевывать и распахивать не спешат, земли хватает, подумал Таникава, и по сердцу прошла мучительно сладкая волна воспоминаний: до призыва в армию он жил в деревне. Конечно, здесь все не так, как на родном Хоккайдо, да и сама земля другая — желтозем да вулканический пепел, но крестьянский труд везде одинаков... Таникава сердито тряхнул головой, еще глубже надвинул фуражку и, насупившись, продолжал наблюдение.

Подножие холма огибал узкий ручей. Глубина не более метра, форсирование осуществляется без применения плавсредств. Белесоватая голубизна раскаленного неба отражалась в нем, как в темном старинном зеркале. Ручей будто застыл — даже на стрежне отражение не искажалось. За ручьем начинался луг, замерший в безветрии, как на картинках, что висели в доме родителей Муцуки Таникавы. Он не знал, какую художественную школу копировали эти дешевые олеографии, но еще мальчиком подолгу всматривался в них, не умея облечь в слова охватывавшее его восхищение могучей простотой и величавостью природы, которое не могла затушевать даже аляповатая трехцветная печать.

Но картина, открывшаяся сейчас перед ним, восхищения не вызывала. Таникава невольно отпрянул и чуть пригнулся, заметив справа за ручьем группу кустов. Там вполне могла укрыться засада. Он понаблюдал некоторое время. Нет, кажется все спокойно. Тогда он повел глазами влево, зафиксировал, что на лугу противник не может укрыться, и начал проследивать ручей, пересекавший луг наискосок, прежде чем обвиться вокруг холма. Ага, вот она где — деревня.

Она раскинулась вдоль правого берега ручья, и Таникава отчетливо различал бамбуковые хижины с пирамидальными крышами, стоящие на сваях среди кокосовых пальм и банановых деревьев. За хижинами зеленело кукурузное поле, перед ними — ровные полосы огородов. Здесь выращивают сладкий картофель камоте, овощи, арахис, жареные орешки которого так приятно погрызть после плотного обеда, растянувшись на циновке, и, конечно, табак... Рот Таникавы наполнился слюной. Нет, они, разумеется, сначала покурят, а уж потом приступят к еде. А еды здесь много. Обостренный голодом взгляд Таникавы выхватывал из тени деревьев то розовый поросячий бок, то белую козу, лениво щипавшую траву под ногами, то пестрый силуэт суетящейся курицы. Буйвол он не видел. Но они наверняка есть. Лежат где-нибудь за излучиной ручья на топком берегу, нежатся в прохладе. Их время еще не пришло: очередная пахота начнется недели через две. Пусть живут — бездомным странникам вполне хватит козы и пары кур. На три дня можно сделать запас. Дольше в этом климате мясо не сохранишь. А еще Таникава видел мелькающие между хижинами человеческие фигуры. Воображение тут же нарисовало стройных женщин с голыми плечами и ногами, вся одежда которых — обернутый вокруг туловища кусок дешевой ткани. Он так легко слетает от нетерпеливого рывка. И хотя Таникаве уже много лет, время не утолило извечный мужской голод...

— Рядовой Таникава, доложите обстановку.

Лейтенант Като подошел, как умел только он, совершенно неслышно и остановился сбоку от Таникавы, так, чтобы ему был виден просвет в тростнике. В одну секунду он оценил обстановку, задержавшись взглядом на кустах справа, будто споткнулся о них. Собственно, он шел все время впереди рядового, лишь на окраине леса сделал шаг влево и пропустил его перед собой. Винтовку с императорской хризантемой на ложе он, как и Таникава, нес в руке: ремни давно порвались в клочья от колючек. Таникава сделал движение плечами, должествующее означать, что он подтянулся, и попытался щелкнуть плетеными из пальмовых листьев сандалиями.

— Господин лейтенант, за ручьем — населенный пункт. Подходы просматриваются беспрепятственно. Засада противника возможна только на правом фланге, за кустами, но вероятность ее мала: на подступающей местности трава не примята, нет следов колесной или гусеничной техники. — И переходя на неофициальный тон, добавил: — Может, не будем ждать ночи, Като-сан? Мы наверняка сбили преследователей со следа.

Невозможно провести бок о бок сорок лет — совершать набег на провиантские склады, снимая американских часовых, ночевать у костра, постоянно спасаться, чудом ускользая от поисковых отрядов, да грабить время от времени туземные деревни, стараясь за короткие часы вознаградить себя всеми радостями жизни — невозможно столько времени жить в джунглях, исколесив за это время весь Лубанг, и сохранить при этом официальные отношения командира и подчиненного. И тем не менее они усиленно старались их поддерживать — хотя бы видимость этих отношений, их внешний ритуал. Обязательное отдавание чести при обращении друг к другу, вытягивание по стойке «смирно», утренний и вечерний рапорты, будто при поднятии и спуске несуществующего флага... Они не то чтобы по привычке, а скорее интуитивно цеплялись за этот разработанный до

мелочей кодекс, который, словно компас, проводит военного человека сквозь бушующий страстями мир. Без этого кодекса, ставшего основой их существования, вряд ли бы они выдержали нечеловеческие условия многоярусного экваториального леса с его вечной сыростью, резкими запахами и полумраком. Он наполнял хоть каким-то смыслом их жизнь, давно потерявшую всякий смысл...

Когда в том далеком, несчастном для японского народа сорок пятом году атомные взрывы высветили страшный тупик, в который завела страну политика монополистического милитаризма, понимание всей глубины национальной катастрофы пришло не сразу. В первый момент весть о двух чудовищных бомбах, о сотнях тысяч сожженных, задушенных, задавленных обломками людей вызвала в стране волну патриотизма. Трумен рассчитывал ужаснуть Японию, а заодно и весь мир трагедией Хиросимы и Нагасаки, поставить страну на колени. Он добился лишь взрыва всеобщей ярости. Никогда еще столько летчиков-камикадзе не поднималось в воздух, сбросив шасси и распевая во все горло «Выйду в море — трупы в волнах». Никогда еще столько моряков не подрывалось на катерах-минах, увлекая за собой в пучину вражеские корабли. Понадобились могучие удары советских войск, разгромивших Квантунскую армию, чтобы японская военная машина перестала функционировать.

Немудрено, что когда капитан Сигэру Ясухара, командир диверсионного отряда действующей на Филиппинах оккупационной армии, вызвал к себе рядового Таникаву и объявил, что он вместе с лейтенантом Като остается на Лубанге в качестве самостоятельной группы, рядовой Таникава понял, что ему оказана величайшая честь. И даже засомневался, достоин ли он такой чести. В отряде Ясухары, словно специально, подобрались бойкие городские ребята, почти все уголовники либо стоящие на грани нелегальных контактов с зако-

ном. Полоснуть ножичком по сонной артерии — для якудза * это было не событие. И медлительный, наивный Муцуки Таникава, которому только война предоставила возможность покинуть родную деревню и повидать мир, был неисчерпаемой мишенью для их насмешек. Он даже и слова-то такие впервые слышал, которыми они походя перебрасывались между собой. Откуда ему было знать, что это блатной жаргон, понятный только для посвященных? А уж когда после отбоя начинался казарменный треп, Таникава только тарашил в изумлении узкие черные глаза, слушая сумасшедшие истории про убийства, ограбления, погони, схватки с «фараонами», про тайные притоны, где продают наркотики, про торговлю живым товаром. Он верил всему, хотя иной раз извечная крестьянская настороженность и подсказывала ему, что вряд ли полицейские такие непроходимые простофили и их так легко одурачить. А какие наивные вопросы он задавал! Казарма валилась с коек от хохота. Но, подшучивая над Таникавой, старались из рамок не выходить. Этот деревенский увалень обладал могучей силой, которую на себе испытали рядовые Тэцудзо Уно и Кадзую Носака. Оба в свое время отсидели за вооруженный грабеж и умели поиграть ножичком. Но тут ножички не помогли. Таникава, поймав их руки, повернул так, что затрещали кости, толкнул вперед, и оба, круша койки, вмазались головами в бревенчатую стену. После госпиталя в армию они уже не вернулись.

Впрочем, расправу с этими шуплыми городскими подонками Таникава за доблесть не считал. Так же, как не считал за доблесть и то, что на самые опасные операции капитан Ясухара посылал именно его, Таникаву. Он и к войне относился, как к крестьянской работе — тяжело, но необходимо. И Таникава минировал склады, пуская под откос поезда, подстреливал часовых, не за-

* Якудза — японские бандиты (здесь и далее примечания автора).

думываясь, во имя чего это делается. Так приказано! В свои девятнадцать лет у него еще не было повода задуматься об абстрактных категориях. Он умел думать только конкретно: деревенский уклад, освященный вековыми традициями, заранее расписал всю его жизнь — от рождения и до смерти. Так и в армии устав регламентировал каждый поступок солдата — от подъема до отбоя. И Таникава только удивился, услышав, что его напарником будет лейтенант Сандзо Като. Хотя, будь на его месте любой из бойких городских мальчиков, он не только удивился бы, но и задумался. А задумавшись — встревожился.

Армия, как никакая другая организация, нивелирует своих членов. Каждому человеку отведена в этом конгломерате индивидуумов своя ячейка, определяющая свои нормы поведения, свою мораль, если хотите. И малейшее отклонение от стереотипа сразу бросается в глаза, а серия отклонений свидетельствует неопровержимо: этот человек — чужой, случайный, не проникшийся армейским духом, главное в котором — не выходить из установленных рамок. Лейтенант Сандзо Като из этих рамок выходил постоянно. Дело даже не в том, что он не был груб с солдатами, не хлестал саке* по вечерам в офицерском блиндаже, не участвовал в состязаниях, кто сумеет развалить пленного на две половины — наискосок от плеча до поясицы — одним ударом сабли. Признанным мастером этого лихого удара был капитан Ясухара, остальные офицеры тщетно пытались превзойти его. Но если бы даже лейтенант Като, прибывший в отряд совсем недавно, делал все это, его штатская семенящая походка, рассеянный взгляд, привычка сутулиться при ходьбе, способность застывать в самом неподходящем месте и в самое неподходящее время, о чем-то глубоко задумавшись, — все эти мелочи, которые штатский человек даже не замечает, свидетельство-

* Саке — японская водка.

вали: он не кадровый военный, не профессионал. Не говоря уже о том, что он ни разу не ходил с отрядом на операции. И вот этого-то человека оставили вместе с Таникавой в тылу американских войск, оккупировавших Филиппины! Было о чем задуматься. Но Таникава не умел думать, он умел подчиняться. Поэтому он с благоговением выслушал напутственную речь капитана Ясухары.

— Мы разбиты! — с торжественной грустью сказал капитан. — Но мы не поставлены на колени. Страну восходящего солнца нельзя сломить, как нельзя скрыть священную Фудзияму. Поэтому война за великую Японию не кончена. Она только начинается. Завтра мы сделаем вид, что сдаемся американцам, которые интернируют нас на другие острова. А вы останетесь на Лубанге и будете ждать моего возвращения. Или сигнала. Может пройти много времени, но сигнал обязательно будет. И помни, рядовой Таникава, твой первейший долг — оберегать господина лейтенанта. Он нужен Японии.

Нет для японца понятия более священного, чем долг. Нарушивший долг все равно что мертвец — он вычеркивается из общества. И Таникава мог гордиться тем, что свой долг он выполнил до конца. Сколько раз в них стреляли, за ними гнались, устраивали засады — господин лейтенант жив и невредим и готов служить Японии, когда она призовет его. Непонятно только, почему так долго нет сигнала.

Много лет спустя господин Ясухара, один из директоров «Нипон электроник лимитед компани», узнал из газетных сообщений, кто был на самом деле лейтенант Сандзо Като, которого ему приказали спрятать таким оригинальным способом. И в зачерствелой душе старого дельца неожиданно шевельнулась жалость — нет, не к лейтенанту, а к простому крестьянскому парню, чью жизнь он исковеркал во имя целей, до сих пор ему полностью неизвестных.

«А ведь меня заставили подписать приказ, обращенный лично к ним и предписывающий сложить оружие, — вспомнил он. — В каком же году это было? Пятнадцать? Двадцать? Тридцать лет назад? Нет, не помню. Помню только, что они не сдались».

Они не сдались потому, что не поверили приказу, листовки с которым американское командование, а затем и филиппинские власти разбрасывали с самолетов над джунглями. Вернее, не поверил Таникава, потому что лейтенант объяснил ему: приказ подложный. Сандзо Като поднял одну листовку, несколько минут вглядывался в факсимиле Ясухары и, выругавшись, отшвырнул прочь ярко-желтую бумажку с жирной вязью иероглифов. Таникава вообще к листовкам не прикасался: был неграмотен. К тому же приказ подложный... По этой же причине он не поверил голосам брата и престарелого отца, записанным на плепке и многократно усиленным динамиками. Все это была военная хитрость — и голоса, воскрешающие эпизоды его детства, называющие его ласкательными именами и умоляющие выйти из леса, потому что война давно кончилась; и листовки, падающие с неба; и огромные щиты у затерянных в джунглях селениях, обещавшие ему полное помилование. Лейтенанту Като помилование не обещали, но Таникава не мог этого прочитать и сделать выводы. Он ждал возвращения господина капитана, который должен наконец-то разрешить им вернуться на родину. А пока...

2

— По результатам наблюдений прихожу к выводу: подступы к населенному пункту не охраняются, — угрюмо сказал Таникава, переходя на официальный тон.

Лейтенант промолчал. Что-то настораживало его в этой полуденной безмятежности. В отличие от Таникавы он умел размышлять, сортировать и анализировать

факты, умел вскрывать причинную связь явлений. И сейчас натренированный инстинкт кричал об опасности. Да и местность вовсе не так хорошо просматривалась, как казалось сгорающему от нетерпения солдату. Вон та группа кустов справа... Он не сводил с нее взгляда. Но за десять минут ни одна ветка не шевельнулась.

А может, и в самом деле не стоит ждать темноты? Джунгли — не то место, где можно рассчитать действия противника по карте, и не могли же преследователи угадать, что они выйдут именно здесь. Конечно, за столько лет эти белокожие варвары могли хоть как-то приблизиться к пониманию психологии тех, кого преследовали, но проникнуть в нее до конца, постичь всю тонкость, всю глубину азиатской души — нет, это невозможно. Об этом говорят сами результаты сорокалетней борьбы. Так что все объективные данные за то, что «зеленые береты» сюда не добрались. Они снова обманули этих примитивных янки, не уйдя в джунгли, как поступили бы те, а спустившись на побережье, где прикрытием служат лишь перепутанные корни мангровых деревьев, между которыми приходится скользить по пояс в воде. И теперь их наверняка ищут южнее, где они вот так же, зайдя под вечер в деревню, зарезали молодого парня, вздумавшего помешать им побаловаться с его девчонкой. Като сделал только одно движение кинжалом, и горло у парня распахнулось, как пасть буйвола, а голова откинулась на спину. Лейтенант усмехнулся: что-то, а убивал он профессионально. Три года в Токийском университете да пять лет на биологическом факультете в Принстоне что-нибудь да значат. Да и что такое удар, нанесенный профессионалом? Благодеяние для жертвы — быстро и без мучений. Ему случалось убивать людей куда более страшными способами... Правда, этот инцидент испортил им весь отдых: пришлось отступить, угрожая разъяренным туземцам пустыми винтовками. А потом пять дней путать следы, уходя от «зеленых беретов». Ушли.

Из этих пяти дней двое суток в воде. Без сна и пищи. Да и потом, когда углубились в джунгли и прорубали себе дорогу среди лиан и кустарника, спать приходилось урывками по два-три часа, питаясь на ходу сухими кукурузными лепешками, захваченными у крестьян. Лепешки кончились вчера утром. А там, впереди, мягкие циновки, свежая поросытина, пальмовое вино... Комок подкатил к горлу. Като еще раз взгляделся в кусты справа и хриплым шепотом скомандовал:

— Рядовой Таникава, даю вводные. Впереди — населенный пункт. Местность просматривается. Преодолеть быстрыми перебежками. Особое внимание — на кусты справа.

Таникава кивнул. Тусклые глаза его заблестели. Раздвинув тростник, он шагнул вперед. Като скользил за ним. Зажав винтовки под мышками, они, пригибаясь, начали спускаться к ручью, с трудом выдирая ноги из высокой, до колен, травы.

Кто из них первым уловил солнечный зайчик, на мгновение сверкнувший в кустах за ручьем? Наверное, оба одновременно. Конечно, это мог быть и бутылочный осколок, застрявший в ветвях. Но вероятнее всего это наблюдатель неосторожно сунулся вперед со своим биноклем. В такие минуты не рассуждают, не рассчитывают варианты. Като и Таникава одновременно откинулись один вправо, другой влево, упали плашмя на траву, и тут... Со стороны могло показаться, что вверх по склону прыгают две гигантские лягушки. Диверсанты хватались за упругие стебли, лягушачьим движением заводили колени под живот, отталкивались и делали прыжок, на мгновение показываясь над травой. Затем опять лягушачье движение ногами и новый прыжок — каждый раз чуть левее или правее от прямой линии. Это была выдумка капитана Ясухары: лягушка в гору. Обычным бегом невозможно было подниматься с такой скоростью, а постоянная смена направлений и исчезно-

вание в траве делали их практически недостижимыми для самого меткого стрелка.

Их гимнастерки, задубевшие от пота и грязи, рвались в клочья. Сердце захлебывалось от нехватки кислорода, глаза вылезали из орбит. Они этого не чувствовали: организм бросил все резервы на решение одной задачи — уйти от преследования. И они не видели быстрые фигуры в зеленых беретах, молча кинувшиеся в погоню. Да им и не надо было видеть: они знали, что за ними гонятся. Кровь взрывалась в ушах, и за этими залпами они не слышали рева вертолета, поднявшегося за деревней и мчавшегося на них, наклонив нос, как гончая, поймавшая след. Они видели только спасительный частокол тростника на вершине холма, приближавшийся с каждым прыжком, и успели первыми. В последний раз мелькнули за стволами выцветшие гимнастерки и исчезли. Преследователям достались только две незаряженные винтовки с императорскими хризантемами на ложах.

3

— Паршивые макаки! — сержант Вестуэй с досадой пнул тупоносым ботинком ни в чем не повинный цветок, разметав его лепестки по траве. — А вы еще лезли в бутылку, что они не чуют нас по запаху! Да я уже, слава богу, двадцать лет жарюсь на этом солнце, а оно погорячее, чем у нас на Миссисипи. И здешних азиатов знаю лучше, чем вы свои клоподавки, на которых пытаетесь выстроить слова по ранжиру, как новобранцев в строю. Держу пари, что, может, они и люди, конечно, только другие. Не такие, как белые. И похуже даже негров, это уж точно. Так скакать в гору — да ни один черный на это не способен!

Эту свою гневную тираду brave сержант Леонард Вестуэй, родившийся на берегах Миссисипи, адресовал двум журналистам — Юджину Бедворту и Ричарду

Брауну. Первый недавно окончил университет и начал свою карьеру в Ассошиэйтед Пресс на минимальной репортерской ставке — пятнадцать тысяч долларов в год. Второй, старый газетный волк, сменил на своем веку немало изданий. Сейчас он окопался в провинциальной «Оклахома стар», получая как ведущий обозреватель сорок две тысячи. Эта газета, перейдя в руки оборотистого дельца, быстро набирала влияние. На нее уже иной раз ссылались политические деятели. Вот уже два дня сержант, малость поотвыкший, как он сам говорил, от столичных штучек, устраивал себе развлечение: беззлобно подшучивал над репортерами — над их костюмами, совершенно не приспособленными к местному климату, над их портативными пишущими машинками, которые он упорно называл клоподавками, над ярким галстуком Бедворта, над трубкой Брауна, чашечка которой была сделана в виде цветка лотоса. А главное, над случаем, соединившим вместе этих трех совершенно разных людей.

Наверное, нет в человеческом бытии явления более загадочного, чем случай. Непредсказуемое стечение обстоятельств, непреднамеренное совпадение действий во времени и пространстве — и судьба человека делает крутой зигзаг, заставляя его совершать поступки, которые он никоим образом не планировал ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем. А последствия этих поступков, распространяясь на окружающих, словно волны от брошенного в воду камня, направляют и их мысли, и их действия. И последствия этих последствий... Недаром блистательный Дюма считал всю историю цепью случайностей, не замечая, что в такой трактовке уже изначально заложена историческая закономерность. А философы от седой древности до наших дней ломают головы, стараясь отыскать те закономерности, следствием которых является случай.

Ну могла ли предположить легкомысленная Кети Флеминг, не устоявшая перед искушением вильнуть хво-

стом под носом Тома Клаузена, чьей девушкой она считалась уже целый месяц, какие последствия вызовет ее неверность? Она очень приятно провела вечер, а затем ночь с другим парнем, не особенно стараясь, чтобы подружки не узнали об этой ее «ходке налево». Она даже была не прочь, чтобы они узнали и рассказали Тому: чем же еще и удержать парня, как не ревностью? Они и рассказали, даже с такими подробностями, которых в помине не было. И на следующее утро аэродромный механик Клаузен, злой на весь мир и в особенности на прекрасную его половину, без должного внимания отнесся к просьбе командира филиппинского лайнера, совершающего межконтинентальный рейс, проверить состояние масляной системы в третьем двигателе его «боинга». Том, презрительно хмыкнув, открыл двигатель, сразу увидел, что сбил защитный колпачок датчика давления масла, и, ударом кулака вогнав его на место, бурнул: «О'кэй, мистер». И больше не стал ничего смотреть, а отправился в бар, чтобы продолжить мысленное обсуждение важнейшей дилеммы: да стоит ли даже лучшая девушка на свете мужских забот и мужского спокойствия? А за два летных часа до Манилы, над океаном, самолет потряс сильный удар — турбина третьего двигателя разлетелась, разворотив моторную гондолу.

Ну а можно ли считать случайностью, что на этом самолете, наряду с другими пассажирами, оказались Юджин Бедворт и Ричард Браун? Репортеры из разных изданий, они были посланы на Филиппины с одинаковым заданием: написать что-нибудь новенькое о пресловутой бескровной хирургии. Что поделаешь, стояло лето, мертвый сезон, сенат и конгресс были распущены на каникулы, никаких скандалов не ожидалось, и редакторы выбивались из сил, стараясь отыскать «жареные» факты, чтобы развлечь подписчиков, не потерять их, не дать конкурирующему изданию перехватить «свой» контингент. Конечно, репортеры могли сесть и

в разные самолеты, но тогда не произошли бы те удивительные события, о которых я рассказываю. А они обязательно должны были произойти. Вот почему неминуемый случай свел Юджина и Ричарда в одном самолете, где они и познакомились и даже сели рядом, обменявшись с одной симпатичной старушкой.

— Скверное дело, а? — сказал Бедворт после того, как стюардесса, успешно подавляя дрожь в голосе, объявила по внутренней связи, что уважаемые пассажиры могут не беспокоиться. Мол, произошла лишь небольшая техническая неисправность и через двадцать минут самолет совершит посадку на аэродроме военно-морской базы Лубанга, где имеется полоса для приемки тяжелых машин. Перегнувшись через спинку своего кресла, Юджин с ужасом наблюдал в заднем иллюминаторе, как медленно отрывается от гондолы кусок обшивки, загибаясь на консоль под крыло. Лицо его сразу вспотело, но он боялся вытереться платком, чтобы никто не обратил внимания и не подумал, что он паникует. А в мозгу сквозь пелену страха пробивалась мысль, что если все обойдется, то начальство обязательно обратит внимание на молодого репортера, который в первую же командировку попал в приключение — да какое! — но держался молодцом. И эта мысль помогала ему держаться молодцом. Краем глаза он видел, что многие пассажиры сидят бледные, в полуобмороке, вцепившись в подлокотники кресел.

— Не смертельно, — отозвался Браун. — Эти телеги выдерживают и не такие передраги.

Он с горечью отметил в душе, что совершенно не испытывает страха. И дело тут не в удивительной прочности современных самолетов. Просто он не ждет от жизни ничего нового. А если уж быть предельно честным с самим собой, то тот узенький круг интересов и удовольствий, который он себе оставил — рюмка виски и банка пива по вечерам, детективный фильм раз в неделю, иногда случайная подружка — представляет не-

большую ценность. И особенно жалеть о его потере, право же, не стоит. Пройдут годы, и этот юнец со вспотевшим лицом, что трясется от страха в соседнем кресле, придет к такому же выводу...

Едва соскочив с трапа после посадки на Лубанге, Бедворт кинулся искать телефон: передавать сообщение в агентство.

— О чем? — холодно спросил Браун. — О том, как молодец пилот благополучно посадил аварийную машину? Так «боинг» может сесть даже на одном двигателе. Да и пилот-то всего лишь филиппинец. Будь он американцем — куда ни шло.

И Бедворт только развел руками. Действительно, такую информацию агентство никому не продаст. А он испортит себе репутацию, заставив агентство оплатить пустой телефонный разговор. Но через три часа, когда с Лусона* прилетел другой самолет, чтобы забрать пассажиров, тот же Браун, слонявшийся по аэродрому и наткнувшийся на вертолетчика, с которым познакомился некогда во Вьетнаме, принес ошеломляющую весть: завтра ожидается очередная охота на двух японских диверсантов, уже сорок лет кочующих по филиппинским джунглям.

«И он задаром отдает мне такую тему! — ужаснулся в душе Бедворт. — Тут сразу можно прославиться. Наверное, спился и ему уже на все плевать».

История казалась невероятной. Но сержант Вестуэй, командир группы «зеленых беретов», к которому тут же кинулись репортеры, подтвердил: да, так оно и есть. Однако взять их с собой на охоту категорически отказался.

— Не положено, парни. Это ведь боевая операция, всякое может случиться. Шальная пуля, она не разбирает... Да и не в этом дело. Просто очень уж мои ребята злы на этих макак: столько лет за ними бегаем.

* Лусон — остров в Филиппинском архипелаге, где расположена столица государства Манила.

— Ну и что? — не понял Бедворт. — Это даже хорошо, что злы. Можно дать живую картинку в репортаже: обуреваемые справедливым гневом, наши героидесантники под командой сержанта Вестуэя обрушились лавиной на недобрых бандитов бывшей императорской армии. И последние выстрелы второй мировой войны прозвучали через сорок лет после ее окончания. Представляете, какой общественный резонанс это вызовет!

Сержант надвинул берет на самые брови. Во взгляде, которым он окинул репортера, мелькнуло сожаление.

— Я же ведь сказал, что мои ребята здорово разозлились. А ну как кто из них сгоряча приложит этого макаку прикладом по черепу? Они ведь теперь не враги, а бедные обманутые фанатики. Да и лет им сейчас — одному под шестьдесят, а другому и того больше. Старики, в общем, хотя и очень резвые еще парни, натренированные. А общественность ведь только на возраст отреагирует, если мы этих макак вытащим из джунглей ногами вперед. Вот тогда и будет резонанс. Вы же первые завопите: негуманное обхождение, варварство и прочие такие слова.

Человек пять десантников, собравшись в нескольких шагах, прислушивались к разговору и беззвучно хохотали, делая вид, что не обращают на беседующих никакого внимания. Сержант зыркнул на них глазом раз, другой. Ответом ему были откровенные усмешки. Браун тоже усмехнулся, заметив эту пантомиму. Один Бедворт ничего не замечал.

— Но ведь можно и гуманно, — растерянно сказал он.

— Можно, — согласился сержант, в очередной раз пытаясь разогнать начальственным взглядом насмешников. — Даже нужно, наверное. И предположим, возьмем мы их гуманно в плен, привезем на базу, отмоём сколько сможем. А потом начнется... Кто они? Военнопленные? Так война давно кончилась. Просто бандиты?

Так ведь по приказу действуют. А может, тот, кто приказ отдал, сейчас значительный человек. И выходит, что не бандиты они, а герои. А что из этого следует? А то, что если Япония признает их своими гражданами, значит, она находится с нами в состоянии войны. А не признает — какого они подданства? Какой суд их дело разбирать должен? Вот так-то, парень! Лучше уж негуманно.

Нет, этот сержант-южанин, не скрывающий своего пренебрежения ко всем небелым, вовсе не был таким дуболомом, как показалось сначала Бедворту. Ошалевший от этих дипломатических парадоксов, репортер с его университетским образованием далеко не сразу понял, что Вестуэй просто издевается над ним. Зато он понял другое: участь японцев решена, а им, репортерам, в этой акции не участвовать.

Браун до конца наслаждался этой сценой. Для него-то сержант был как на ладони. За свою бурную репортерскую жизнь Дик и не таких выдывал. И этот тип во-як — умных, жестких, опытных, которым только отсутствие образования мешает пролезть в офицеры и которые в конце концов все-таки добиваются младших офицерских чинов, — был ему хорошо знаком. И дождавшись, когда его молодой коллега полностью осознает свое поражение, Браун начал действовать. Вытащив из кармана фляжку, он зубами выдернул пробку, глотнул из горлышка и протянул несговорчивому сержанту.

— Кончай, парень, проверять нас на прочность, — сказал он, копируя южную манеру речи Вестуэя и чуть-чуть, необидно, утрируя ее. — Возьмешь ты их живыми или нечаянно заденешь прикладом, все равно прессы тебе не миновать. Сам факт такой, что деваться некуда. Твое же командование будет вынуждено сообщить по инстанции. А в штабах репортеры тоже водятся. И посыпятся сюда ребята из газет, радио, с телевидения. Начнут рядовых расспрашивать. А я так думаю, что в твоей богадельне не все тебя захлеб любят. Кому-ни-

будь ты обязательно на мозоли наступал. Может быть, даже вот этим, которые около нас стоят и скалят зубы. Вот они и расскажут то, что тебе бы не хотелось. Так что, как ни крути, а выгоднее захватить нас на это сафари. Мы — очевидцы, значит, больше нас уже никто ничего не скажет. А мы в благодарность за хорошее отношение где надо отвернемся... И ты всегда сможешь апеллировать к нам: если уж мы чего-то не увидели, значит, того и не было...

Аргументы были весомыми, и сержант их оценил. С пилотом вертолета договорились еще быстрее. Правда, из-за двух людей ему приходилось делать лишний рейс, однако «ради парня, вдосталь нахлебавшегося вьетнамской каши», он охотно согласился поработать.

Но вечером, в номере гостиницы, репортеры крепко поспорили.

— Ты не имел права давать этому громиле такую гарантию, — кипятился Бедворт. — По сути, ты толкнул его на убийство. Он схватит этих выживших из ума стариков и прикончит их. А мы будем вынуждены лжесвидетельствовать...

Браун лежал на кровати, задрав ноги в пестрых носках на лакированную спинку, и посасывал трубку, пуская дым в потолок. При последних словах молодого коллеги он повернул голову и с любопытством взглянул на него.

— Если не хочешь лжесвидетельствовать, надо было идти в проповедники. Там эта проблема решается просто: прихожане громко молятся о благоденствии ближнего, а в душе мечтают, чтобы у конкурента сгорела автомастерская. Ты передаешь богу их явные пожелания, бог читает в душах тайные и не исполняет ни те, ни другие. Зато декорум соблюден и все довольны — и прихожане, и бог, и ты. Сразу предупреждаю: сюжет не мой, а Марка Твена. Не вздумай присвоить — оскандалишься.

Бедворт даже поперхнулся виски со льдом, которое

он крохотными глоточками отхлебывал из высокого бокала — неперменной принадлежности любой гостиницы, к какому бы разряду она ни относилась. Поспешно отставив бокал, он вскочил с кресла и встал перед Брауном в вызывающей позе, уперев руки в боки — ни дать ни взять толстуха Лорен, продавщица жареных орешков на сороковой улице в Нью-Йорке, усмехнулся про себя Браун.

— Объяснимся сразу, Дик, — голос у Бедворта сделался визгливым, как у Лорен, когда она осыпала проклятиями конкурентов, и Браун чуть не расхохотался, а потом нахмурился: его неприятно резанула эта фамильярность. — Я вовсе не такой цыпленок-идеалист, каким ты, может быть, представляешь себе выпускника университета. И понимаю, что правда — понятие относительное. Но тем не менее я хочу писать правду и только правду. И всю правду. Особенно там, где пахнет сенсацией. А ты меня этой сенсации лишил.

Он уже забыл, отметил про себя Дик, что именно я нашел эту сенсацию. И ему в голову не приходит поблагодарить за то, что я дал ему возможность выдвигаться.

— Зато я спас жизнь этим выжившим из ума старикам, как ты их называешь.

— Спас им жизнь?! По-моему, ты тоже рехнулся.

Браун все так же неподвижно лежал на кровати, разглядывая нависшего над ним Бедворта, и невозмутимо попыхивал трубкой. Только глаза его зло сузились.

— Птенчик, не передо мной тебе лукавить, — холодно сказал он. — Какая тебе правда нужна? Где ты ее найдешь в этом мире? Вся журналистика — это сплошной компромисс, в первую очередь с самим собой. Всю свою жизнь ты будешь лжесвидетельствовать и отлично знаешь это. На этом и держится наша профессия, недаром она — вторая древнейшая.

— Как это? — не понял Бедворт.

— Потому что первая древнейшая профессия — про-

ституция. Эх ты, даже этого не знаешь! Чему же вас учили в университете? Подумай и поймешь, что между нами и нашими сестрами во грехе много общего. Там продают тело, здесь — душу. Какая разница? Красивое тело стоит дороже, талантливая душа — тоже. Главное — уметь себя подать. Вот ты и хочешь красиво подать себя в этой истории. Побренчать о гуманизме, о цене жизни, об идеалах цивилизованного мира. Ты ведь не против того, чтобы этих японцев пристукнули, лишь бы разрешено было не отворачиваться. И сержант тебя сразу раскусил. А со мной заключил договор сохранить японцам жизнь. Он ведь далеко не дурак, этот сержант, и так готовит себе путь к офицерским погонам, чтобы ни одного камушка не попало под ногу. А если ты этого не понял, значит, ты еще никудышный журналист.

— Ты хочешь сказать, что вы говорили об одном, а имели в виду совсем другое? — недоверчиво спросил Бедворт.

— Вот именно. Завтра все может произойти. Но если кого-то убьют, это будет случайность. А если ты посмеешь спекулировать на этом, я пошлю в твою контору опровержение.

Бедворт пытался еще что-то сказать, но Браун бесцеремонно отвернулся к стене и велел потушить свет. И тут же заснул или сделал вид, что заснул. А Бедворт выскочил в коридор и долго слонялся из конца в конец мимо одинаково унылых дверей, благо толстые ковры заглушали стук каблуков. Заголовки один сносшибательнее другого вспыхивали в его разгоряченном мозгу, и он задыхался от обиды, что такая сенсация может пролететь мимо. Но даже самому себе он не мог признать, что больше всего боится, как бы последние выстрелы второй мировой войны не прозвучали вхолостую. Без крови...

Вот так они попали в группу захвата. И именно биннокль Бедворта, неосторожно высунувшегося из кустов, спугнул диверсантов.

— Опять не вышло, сержант, — вздохнул один из десантников, перекидывая через плечо автомат и вытирая потное лицо подкладкой берета. — Поди, ухвати их в этих зарослях. Белый человек пройдет там разве что позади огнемета.

Сержанта будто обожгло кипятком. Он выругался и решительно подозвал к себе радиста с походной рацией.

— Сегодня мы возьмем макак, — холодно сказал он. — Возьмем, или я съем собственные нашивки. Они ушли на север, другого пути у них нет. На западе и востоке — вырубки. А на севере, если не врет аэрофото-съемка, джунгли кончаются. Там начинается плоскогорье, дубовые и сосновые леса. Но чтобы добраться туда, им придется пройти болото, в котором никому, даже здешним макакам, долго не продержаться. А за болотом — пальмы, узенький пояс, как бикини на бедрах моей девчонки. Вот здесь мы и организуем встречу. Им через болото пилить часов восемь, а то и все десять. И после этого их можно будет брать голыми руками.

Он совершенно преобразился, этот забияка сержант. Суровый, подтянутый, он дал вводные точно и коротко — ни дать ни взять полководец, начинающий стратегическую операцию. И солдаты мгновенно уловили эту перемену: взбодрились, начали оживленно переговариваться, некоторые заулыбались. Бедворт содрогнулся, увидев эти улыбки. Сержант взял у солдата микрофон, отдал команду, и вертолет пошел на снижение.

4

На исходе восьмого часа они все еще брели по болоту — по колено, а то и по пояс в теплой, вонючей воде. Их уже не мучило от гнилых испарений — привыкли. И давно перестали вздрагивать, когда из-под ног всплывали и с плотоядным чавканьем лопались крупные, белесоватые пузыри, выбрасывая в воздух мутноватое облачко остро пахнущего газа. Они шли в сероводородном

тумане, и пузыри, словно разрывы снарядов, отмечали их путь. Если бы сержант Вестуэй догадался, он без труда нашел бы их по этим разрывам и расстрелял с воздуха. Но он не догадался или предпочел не догадаться при репортажах.

Порой беглецы переставали понимать, действительно ли они движутся вперед или им это только кажется. Измученный мозг вдруг отключался — и тогда пропадала тупая ноющая боль в мышцах и казалось, что ты просто медленно поворачиваешься на одном месте и мимо тебя проплывает одна и та же редкая жесткая осока и еще более редкие искривленные пальмы, стволы которых расплываются, как призраки, в раскаленном колышавшемся воздухе. Потом боль возвращалась, и оказывалось, что они по-прежнему сантиметр за сантиметром преодолевают водную преграду. Здесь могли быть аллигаторы, даже наверное были, но люди не думали о них, как не думали ни о чем, кроме одного — выбраться.

Восемь часов пробиваться через эту топь, где каждый шаг приходится начинать с усилий, чтобы вытащить ногу из ила, и каждый шаг мог оказаться последним — где пределы резервам человеческого организма? По этой залитой водой колыхающейся равнине, где кочка вдруг проваливается под ногой, а чахлые пальмовые стволы сгибаются в дугу или вылезают с корнями на поверхность, когда приходится держаться за них, не могли бы пройти и местные жители. Только сорокалетний опыт диверсантов помогал им безошибочно находить место, куда можно поставить ногу, или тот ствол, внешне ничем не отличающийся от других, что выдержит тяжесть человеческого тела. А главное, нельзя остановиться, отдохнуть хоть несколько минут: ил тут же начинает втягивать в себя. И нельзя оступиться, встать не на ту кочку, ухватиться не за тот ствол: помощи не будет — другой пройдет мимо, не заметив, не услышав крика, не осознав, что остается одиноким. Они шли только потому, что знали: рано или поздно, пусть через тысячу лет,

но наступит момент, когда дно начнет повышаться и появится берег — твердь земная, где можно развести костер, обсушиться, позволить расслабиться одеревеневшему телу. И хотя они напряженно всматривались вперед воспаленными глазами, берег вынырнул из-за колышущейся пелены испарений неожиданно, сразу, совсем рядом, будто невидимый режиссер приказал поднять занавес. Перед ними вспыхнули, будто стремительно шагнули навстречу, черные стволы пальм. Совсем других, чем на болоте — прямых, могучих, заросших густым жестким войлоком. Потом они увидели, что у пальм были и черные кроны.

Впрочем, это они увидели гораздо позже. А сначала они, хватая воздух разрывающимися легкими, выбрались на сушу и рухнули в траву — густую и осязаемую. Все расплывалось перед глазами. А потом, постепенно, когда собственное дыхание перестало взрываться в ушах, до них дошло, какая странная тишина окутывает и этот берег и эти пальмы. Вот тогда Като поднял голову и увидел черные кроны. Проследив за его остановившимся взглядом, увидел их и Таникава. И в тот же миг оба вскочили на ноги.

— Черные пальмы? — в ужасе выдохнул Таникава.

Лейтенант свирепо обернулся к нему, и Таникава зажал рот рукой. Но было поздно. Свистнула стрела, мелькнув перед их лицами, и, трепеща оперением, вознилась в ближайшую пальму. И не успели беглецы осознать, что произошло, как дерево вспыхнуло — сразу от корней до кроны, словно смоляной факел. Багровое пламя ударило по глазам разрывом термитного снаряда, и люди бросились бежать, не разбирая дороги. Волна ужаса несла их вперед, между черными стволами, которые расступались по сторонам, открывая четко намеченный путь.

...Легенда о черных пальмах ходила не только по Лубангу, но и по всем населенным островам архипелага. Примечательно, что никто не мог указать точного

места, где растут эти мрачные деревья. И разумеется, каждый воспринимал эту легенду по-разному. Люди образованные только пожимали плечами, приводя неопровержимый аргумент: черное дерево не может существовать, поскольку хлорофилл, перерабатывающий солнечную энергию, бывает только зеленым. Потом выяснилось, что пальмовые листья на самом деле имеют синезеленый цвет, как древнейшие водоросли, и кажутся черными лишь в вечном полумраке джунглей. Служители церкви и философы искали в этой легенде аналогии со сложными парадоксами нашего бурного и изменчивого мира. Простой народ верил в легенду безоговорочно. Она гласила, что много веков назад упал с неба большой камень — точно в центр храмовой площади. И раскололся. Из камня вытекла ярко-синяя вода и заполнила воронку, выбитую в земле метеоритом.

Был большой храмовый праздник. Толпы народа заполнили молельни, внимая мудрым поучениям монахов, отдыхали на траве в гостеприимной тени пальм. Голубое озеро окутало их своими испарениями. И люди растворились в каменной горе, кольцом окружавшей храм. А пальмы почернели, разрослись и образовали второе кольцо, внутри которого происходят удивительные вещи. Иногда люди выходят из горы и греются на солнце, а потом снова уходят в каменный мрак. Далее легенда рассказывала о совсем уж страшных вещах. Ни один человек, попав в лес черных пальм, не может вернуться оттуда: камни поглотят его и будут держать до тех пор, пока не сбудется начертанное свыше. Тогда человечество на всей Земле исчезнет, а планету заселят невиданные звери и птицы, которые тоже замурованы в камнях. И, дождавшись своего часа, люди выйдут из горы и станут властвовать над Землей.

И Таникава и Като, разумеется, не однажды слышали эту легенду, еще когда служили в отряде Ясухары и допрашивали местных жителей. Но если неграмотный крестьянин Таникава осторожно сомневался — а вдруг?

Чего на свете не бывает? — то выпускник биологического факультета Като только презрительно кривил губы. Ему, в прошлом сотруднику отряда № 731 *, военному преступнику, случалось видеть вещи и пострашнее. Правда, за сорок лет в джунглях он безнадежно отстал в науке и не знал, что времена слепого отрицания прошли. Теперь ученые скрупулезно анализируют каждую легенду, предание, миф, отыскивая в них зерна истины. Като же по-старинке твердо знал: чудес в природе не бывает, их могут сотворить только люди. И бежал он сейчас не от черных пальм — от стрелы. Где стрела — там и лук. А где лук — там твердая рука и беспощадный прищур глаз врага. Безоружные, они не могли обороняться. Значит, выход один — бежать. Вот почему Като бежал за Таникавой хотя и на волнах ужаса, но его ужас был осознанным, продиктованным необходимостью.

Они бежали до тех пор, пока черный пальмовый лес внезапно не кончился и перед ними открылась равнина, освещенная мертвенным лунным светом. А на ней возвышалось сооружение, которое не мог бы придумать самый безумный архитектор. Невиданные черепа — огромные, с челюстями, как ковши экскаватора; и маленькие, с кошку голову, зато с тонким длинным рогом между глаз; черепа с тремя пустыми глазницами, черепа с раздвоенной нижней челюстью; черепа, у которых вообще не было челюстей, а вместо них торчала трубчатая кость... Невиданные скелеты — одни горбатые, гигантские, с непомерно длинным хвостом; другие маленькие, плоские, будто придавленные; скелеты круглые, точно шар, и скелеты вытянутые, как мостовой пролет... Невиданные лапы — колонноподобные, с тяжелыми, будто кувалда, копытами; лапы гибкие, многосуставчатые; лапы, предназначенные рыть, хватать, спа-

* Отряд № 731 под командованием генерал-лейтенанта императорской армии Сиро Исии занимался созданием и промышленным производством бактериологического оружия.

саться от погони или сваливать добычу на землю одним ударом. Биолог Като сразу определил, что все эти останки принадлежат животным, неизвестным науке. Будто природа организовала здесь кладбище отходов эволюции...

Эта груда костей, выбеленных дождями и солнцем, громоздилась на высоту пятиэтажного дома. Свет луны, вышедшей из облаков, грозно отражался от пустых глазниц, мерцал на острых клыках, сползал с растопыренных когтей. Нет, это не природа, это люди, подумал Като. Это свалка для неудавшихся экспериментов. Он и сам удивился, почему так уверенно решил про эксперименты. Будто кто-то подсказал со стороны...

Прямо перед ними, в мешанине костей, был узкий, на высоту человеческого роста проход. Но идти туда было нельзя: зловещая легенда обстоятельно предсказывала, что с ними произойдет. Като махнул рукой, приказывая Таникаве повернуть обратно.

Они сделали только три шага. Знакомо свистнула стрела, и пальма, стоящая перед ними, загорелась. Это был приказ, и диверсанты его поняли.

— Не пойду! — Таникава лег на сухую колючую траву, закрыл лицо руками. — Умру здесь!

Като несколько минут задумчиво смотрел на него, поигрывая кинжалом. К нему вернулось спокойствие.

— Рядовой Таникава, приказываю встать, — негромко скомандовал он. И неожиданно мягко добавил: — Рано нам еще умирать. Иди за мной, Таникава-кун, и ничего не бойся.

И, не оглядываясь, вступил в тоннель между костями. Пораженный его тоном, Таникава двинулся за ним.

Удивительно, но именно теперь у Като появилась реальная надежда на спасение. Впрочем, удивительного тут ничего не было. Их не собирались уничтожить — это ясно. Все эти дешевые трюки со стрелами и вспыхивающими пальмами преследовали только одну цель — заставить их идти в нужном направлении. Но ведь и пути

назад у них не было. Позади болото и джи-ай *. А впереди, если верить легенде, скала, которая вмурует их в себя. Но это по легенде, а на самом деле? Като все более убеждался в мысли, что их ведут в какое-то затерянное племя, стоящее на довольно низкой ступени развития. В этом убеждали фокусы со стрелой: даже в прошлом веке образованный человек, оправившись от вполне понятного шока, начал бы доискиваться до реальных причин этого явления. Навряд ли в этом наверняка немногочисленном племени убивают заблудившихся путников: лишней рабочей силой здесь должны дорожить. Почему бы ему, военному преступнику, которому путь в цивилизацию заказан, не остаться здесь, в лесах, взять в жены местную женщину, а его возраст еще это позволяет, и зажить, наконец, спокойно. А там кто знает — с его знаниями, выучкой, волей, жестокостью, наконец, он может продвинуться, уничтожить соперников, стать вождем. Като усмехнулся: не такой представлялась ему перспектива, когда он остался на Лубанге, чтобы переждать, сохранить свой талант для великой Японии. Но подлодка за ним так и не пришла — ни через три года, ни через пять, ни через семь, а это был последний обусловленный срок. Что-то не сработало в Стране восходящего солнца, которую нельзя сломить... Ну что ж, теперь он вправе распоряжаться собственной жизнью. И Като уверенно шагал вперед, изредка наклоняя голову, чтобы не стукнуться о растопыренные, свисающие сверху когти. Лунный свет, проникающий сквозь переплетения костей, ложился у его ног причудливыми узорами.

Кладбище монстров внезапно кончилось. Люди очутились на вершине горы, кольцом опоясавшей впадину, где стоял храм. Его строения оставались черными даже под луной, лишь конусообразные крыши их мрачно серебрились. Поверх осыпающейся каменной ограды была видна площадь. В центре ее блестело ярко-голубое пят-

* Д ж и - а й — прозвище американских солдат.

но. Легенда оказалась точной. На мгновение Като почувствовал, как к горлу подступила тошнота, но сумел взять себя в руки. Странно, но сейчас он совсем не чувствовал усталости. Налетающий со стороны храма ветерок будто вливал в него силы. Тренированным взглядом Като сразу зафиксировал, что хотя вокруг не было ни души, храм вовсе не казался заброшенным. Правда, по тропинке, которая начиналась у его ног и, петляя, спускалась к воротам, ходили редко: между плоскими камнями пробивалась трава — но все же ходили.

Внезапно за спиной раздался шорох. Вздвогнув, диверсанты оглянулись: в тоннеле, через который они только что прошли, медленно обваливались кости. Через несколько минут проход перестал существовать.

«Полный джентльменский набор», — усмехнулся Като, вспомнив любимую поговорку своего сокурсника, с которым он некоторое время жил в одной комнате. Как же его звали? Смит не Смит, но, в общем, простая английская фамилия. Впрочем, неважно. Эти балаганные фокусы раздражали его все больше и больше. Таникава, напротив, побледнел и затрясся. Казалось, только теперь, увидев, как заваливается проход, он понял, что они окончательно отрезаны от привычного, а потому безопасного мира.

— Рядовой Таникава, возьмите себя в руки, — Като ободряюще хлопнул товарища по плечу. — Солдаты императорской армии не пасуют перед балаганными фокусами. Запаситесь мужеством, Таникава-кун, нам сейчас выложат полный джентльменский набор.

Его слова будто открыли новую секцию волшебного ящика. Откуда-то сверху к ним медленно спустилась по воздуху змея. Тонкая, изящная, с точеной головкой, она плавно скользила навстречу, быстро высовывая и убирая дрожащий раздвоенный язычок. Потом прямо перед ними свилась в кольцо, покалывая людей крохотными черными глазками, и, наконец, скользнув над их головами, скрылась в переплетении скелетов.

— Вперед! — сквозь зубы прошипел Като.

Его начал разбирать неудержимый смех. Совершенно не к месту и не по обстоятельствам. Но Като не думал об этом. Впервые за сорок лет перестал анализировать свое состояние, контролировать психику. Со стороны храма опять дохнул ветерок, отдающий незнакомым, чуть пряным ароматом, и на Като нашло непонятое спокойствие и страшное, усыпляющее бдительность веселье. Ему ужасно любопытно было узнать, какие еще фокусы приготовлены впереди. И он заранее хохотал над их примитивизмом.

— Вперед! — повторил он и бросился вниз по тропинке. Полумертвый от ужаса Таникава, спотыкаясь, бежал за ним.

Тропинка делала крутой изгиб там, где почти перед воротами храма на одной ее стороне зарылся в землю обломок скалы, а на другой раскинул могучие ветки старый махогани. Тень от его ствола мешала рассмотреть, что же там, за поворотом, а Като вдруг так захотелось это узнать... В несколько прыжков он одолел расстояние до поворота, намного опередив Таникаву. Эта поспешность спасла солдату жизнь.

Из дерева рос тигр. Задняя его часть была в стволе, а передними лапами он бил по воздуху и рычал, широко разевая пасть. Зеленая пена капала с огромных клыков. Като замер. В его замутненном сознании вдруг на мгновение словно приоткрылось окошко, и он понял, в какую ловушку их заманили. Но тут же окошко захлопнулось. Тигр вытянул лапы, почти доставая его когтями, и Като инстинктивно отпрянул в сторону, ударившись спиной о скалу...

5

Сержант Вестуэй начал уже поглядывать на часы и произносить мысленно самые замысловатые проклятья. Одиннадцать оборотов сделала большая стрелка с тех

пор, как вертолет поднял их в воздух и перенес сюда, на вершину горы. Здесь росли не вконец осточертевшие, жирные, будто надраенные ваксой пальмы, лианы и прочая тропическая нечисть, а благородные дубы и сосны, которые он, Вестуэй, так полюбил в Северной Дакоте, где обучал новобранцев в военном лагере. Неужели макакам опять удалось смыться? Ведь все было так хорошо рассчитано... Но в этот момент впереди послышался треск веток и веселые голоса — засада возвращалась. Сержант облегченно вздохнул: удача!

Однако удача оказалась не полной. Был пойман только один диверсант. При лунном свете было видно, как ловко и весело несут на плечах запеленутую фигуру четыре десантника. Второй либо скрылся, либо был убит. Вестуэй покосился на репортеров, лица их были непроницаемы.

— Поставьте его на собственные ходули! — рявкнул раздосадованный сержант, когда пленника подтащили к нему.

— Куда там! — махнул рукой один из десантников, отбрасывая плащ-палатку, в которую был завернут Таникава. — Взгляните, какое угощение он получил.

Сержант отшатнулся. Из левого бока пленного торчал увесистый камень, только что отломанный от скалы. Это было видно по свежему излому, на гранях которого играл лунный свет.

— Из какой же это рогатки в него пальнули! — ахнул Бедворт. — У него же кости с кишками перемешаны. Как он еще дышит, бедняга!

Он взглянул на Брауна, но тот не отозвался, внимательно разглядывая раненого. На его лице было смятение, будто вид булыжника в теле человека вызвал у него невероятную ассоциацию и он сам боится себе поверить.

— А где второй? — хмуро спросил Вестуэй.

— Могу поклясться на Библии, сержант, мы его не видели. Этот выбежал на нас, словно за ним гнался дьявол, размахивая раскаленной сковородой. Я стоял ближе всех, так он вцепился в меня и затрясся, как на электрическом стуле. И все оглядывается назад, лепечет по-своему. А потом упал. Мы, пока его несли, все боялись: вдруг откинет копыта по дороге.

И в этот момент раненый открыл глаза. Минуту он недоумевающе рассматривал окруживших его людей, потом вскочил на ноги и стал что-то кричать, путая японские и филиппинские слова.

— Рехнулся! — сказал сержант, прослуживший несколько лет в Японии, а здесь, на Филиппинах, выучивший с грехом пополам варай-варай *. — Говорит, что его командира проглотила скала. Пыталась и его проглотить, но сил у нее не осталось, и он вырвался. Явно бредит. А ну-ка, парни, давайте его в вертушку. Если дотянет до Веселого дока, может, тот и вытащит малого.

— Веселый док если что и вытащит, так это фляжку со спиртом из потайного кармана, — ухмыльнулся один из десантников.

Через несколько минут вертолет взял курс на базу, имея на борту раненого, репортеров и трех десантников. Сержант Вестуэй с остальными людьми остался на месте, дожидаясь второго рейса. Правда, он успел передать краткое сообщение по радио.

Как ни удивительно, но на этот раз Веселый док, бакалавр медицины Томас Хантер, оказался во вполне приемлемом состоянии. Нет, чуда не произошло, хотя срок очередного возлияния давно миновал, а док всегда утверждал, что медицина зиждется на пунктуальности. Но тут пришлось поступиться личными интересами. Группа солдат передралась в баре. В ход пошло все — бутылки, стулья, медные пепельницы и даже телефонная будка, о которую с большой сноровкой били чужие

* Варай-варай — один из филиппинских диалектов.

головы. И Хантеру пришлось потратить несколько часов, чтобы наложить швы на пробитые черепа, поставить на место вывихнутые челюсти, выправить свернутые носы, загипсовать сломанные руки. «Грубая работа, — ворчал он про себя. — Вся квалификацию потеряешь!» Однако операции он делал ловко и уверенно. У доктора тряслись пальцы от усталости, когда он отпустил последнего пострадавшего. Немудрено, что он пришел в ярость: вместо того, чтобы разлечься, наконец, на мягком медицинском диванчике, посасывая из заветной фляжки, ему приказали заняться раненым туземцем, которого десантники втащили на плечах в приемный покой. Вот тут Веселый док выложил им все, что он думает и о них, десанниках, и об их родителях, которые чурались противозачаточных средств, и обо всей армии Соединенных Штатов. Но делать было нечего — долг есть долг. Теперь, если туземцу и предстоит умереть, он сделает это по всем правилам медицинской науки.

— На стол! — скомандовал Хантер фельдшеру.

Двери операционной закрылись. Десантники умчались в бар, снимать напряжение после боевой операции. Пилот улетел за сержантом Вестуэем и остальной группой. В приемном покое остались только журналисты. По молчаливому соглашению они не кинулись к телефонам передавать «жареную» информацию: каждый понимал, что сенсационный сам по себе факт ликвидации последней банды времен второй мировой войны блекнет на фоне тех необычных событий, свидетелями которых они стали. Да и конкурентов у них не было. Они уже выяснили, что полковник Стивен, командир базы, вылетел в Манилу на совещание к командующему, а лейтенант, исполняющий сейчас его обязанности, не решился передать дальше необычную информацию, полученную по радио. Ждал сержанта.

Вестуэй вернется на базу в лучшем случае часа через полтора. Пока это он доложит лейтенанту, пока тот

тщательно обдумает текст радиogramмы на Лусон, пока эти сведения станут достоянием журналистов, аккредитованных в столице архипелага... По самым скромным подсчетам у них в запасе двенадцать часов чистого времени. Сейчас они монополисты: никто не передаст информацию раньше их.

Они не разговаривали друг с другом. Сидели в разных углах, курили. Каждый воспринял сногшибательное известие по-своему. Браун был необычайно сосредоточен. Сгорбившись на диванчике, упершись руками в колени в классической позе лихих шерифов из вестернов, он до сих пор старался что-то понять, и по лицу его то и дело пробегало облако недоумения. Бедворт, напротив, свободно развалился в кресле и, казалось, ни о чем не думал. Лишь губы его время от времени кривила скептическая усмешка. Так прошло полчаса.

Внезапно дверь операционной распахнулась, и Хантер — взъерошенный, растерянный, злой, с вытаращенными глазами и мокрым лбом вывалился в приемный покой. Не говоря ни слова, он рванул дверцу холодильника, выхватил из заледенелого нутра бутылку и жадно припал к горлышку. Опытным глазом Браун определил, что это был основательный, профессиональный глоток.

— Чтоб мне никогда больше не увидеть Аризоны, если кто-либо еще сталкивался с чем-то подобным! — выругался Веселый док и снова припал к бутылке. Журналисты мгновенно очутились возле него. Оторвавшись вторично от горлышка, Хантер дико глянул на них, недоумевая, что это за типы и как они очутились здесь, и, вспомнив, злорадно ухмыльнулся.

— Держу пари, ребята, на ящик виски против спичечного коробка, что вы не осмелитесь написать о том, что я вам сейчас покажу. Иначе ваши боссы решат, что вы растворили в спирте последние мозги, которых у журналистов и так ограниченное количество.

— Слишком много слов тратите, док, — спокойно отпаривал Браун. — А слова — это ценность, эквива-

лентная свободно конвертируемой валюте. Хотите, я скажу, чем вы собираетесь нас поразить?

И Хантер и Бедворт недоуменно уставились на него.

— Булыжник, проткнувший этого человека, стал частью его организма, — невозмутимо продолжал Браун.

Не прислонись Хантер заранее к холодильнику, он бы упал.

— С ума сойти, верно! Камень не только врос в тело, он начал пронизываться кровеносными сосудами. Это как раковая опухоль. Только не поймешь, кто же тут играет роль онкогена, кто кого растворяет. Но как вы догадались, мистер?

Вопрос повис в воздухе: журналисты были уже в операционной, где у стола застыл полностью потерявший способность двигаться и говорить фельдшер. И на их глазах случилось невероятное.

В обнажающем свете бестеневой лампы на белой простыне резко выделялось смуглое, худое тело с выступающими ребрами. Маска была снята, но больной еще не пришел в сознание, хотя толстые, почти без ресниц веки изредка трепетали, словно силились раскрыться. Но журналисты не смотрели на его лицо. Их глаза были прикованы к левому боку раненого, где между четвертым и пятым ребром наливался синевой и пульсировал огромный нарыв. Казалось, он вот-вот лопнет... Бедворт даже отступил на шаг, загородившись объемистым баллоном аппарата «искусственное легкое». Но нарыв не лопнул. Вдруг пульсация прекратилась, и синеватый желвак за несколько минут ушел внутрь, будто растворился в теле. А еще через минуту Таникава раскрыл глаза и медленно, неуверенно встал на ноги.

— Век не видать мне родной Аризоны! — как-то безнадежно ахнул Хантер и сделал очередной внушительный глоток.

Наступило молчание, тем более тягостное, что никто из них не решался заговорить, хотя каждого буквально

распирало от вопросов. Бедворт был на грани истерики. Хантер сник и непрестанно проводил по лицу трясущейся рукой, будто сомневался: он ли это? Браун ушел в себя — казалось, он сопоставлял то, что видит, с теми воспоминаниями, которые наконец-то сумел вызвать из глубины памяти.

...Дверь распахнулась, и в операционную ворвался Вестуэй — в берете, надвинутом на самые глаза, в грязном комбинезоне, с автоматом на боку и сигаретой, зажатой в уголке рта. На фоне ослепительной хирургической белизны он резал глаз, как корявый замшелый пень среди скульптур музея изящных искусств. Хантер никак не отреагировал на такое вопиющее нарушение правил.

— Кажется, успел вовремя, — заявил бравый сержант, оглядывая всех твердыми прищуренными глазами и мгновенно оценивая обстановку. — Недаром пилот всю дорогу гнал на форсаже. Вы молодец, док, быстро поставили его на копыта. Ну, приятель, давай в кутузку. Теперь твое место за решеткой, как у макаки в зоопарке.

Последние слова относились к Таникаве. Он покорно шагнул вперед. Подмигнув присутствующим, Вестуэй ткнул дулом автомата в спину арестованного, и дверь за ними закрылась.

В ту же ночь, которая, кажется, никак не хотела кончаться, в маленьком номере военной гостиницы между журналистами происходил серьезный разговор.

— Нас поднимут на смех, — сказал Бедворт после долгого молчания.

Они полулежали в удобных раскладных креслах, разделенные низким столиком. На его полированной поверхности матово поблескивала почти полная бутылка и два бокала. Каждый отпивал виски маленькими глоточками — не по желанию, а чтобы продлить паузы в разговоре. Ситуация была из тех, что требовали ясной головы и полного напряжения сил.

— Мы потеряем репутацию, — опять сказал Бедворт.

— Вполне возможно, — отозвался Браун, делая символический глоток и попыхивая трубкой. — И тем не менее мы обязаны написать все, что видели.

— Но почему мы должны выкладывать все сразу? Что нам мешает ограничиться информацией о поимке последнего диверсанта? А потом, когда сюда сбегутся ребята из других контор, мы первыми дадим остальные подробности. Но тогда их повторят все.

Они попали в ту не столь уж редкую ситуацию, которая на журналистском сленге называется групповым капканом. Когда несколько репортеров натываются на один и тот же факт, они вынуждены сообщать о нем одинаково. В противном случае считается, что тот, кто пропустил какие-либо подробности, сделал работу некачественно. Это уже забота редакции, как она препарирует твоё сообщение в своих интересах. Но Бедворта передергивало при одной мысли о том, какой хохот поднимется в агентстве, когда там прочитают его репортаж из операционной. О филиппинской хирургии-то уже говорят с усмешкой, а уж о булыжнике, растворяющемся в теле... И он напрочь забыл о предыдущем споре с коллегой сутки назад, не думал о том, что их роли так разительно переменялись. Просто сейчас были другие обстоятельства.

— Мы обязаны написать все, что видели, — спокойно повторил Браун. — Хотя бы потому, что из всех сегодняшних событий это — самое важное. Последыши второй мировой — это прошлое. Камень, становящийся компонентом человеческого организма — будущее. И будущее страшное. Это я тебе как бывший биолог говорю. Ядерная бомба — детская игрушка перед этой штукой.

— Но где гарантия, что все это не мистификация, как пресловутая филиппинская хирургия? По-моему, на этом архипелаге живут большие выдумщики. В конце

концов, что мы знаем? Было два диверсанта, один расгворился в скале... Да полно, существовал ли он, этот Като?

— Существовал. И был очень толковым парнем.

— Можно подумать, что вы старые знакомые, — фыркнул Бедворт.

— Так оно и есть, — невозмутимо подтвердил Браун. — Я два года прожил с ним в одной комнате, когда учился на биологическом факультете. Я был студентом, он кончал аспирантуру. И хотя он постарше меня лет на пятнадцать, это не мешало нам дружить.

Бедворт даже поперхнулся дымом и долго не мог откашляться.

— Это может быть простым совпадением, — сказал он наконец, вытирая платком выступившие слезы. — Разве один Като в Японии? Чтобы толковый ученый стал простым солдатом...

— Именно он и стал. Только не простым. Лет двадцать назад я случайно узнал, что он служил у генерала Сиро Исии.

— Ладно, — отступил Бедворт, — предположим. Но этот тигр в дереве, человек в скале... Может ли быть такое слияние мертвой и живой материи?

— Ну, назвать дерево мертвой материей трудно. Скала... Так мы сами это только что видели. Какая разница — человек в скале или скала в человеке? В конце концов, что тут удивительного? Разве не содержится в человеческом организме множество элементов, которые мы относим к мертвой природе, вплоть до железа? Вспомни кораллы, которые состоят из известняка, а питаются органикой. Наконец, вирусы... Науке до сих пор неясно, живая это материя или мертвая. А как они распоясываются в клетках! Но не в этом дело.

— А в чем же?

— А в том, — криво усмехнулся Браун, — что все это я давно видел: и змею в воздухе, и тигра в дереве, и человека в скале...

— Где? — почти закричал Бедворт.

— На одной картине, там все это было. И храм был, и голубая лужа.

— Какая еще лужа?

— Таникава почему-то ничего не сказал о ней. Возможно, просто не дошел до храмовой площади. И это его спасло. А на картине была лужа. И чувствовалось, что она — самое главное.

— Что же это за картина? Где ты ее видел?

— Долгая история, — вздохнул Браун. — И не очень веселая. Не будем ее вспоминать. Да и не в ней суть. Короче говоря, я настаиваю на полном тексте.

В конце концов они пришли к соглашению: дают полный текст, но за двумя подписями. Уже сама необычность этого заставит руководство обеих редакций задуматься и не отправлять скоропалительно материал в корзину. А также не выбрасывать из нее ни одного слова из опасения, что другая редакция напечатает полный текст. И утром в Штаты ушли две идентичные телефонограммы, начинающиеся так:

«Висящая в воздухе змея, вросший в дерево тигр, растворившийся в скале человек — все это, по словам последнего диверсанта второй мировой войны Муцуки Таникавы, он видел собственными глазами...»

Расчет оказался точным. Эта заметка появилась и в «Оклахома стар» и во многих других изданиях, получающих информацию от Ассошиэйтед Пресс. Миллионы людей с интересом прочитали ее. А несколько человек прочитали с интересом профессиональным и тут же начали действовать.

6

Том Клаузен прислонился к металлическому столбу ограды как человек, которому некуда спешить — руки в карманах куртки, одна нога перекинута за другую, в зубах сигарета. Ни дать ни взять богатый бездельник, обитающий на этой улице. Беда только, что богатые

бездельники с этой улицы не подпирают спинами ограды. Они вообще редко показываются здесь — лишь прошелестит шинами могучий автомобиль, на мгновение замрет перед легкими узорчатыми воротами, охраняемыми электроникой, и скроется за кустами, что тянутся до самых особняков. Пешком по Парк-Лейн не ходят, разве лишь полисмены, да и то по ночам. Днем эта улица словно вымирает, и Том сейчас чувствовал себя как на витрине.

Он выругался вполголоса, будто кто-то мог услышать. Ни паба *, ни аптеки, ни магазина — эти толстосумы придумали совершенную систему охраны. Днем ты весь на виду, а ночью в особняках бдит электроника. Для бывшего авиационного механика отключить сигнализацию, может, и не проблема, но как к ней подойти? Не будешь же торчать у ворот, пытаешься определить принцип электронной охраны — фотоэлемент, лазер, температурные датчики...

Том злобно плюнул на чисто отмытые плиты тротуара. Вот уже месяц он без работы — с тех пор, как у этого проклятого филиппинца разлетелась турбина. Конечно, он виноват: надо было внимательней отнестись к информации командира лайнера. Если бы не Кети Флеминг... Он снова плюнул. Наваждение, что ли, на него нашло? Из-за какой-то девчонки, каких пруд пруди, так рисковать! Счастье еще, что лайнер благополучно приземлился, иначе не миновать бы ему тюрьмы. Том совсем не тосковал по Кети. Как только его вышибли из аэропорта, он если и вспоминал об этой девице, так только с глухой злобой, считая ее виновницей всех своих бед. Зато он тосковал по бару с бильярдом на пятьдесят девятой улице, по кинотеатру рядом, по пройдохе букмекеру Нейлору, у которого он частенько ставил на верную лошадь, но она, увы, далеко не всегда выигрывала скачку...

Худая слава бежит впереди человека. Во всем огром-

* Па б — закусовая.

ном городе не нашлось места для классного механика-двигателя, хотя нужда в таких специалистах была немалая, это он знал наверняка. А на общественные работы Том и не пытался устроиться: толпы неквалифицированных или потерявших квалификацию людей осаждали муниципалитет, готовые подметать тротуары, красить мосты, сажать деревья. И дело было вовсе не в том, что он не хотел отнимать эту работу у людей, для которых она была единственной надеждой. Просто влиться в эту армию неудачников — значит сразу поставить на себе крест: ты упал духом и не надеешься снова выкарабкаться наверх. В божьей стране такого не прощают.

Однако Том чувствовал, что еще немного, и ему станет наплевать на общественное мнение. Денег не было не только на развлечения, но и на еду. К матери, которая жила на скудные остатки некогда приличного состояния, он, разумеется, обратиться не мог. Продав за полцены японский транзистор, он сумел внести очередной взнос за квартиру, но его старый, десятилетней давности «шевроле» никто не хотел брать и за двести долларов. Так и пылился он на улице с пустым баком. И при взгляде на машину в душе Тома вспыхивала глухая злоба. Кто-то должен был ответить за обрушившиеся на него неприятности. Он уже подумывал, не записаться ли в армию Соединенных Штатов, когда три дня назад получил неожиданное предложение: добыть некую картину из дома № 5 по Парк-Лейн. Три тысячи зелененьких — за такую сумму стоило рискнуть. Да к тому же еще ему была обещана работа в Дирборне на автомобильном заводе.

Разумеется, ему и в голову не приходило, что продолжится цепная реакция причин и следствий, толчок которой дала легкомысленная Кети Флеминг. У него была возможность оборвать эту неумолимую цепочку: отказаться от грабежа. Но он согласился и теперь уже не мог изменить ни свою судьбу, ни судьбу многих других людей...

— Мистер Кросби, ваш заказ выполнен, — сказал, усаживаясь в кресло, маленький ладно скроенный человек в неприметном стандартном костюме и с таким же неприметным стандартным лицом. — Интересующая вас вещь находится в... — он назвал город, — в доме номер пять по Парк-Лейн.

Мистер Кросби не был ни удивлен, ни обрадован тем, что его заказ выполнен так быстро. Частное детективное агентство, к которому он обратился, выполняло задания и потруднее. Его обрюзгшее, испещренное прожилками лицо, которое уж никак нельзя было назвать ни стандартным, ни неприметным, сохранило свое всегдашнее, чуть брюзгливое выражение. Он протянул детективу банку с пивом, вторую открыл для себя, закурил сигару и приготовился слушать.

— Особняк принадлежит некоему Генри А. Прайсу, — рассказывал детектив, прихлебывая пиво, особенно приятное в такую жару. — Согласно вашему заказу мы выяснили и некоторые факты его биографии. Правда, для этого потребовалось несколько превысить тот верхний уровень затрат, который мы с вами обговорили. Но подробности оказались достаточно любопытными, и я надеюсь, что эти дополнительные расходы не вызовут никаких недоразумений.

Мистер Кросби нехотя кивнул. Дополнительные расходы его не пугали: в данном случае он являлся лишь доверенным лицом, а его доверители, не желавшие в открытую связываться с агентством, выдали ему карт-бланш — лишь бы отыскать картину.

— Мистер Прайс родился в 1932 году, в семье владельца известной фармацевтической фирмы. Пилюли Прайса от неправильного обмена веществ до сих пор пользуются спросом. Образование получил в Европе — прослушал курс лекций в Кембридже, Гейдельберге, Сорбонне. Интересовался биологией, химией, в последние годы учебы — физикой. По возвращении в Штаты вошел в совет директоров концерна, в который к тому

времени превратилась фирма после слияния с другими подобными предприятиями. Как директор, отвечал за научные разработки — у концерна великолепные лаборатории, расположенные в трех городах. Лично возглавлял работы по химической физике, являясь последователем школы русского академика Семенова. В 1967 году летал по делам концерна в Японию. Вернувшись в Штаты, около месяца прожил в Сан-Франциско, где у концерна нет никаких предприятий. Там его имя упоминалось в скандальной хронике в связи с убийством какого-то китайца — одного из главарей китайской мафии.

Мистер Кросби нетерпеливо шевельнулся в кресле: зачем нужны эти подробности?

— Терпение, мистер Кросби. Может оказаться так, что все это имеет значение в свете дальнейших событий. Никогда не знаешь, не окажется ли в определенный момент ключевой случайная, на первый взгляд вроде бы и ненужная информация. Так вот, по возвращении из Фриско Прайс уже чисто номинально исполнял свои административные обязанности. Он целиком ушел в научную работу в Пассадене, где расположена одна из лабораторий концерна. И судя по тому, что за ним оставили должность, обязав лишь раз в неделю прилетать в Нью-Йорк на совет директоров, очевидно, для того, чтобы быть в курсе всех дел, его научным исследованиям придавали немаловажное значение. Это же подтверждает и строжайшая секретность, которой была окружена его научная деятельность. Вплоть до того, что крыло здания, где расположился Прайс, было отделено от остальных помещений глухой стеной. Любопытный штрих: вентиляция в лаборатории была переделана на принудительную, а воздух перед выбросом в атмосферу проходил через специальные фильтры. В лабораторию допускался только один, особо доверенный сотрудник, француз по происхождению, работавший еще в отцовской фирме. Словом, было предусмотрено все, кроме одного, — детектив усмехнулся, — того, что в Калифор-

нии случаются землетрясения. А как показали дальнейшие события, при характере работ Прайса это следовало учитывать. И хотя не очень сильное землетрясение произошло в семидесятом году — о таких через день уже не вспоминают, — но, видимо, все на этот раз неудачно совпало. Неудачно для Прайса: лаборант в этот день отсутствовал. Что там произошло, никто не знает, но через месяц было официально объявлено, что мистер Прайс ввиду болезни слагает с себя обязанности директора. Лабораторию его демонтировали, а сам Прайс уехал из Пассадены, купил себе особняк на Парк-Лейн и... с тех пор его никто не видел.

Мистер Кросби изумленно поднял голову.

— Так может, его уже нет в живых?

— Факты говорят другое, сэр. Через месяц после приобретения особняка туда было завезено лабораторное оборудование стоимостью в триста тысяч долларов. И с тех пор в особняк регулярно доставляются химические реактивы и подопытные животные — морские свинки, белые мыши, собаки, а совсем недавно — пара шимпанзе. Все это — на средства концерна. В семьдесят втором году в доме проводился капитальный ремонт. Факт в общем-то обыденный, но прошу отметить: ремонт был поручен не американской, а канадской строительной фирме, которая привезла своих рабочих и свои материалы. Рабочие были полностью изолированы: жили в специально снятом загородном особняке, доставлялись в город автобусом концерна, а после окончания ремонта были отправлены на родину самолетом.

— В чем состоял ремонт, почему такая таинственность? — не выдержал мистер Кросби.

Детектив пожал плечами.

— Мы не задавались этим вопросом, поскольку он выходил за очерченные нам рамки. Да и ответ на него очевиден: особняк перестраивался под профессиональную научную лабораторию. Но если вы пожелаете, мы можем заключить новое соглашение и выяснить все по-

дробности. А сейчас главный вывод такой: мистер Прайс жив и усиленно работает. Кроме него, в доме проживает старая негритянка — экономка, она же кухарка, и шофер, тоже немолодой негр. Их уклад, график работы приходящей прислуги, а также все остальные сведения изложены в рапорте, который я имею честь вам вручить. А вот счет, где учтены наши дополнительные расходы.

С неподвижным лицом мистер Кросби бегло проглядел рапорт и выписал чек.

— Собственно, меня это не касается, я всего лишь доверенное лицо, — сказал он. — Но хотелось бы услышать ваше мнение: сколько можно предложить Прайсу за эту картину?

Детектив аккуратно спрятал чек в бумажник и с сомнением покачал головой.

— Вряд ли мистер Прайс нарушит свое многолетнее уединение ради этого торга. Надо думать, у него есть веские причины не показываться на людях. Тем более что в деньгах он, очевидно, не нуждается. Тридцать девять процентов акций концерна плюс капитал, доставшийся по наследству, дают ему возможность вести независимый образ жизни.

— Значит, остается один выход... — мистер Кросби остро взглянул на детектива. Тот выдержал его взгляд.

— Я не имею права обсуждать с вами этот вариант. Сфера деятельности нашего агентства четко оговорена в лицензии, и мы ни в коем случае не хотим ее лишаться. Но проявленное вами понимание специфики нашей работы, — он притронулся к карману с бумажником, — позволяет мне несколько отойти от наших принципов и дать вам... Нет, не совет, а, скажем, так: рекомендацию в частном порядке. Вот она: не обращайтесь к профессионалам. Я не знаю стоимости этой картины. Но какова бы она ни была, профессиональная организация не остановится на том, чтобы просто изъять картину из

особняка мистера Прайса и передать ее вам за обусловленный гонорар. Вы меня поняли?

Мистер Кросби понял. Средства массовой информации регулярно знакомили население страны с «работой» современной мафии. Вся полиция Штатов не оградит его доверителей от великолепно организованного шантажа, с помощью которого из них выкачают баснословные суммы.

— Самое приемлемое для вас — найти безработного молодого парня, мечтающего разбогатеть. Недостаток практики у таких с лихвой компенсируется богатыми теоретическими познаниями, почерпнутыми с телевизионного экрана. Честно говоря, мы и сами немало черпаем из этого источника.

Все это мистер Кросби и передал своим доверителям на совещании в Холидей-Инн *. При дальнейшем обсуждении проблемы он не присутствовал.

— А вы говорили, что старый Кросби выходит в тираж, — с упреком воскликнул один из доверителей. — Как великолепно он провел акцию...

— Ближе к делу, — перебил хозяин номера. — Завтра я улетаю из Нью-Йорка, значит, сегодня надо решить все окончательно. Есть у нас возможность быстро найти исполнителя?

Наступило молчание. Каждый из троих присутствующих мысленно пробежал свой круг знакомств.

— Есть предложение, — высказался, наконец, третий доверитель. — В школе с моим сыном Юджином учился некий Том Клаузен из обедневшей семьи. Его отец застрелился после неудачной игры на бирже. Семье пришлось перебраться в дешевую квартиру, где она еле сводила концы с концами. Но школу Том закончил. Здесь их пути с моим сыном разошлись: Юджин поступил на факультет журналистики, а Том — в училище авиамехаников. Но дело не в этом. Я неплохо разбира-

* Холидей-Инн — гостиница в Нью-Йорке.

юсь в людях и сразу увидел: в этом парне сильна авантюристическая жилка. Он еще мальчишкой вслух мечтал, что разбогатеет любыми способами и реабилитирует честь семьи. Причем конфликт с законом его не пугал.

— Однако этого мало, чтобы взяться за сомнительное дело.

— Тут нам повезло. Юджин мне недавно рассказывал, как, оказавшись проездом в родном городе, случайно столкнулся с Томом. Так вот, он запачкал свою репутацию и уже месяц без работы. А этот парень любит радости жизни. Но самое главное — в моем родном городе, где живет Том Клаузен, есть улица под названием Парк-Лейн.

— Бедворт, вы бесценный человек. Вы умеете даже случайности обратить в нашу пользу. В таком случае попросим вас организовать это дело. Только, пожалуйста, не привлекайте к нему вашего сына: журналисты нам здесь ни к чему.

Вот какие события предшествовали появлению Тома на Парк-Лейн в жаркий июльский полдень.

Том вздрогнул. За кустами роз, в которых терялась песчаная дорожка, взревел мотор, а затем появился и сам автомобиль — серебристая «тоета». За рулем сидел пожилой негр, на заднем сиденье — старуха негритянка. «Сегодня же пятница, — вспомнил Том информацию, которую ему сообщил наниматель. — Старуха поехала в маркет за продуктами, а потом двинет в порт торговать у рыбаков свежую рыбу». Он неторопливо двинулся по улице, краем глаза наблюдая, как автомобиль подъехал к воротам, шофер вылез из-за баранки, подошел к бетонному столбику и тут же направился обратно к машине. Ворота медленно распахнулись, пропустили автомобиль и так же медленно захлопнулись.

«Все ясно: дистанционное управление отключено, поэтому ему пришлось нажать кнопку, — соображал Том,

глядя вслед сверкающим на солнце рубиновым катафотам. — Значит, чтобы въехать снова, придется нажать другую кнопку, снаружи. А что, если...»

Это было безумие, но ноги сами понесли Тома к воротам. Впрочем, в этом безумии была своя логика. Пока душа Тома ужасалась тому, что он делает, где-то в подкорке шла напряженная работа, результаты которой выдавались в виде законченных выводов. Вывод первый: кто заподозрит грабителя в человеке, спокойно, средь бела дня, входящем в дом? Даже если остановят, можно что-то придумать, вывернуться. Вывод второй: останавливать некому. На улице ни души, а в доме один хозяин, который вряд ли сейчас выглядывает из окон. И вовсе не обязательно сталкиваться с ним в самом доме, где более десятка комнат. Но это уж как повезет... хозяину. А главный вывод, который вдруг озарил Тома: вовсе не такую уж совершенную систему защиты придумали толстосумы. Они просмотрели щель, которую он, Том, нашел. И взлезет в нее, лишь бы найти наружную кнопку, открывающую ворота.

Том нашел ее. Увидел издали: квадратную керамическую плитку на столбе, чем-то неувовимо выделяющуюся среди других. Он протянул руку, и ворота открылись, а потом медленно захлопнулись за ним. Впереди, за розовыми кустами, возвышался тихий особняк. И в самой этой тишине таилась угроза.

Мало сказать, что Том трусил — он умирал при каждом шаге. Сколько было шагов, столько раз он и умирал. И все же шел вперед. Не мог не идти. Древние, погребенные добропорядочной жизнью последних поколений инстинкты возрождались в нем. Был, наверное, в его роду лихой корсар, отважно бравший на бордаж пузатые купеческие корабли. А может, и сухопутный тать, облегчавший кошельки путников на ночных дорогах, оставил в его генах любовь к риску и стремление наиболее легким путем поправить свои материальные дела. Эта генная память и вела его по изгибам до-

рожки, обострив слух и зрение. И наперекор страху поднималось в его душе какое-то непонятное ликование. Нервы его точно обнажились и трепетали от соприкосновения с опасностью. Соприкосновения, причинявшего и боль и наслаждение. И на дне его сознания крепло ощущение, что на этой дорожке прежний Том Клаузен умер, а родился другой — смелый, решительный, готовый без раздумий брать все, что ему надо.

Этот новый Том Клаузен и вошел в дом через вход для прислуги. И оказался в небольшом квадратном холле, из которого вели три двери. Наугад открыв одну из них, он в конце коридора увидел край кухонной плиты. Картина явно не могла висеть в кухне, и Том перешел к следующей двери. Судя по всему, она вела в комнаты прислуги — об этом свидетельствовали и тусклые, вылинявшие от времени обои, и затхлый устоявшийся запах плохо проветриваемого помещения. Картины и здесь быть не могло.

Зато третья дверь привела его куда нужно — в огромный круглый вестибюль, залитый светом из огромных же, в два этажа, окон. Том с изумлением глядел по сторонам: здесь все было непомерно огромным, вызывающе огромным, будто предназначалось для сказочных великанов. Два покрытых коврами пандуса широкими полукругами возносились на второй этаж и соединялись широким балконом с резными деревянными перилами. С обеих сторон балкона в помещения второго этажа вели двери, такие Том видел разве что в аэродромном ангаре — сквозь них свободно прошел бы пассажирский лайнер, если снять с него крылья. Какая же сила нужна, чтобы открывать их? И эти пандусы вместо обычных в таких случаях лестниц... Но дальше Том не стал удивляться: он увидел картину.

Она висела в центре балкона, выделяясь ярким пятном на деревянной обшивке стены. Человек в скале и тигр в дереве — это была та самая картина. Том невольно пожал плечами: три тысячи зелененьких за такую

мазнию! А впрочем, какое ему дело? Правда, на мгновение его пронзила мысль, что над ним просто подшутили, и когда он явится с картиной, его осыплют не долларами, а насмешками. Он злобно оскалил зубы: если это шутка, то она дорого обойдется шутнику. Впрочем, такими вещами не шутят. Да и не тем человеком был старший Бедворт, чтобы шутить...

И снова случай сыграл в его судьбе роковую роль: он начал подниматься по левому пандусу. Неторопливо, мелкими шажками, упруго переступая с носка на пятку, он приближался к картине, чутко прислушиваясь, не раздадутся ли подозрительные шорохи за огромными дверями, готовый в любой момент рвануться вперед или назад, смотря по обстоятельствам. Он совсем забыл, что еще недавно умирал от страха, не заметил, когда страх ушел. Сейчас по роскошному пушистому ковру двигался совсем другой Том Клаузен, вылупившийся из старой оболочки, как бабочка из кокона. Жестокий, сильный, не останавливающийся ни перед чем — вот таким чувствовал себя Том Клаузен в пустом доме. И на мгновение даже пожалел, что он пустой. Вот если бы из дальних комнат вышел навстречу ему таинственный хозяин...

И хозяин вышел. Том успел подняться до конца левого пандуса, когда противоположная дверь бесшумно распахнулась и существо невероятных размеров вступило на площадку. Том отшатнулся, вжавшись спиной в перила. Не от страха — от изумления. Это был действительно сказочный великан — с неимоверно толстыми руками и ногами, с туловищем, как бочка, и раздувшейся бесформенной головой. То, что когда-то было лицом, кривилось и багровело, раздувшиеся, как колбасы, губы расходились, пропуская бессвязные слова, рука, в которой что-то блеснуло, медленно поднималась.

Если бы Том пошел по правому пандусу, он столкнулся бы с этим существом и, конечно, бежал. Тогда картина осталась бы на своем месте. Но теперь, когда

их разделяло не менее двадцати шагов, а до картины было вдвое меньше... Злое ликование поднялось в душе Тома, когда он заметил, что его враг еле движется. Память услужливо воскресила детские годы, тихую, обсаженную деревьями улицу, неуклюже переваливающую фигуру человека, жившего в соседнем особняке. «Слоновая болезнь», — говорили о нем взрослые. Мальчишки, жившие на этой улице, были достаточно благовоспитанны, чтобы дразнить больного в лицо, но за его спиной... И сразу к Тому вернулось спокойствие. На какой-то миг перед глазами вспыхнула длинная стойка с бутылками, высокие табуреты, маклер Нейлор, принимающий ставки — бар на пятьдесят девятой. С нехорошей улыбкой Том рванулся вперед. В этот момент он как бы видел обоих действующих лиц со стороны. Так бывает в экстремальных ситуациях — мозг мобилизует все свои резервы, и обостренное сознание фиксирует окружающую обстановку, соотнося действия по квантам времени. Вот он сам, Том Клаузен, приближается к картине. В огромных выпученных глазах великана гнев и боль, он все еще постепенно, как при замедленной съемке, поднимает огромную руку с зажатым в ней предметом. Том рывком сдирает картину со стены, великан в это время начинает двигать руку вперед. Том замирает. Все с той же кривой усмешкой он нагло смотрит в глаза хозяина, соображая, бежать или просто уйти скорым шагом. И тут крохотный светлячок отделяется от раскрывшейся ладони и летит в грабителя. Том пытается уклониться — неудачно. Стекло пробирки задевает его по щеке и падает на ковер. Том ладонью стирает с лица синюю жидкость, слизывает с губ горьковато-соленую каплю, с хрустом раздавливает пробирку ногой и плюет в сторону хозяина. А потом спокойно спускается по пандусу, на ходу заворачивая картину в куртку. Уже внизу ему приходит в голову, что не худо бы прибавить скорость, пока хозяин не вызвал полицию. Но потом он представляет себе огромные пальцы, которым не под си-

лу ни повернуть телефонный диск, ни нажать кнопку, и раздражается истерическим хохотом.

В тот же вечер Том сидел в баре на пятьдесят девятой улице, лениво прихлебывая неразбавленный виски и время от времени прикасаясь пальцами к карману, где лежала тугая пачка долларов. А картина была уже далеко — она летела на самолете, затем мчалась в автомобиле и, наконец, на борту изящной яхты пересекала узкий пролив между материком и маленьким островом. И когда Том, пошатываясь, вышел из бара в обнимку с девчонкой, имя которой никак не желало застревать в его памяти, картина, тщательно упакованная в полотно, была положена на стол со словами:

— Вам посылка от хозяина, мистер Грей.

7

— Тот, кто первый провозгласил, что мать-природа мудра в своих свершениях, ничего не понимал в законах эволюции. А те, кто вслед за ним восторженно переталдычивали эту сентенцию, просто не давали себе труда задуматься, насколько она не соответствует действительности. На самом же деле нет более неумелого, более расточительного менеджера, чем природа. Миллиарды лет она действовала эмпирическим путем — методом слепого тыка. Из тысячи, а то и десятков тысяч функционирующих видов только один получался у нее удачным, жизнеспособным. Да и то многие из них вдруг оказывались в тупике — вспомни хотя бы динозавров. Какая-то изначально заложенная ошибка в генетическом механизме погубила этих процветающих владык планеты. Да их ли одних? Весь путь эволюции усыпан обломками неудавшихся экспериментов. И то, что мы сейчас имеем на планете — весь растительный и животный мир, — не более чем крохотная вершина айсберга, опирающаяся на огромный подводный фундамент из тупи-

ковых форм жизни, не сумевших адаптироваться к изменениям окружающего мира.

Кертис Оливер выдал этот венок парадоксов совершенно обыденным тоном, с усталой гримасой на худом, будто вычеканенном лице. В этом был весь Кертис — прямой, подтянутый, аристократ в каждом жесте. Неприветливо друзья в колледже прозвали его перпендикуляром. И все, что он утверждал, казалось незыблемым, веками проверенным, устоявшимся. А Дик Браун представил себе, какую работу пришлось проделать его другу, чтобы прийти к выводам, опровергающим прописные истины, провозглашенные во всех учебниках. Поднять руку на саму мать-природу! Но здесь, в великолепно оборудованной лаборатории, слова Кертиса казались не только результатом игры блестящего ума. Здесь от них веяло угрозой, как от ракет на стартовых установках. Дик прислушался к тихому звяканью пробирок за стеной, где работали лаборантки, и поежился. Кертис дал совершенно неожиданное — страшное освещение истории, происшедшей на далеком филиппинском острове.

Сейчас Дик не мог заставить себя поверить, что все это было всего лишь три дня назад. Даже для его закаленной репортерской психики шок от неожиданного финала оказался чрезмерным, а тут еще каждая последующая минута была столь насыщена событиями, что память, защищая усталый мозг, отодвигала эти события все дальше и дальше. И теперь их грани размазывались, полустертые дымкой невероятного.

Их выперли с базы, как только вернулся ее начальник, полковник Стивен. Узнав, что эти сукины дети репортеры не только отстали от остальных пассажиров, улетевших в Манилу еще вечером, но и участвовали в операции, да еще дали телеграммы в свои редакции, он пришел в ярость. Дик до сих пор пожимал плечами и уважительно усмехался, оценивая богатейший запас отборной ругани, которым обладал экспансивный полковник. Пообещав сгоряча Вестуэю сорвать с него сер-

жантские нашивки за самовольный допуск в экспедицию посторонних, он сначала намеревался просто вышвырнуть репортеров за ворота базы и пусть убираются с острова за свой счет. Но потом, уловив что-то нехорошее в глазах Брауна и сообразив, что печать — не то оружие, которое можно отразить военными действиями, приказал кинуть их в брюхо транспортного самолета, как раз отправлявшегося в Манилу за продовольствием и запасными частями. «И я не буду огорчаться, ребята, если мои парни обойдутся с вами не совсем аккуратно и вы получите несколько синяков на свои тощие репортерские задницы». За секунду до того, как люк захлопнулся, до них донеслось новое распоряжение насчет сержанта: «Я тебя заставлю ногтями ковырять эту скалу, пока не достанешь второго узкоглазого, дырявый ты ящик из-под вонючего сыра!» Больше они ничего не слышали и в два часа дня оказались в столице архипелага. А уже в шесть вечера, когда Дик намылился в бар промочить горло, в его номере раздался телефонный звонок.

Звонил шеф.

— Браун, тысяча чертей тебе в глотку! — начал он, не дав себе труда поздороваться. — Ну и натворил ты делов! Твое счастье, что я сумел разыскать тебя в этой островной империи. Я надеюсь, тебе хватит двадцати четырех часов, чтобы подготовить убедительные аргументы?

— Босс? — догадался ошарашенный репортер.

— Он самый. Назначил тебе свидание на завтра. Не рекомендую опаздывать, хотя как ты успеешь — ни боссу, ни богу неизвестно.

И бросил трубку. Судя по всему, эта история доставила ему крупные неприятности. Дик нажал рычаг, крутанул диск и потребовал у портье заказать ему билеты на ближайший самолет в Штаты. Он не остановился бы перед покупкой спецрейса — все равно за счет конторы — но, к счастью, место в самолете нашлось. Време-

ни, правда, почти не оставалось. Но Дик успел забежать в бар и принять две порции виски. Третью он добавил в «боинге», чтобы успокоить взбудораженные нервы и хоть немного поспать.

Одиннадцать часов в туристском классе, пусть даже и комфортабельнейшего «боинга» — от этого в восторг не придешь. Когда он вылез на трап в аэропорту Кеннеди, ему казалось, что все тело закручено штопором и мышцы вот-вот порвутся. А через час он вновь поднимался по трапу на борт старенькой «дакоты». Еще пять часов лету, и вот уже самолет прыгает по бетонке Оклахома-Сити. Дик взглянул на часы: надо же, уложился в срок, хотя и впритирку. Черт побери, какое отвратительное самочувствие! Голова будто ватой набита, даже думать больно. Пропустить бы стаканчик, но ни-ни... Босс такого не терпит. А вот побриться необходимо. На подламывающихся ногах направился он в туалет, морщась, провел несколько раз электробритвой по шершавой от дорожной пыли коже. Из зеркала на него смотрела изрядно помятая физиономия с синяками под тусклыми от усталости глазами. Вполне можно дать лет шестьдесят, а то и больше. Дик поморщился и вылил на лицо полную пригоршню одсколона. Лицо начало полыхать и розоветь. Кажется, даже и глаза заблестели. «Ну вот, — подумал Дик, — и привел себя в товарный вид». На стоянке такси народу было немного — это прекрасно. Хоть бы водитель не развлекал в пути разговорами. Он откинулся на сиденье, назвал адрес и закрыл глаза, будто заснул.

— Как у нас дела, крошка? — беспечно бросил он секретарше, возникая в дверях приемной. Миниатюрная блондинка Ида Путяк всплеснула руками.

— Дик, бродяга, до чего рада тебя видеть! — Она звонко чмокнула его в щеку. — Ты не успел там, в Азии, жениться на какой-нибудь косоглазенькой?

— Если это все проблемы, которые волнуют редакцию, тогда я спокоен, — улыбнулся Дик.

— Увы, это волнует только меня и незамужних стенографисток. Их, — она мотнула головой на обшитую кожей дверь, — волнует совсем другое.

— Неужели босс здесь?

— Ждет уже двадцать минут.

У Дика неприятно засосало под ложечкой. Обычно владелец газеты появлялся в редакции не чаще раза в неделю. И разговаривал только с шефом. Неужели он сумел правильно оценить эту филиппинскую историю, раз срочно вызвал репортера, что само по себе стоило редакции немало долларов, и вот теперь ждал его... А он-то надеялся предварительно переговорить с шефом, узнать хотя бы, откуда ветер дует. Черт побери, придется ориентироваться на ходу. Ну что ж, не в первый раз!

В присутствии босса шеф казался совсем съежившимся. А ведь редактор газеты Вернон Флешер был рослым парнем, еще полным сил в свои сорок пять, в то время как Френк Хесуэл, хозяин, едва достигал пяти футов роста — эдакий морщинистый злобный карлик. Но глаза у этого карлика были как два уголька, прожигающие насквозь, а голос неожиданно молодой, звонкий, сильный. И он не любил тратить время на мало-значашие разговоры.

— Объясните, Браун, что побудило вас послать информацию за двойной подписью?

Он не сел за редакторский стол — хозяин газеты никогда себе этого не позволял: неукоснительно соблюдал пиетет. Он и Флешер сидели за маленьким столиком у окна. Перед каждым — полная чашка кофе, посредине — голубой кофейник. Хесуэл наполнил третью чашку и кивнул Дикуну на свободное кресло. Репортер сел, отпил глоток, подумав, что сейчас лучше бы подошло виски. Босс терпеливо ждал, не сводя со своего служащего немигающего взгляда.

— Я хотел, чтобы вы опубликовали эту информацию, — без обиняков заявил Дик.

Хесуэл согласно кивнул головой.

— И вы добились этого, Браун. Но я вдвое увеличил бы вам жалованье, если бы вы предварительно позволили мне и рассказали обо всем. Судя по всему, этот Бедворт тоже малый не промах. Почему бы в нашей газете не работать двум таким сильным журналистам?

«Он вызывает на драку, — понял Дик. — Хочет сразу определить, чего я стою. Если начну обливать грязью Бедворта — грош мне цена. А стану его хвалить — значит, испугался, пытаюсь свалить вину за инициативу на него, и цена мне такая же. Так что этот вопрос мы оставим без внимания. Покажем, что не считаем его серьезным. Рискованно, но другого выхода нет. А ведь он раскрыл карты. Показал, что мог бы использовать информацию по другому назначению и эта возможность еще не утеряна, если у меня есть и другие козыри за пазухой. Ладно, попробуем набить себе цену».

— Видите ли, мистер Хесуэл, — медленно протянул он, прихлебывая крохотными глотками чудесный невыпаренный кофе. — Я ведь биолог по образованию и могу оценить это явление с точки зрения специалиста. Так вот, заявляю с полной ответственностью: над миром нависла опасность. Не знаю ее размеры, но предполагаю, что они глобальны. Не понял еще, какие факторы действуют на этом чертовом болоте, но если они вырвутся за пределы Лубанга, человечеству придется туго. А интересы человечества мне как-то очень близки.

«Я молодец, — мысленно похвалил себя Дик. — Сумел вставить ключевую фразу. Теперь он поймет, что я не отступлюсь и для него нет иного выхода, кроме как скакать со мной в одной упряжке».

— Эти выводы насчет человечества сделаны вами на основании только увиденного или здесь играет роль еще и интуиция?

«Сказать ему про картину или нет? — думал Дик. — Пожалуй, не стоит. В двух словах я объяснить не смогу, а долгим рассказом только запутаю его и себя.

— В основном интуитивно, — ответил он, ощущая,

что для него самого неясно, стопроцентная ли это правда.

— Жаль, — задумчиво протянул Хесуэл. — Было бы лучше, обладай вы дополнительной информацией. А может, вы и обладаете, но не считаете своевременным ею делиться? — В его глазах мелькнуло подозрение. — Ладно, пока не будем этого касаться. Но не подсказывает ли ваша интуиция, что этой стихией возможно управлять? Скажем, так: направленная селекция...

«Умный, черт, — подумал Дик, в который уж раз восхищаясь способностью босса рассматривать проблему под самым неожиданным углом. — Направленная селекция — мне это и в голову не пришло. А должно было прийти с моим-то биологическим образованием. И ведь знает ответ заранее. Ему важно прощупать мое отношение к перспективе, и если я покажу слабость... Ну уж нет, выбросить меня из этого дела не удастся».

— Видите ли, мистер Хесуэл, это как атомная энергия. Может и разрушить земной шар, и превратить его в цветущий рай, смотря на что ее направить. И, как атомную энергию, ее нельзя доверять ограниченному кругу людей, даже если они руководствуются самыми благими намерениями. И если это случится, мы с вами должны бороться всеми мерами против.

Слово было произнесено, и все точки над «и» поставлены. Дик отчаянно рисковал, но был ли у него другой выход? Во все время этого разговора Флешер невозмутимо посасывал трубку, и Дик не мог понять, на чьей он стороне. Зато явственно чувствовал, что босс колеблется. Совсем мало, секунду длилось это колебание, и Дик сжался, потому что решалась его судьба. А решил все взгляд — глаза в глаза — пронизывающий, как ток высокого напряжения. И Дик этот взгляд выдержал.

Босс отвел глаза и удовлетворенно кивнул. Этот чертов парень, прошедший вьетнамский ад, не отступит. Что ж, для таких есть другие меры воздействия. Он вы-

нул чековую книжку, размахисто черкнул по ней. Положив листок перед Диком, встал с кресла, жестом запретив им вставать вслед за ним.

— Вы заслужили этот дополнительный гонорар, — сказал он, снова взмахом руки не давая Дику поблагодарить за четырехзначную цифру, которую тот успел разглядеть. — А теперь о деле. Насколько я знаю, Браун, постоянного места жительства у вас нет. А для лобзаний с друзьями в редакции хватит трех часов. По истечении этого времени вы вылетите в Нью-Йорк, где сразу же пересядете на токийский самолет. Надеюсь, вы еще не столь стары, чтобы не выдержать такие перегрузки?

«Скотина, — подумал Дик, — отомстил-таки за свое поражение: глаза-то первым он отвел. Ладно, это мы как-нибудь стерпим. Но подсказывает мне та самая пресловутая интуиция, что он все же одурачил меня: выудил информацию, о которой я сам еще не подозреваю».

— Ваше задание, — продолжал Хесуэл, — узнать все о Таникаве. О его детстве и юности. Расспросите всех, кто его помнит: не замечали ли они чего-либо особенного, неординарного. Может, он падал с дерева в нежном возрасте, может, отличался недетской серьезностью или еще что-нибудь... Не мне вас учить. Вся информация об этом — только в письмах. Никаких телефонограмм. И отовсюду сообщайте свои координаты, чтобы мы могли мгновенно разыскать вас. Говорят, иногда вы этим манкируете. Будьте готовы к экстраординарному заданию. Флешер, пока он будет болтаться здесь разрешенные три часа, закажите ему билет на Нью-Йорк.

Еле кивнув, он резко повернулся и вышел, бесшумно притворив дверь. Была у него такая особенность — возникать и пропадать бесшумно. И в кабинете после его исчезновения несколько минут стояла тишина. Дик

налил себе еще кофе, и звук жидкости о дно чашки, казалось, снял с присутствующих какие-то путы.

— Я думал, он вышвырнет тебя на улицу, — сказал Флешер. — Он на стенку лез, увидев двойную подпись. И все время, что мы тебя ждали, он не проронил ни слова, только непрестанно двигал челюстью справа налево и слева направо, будто твои косточки перемалывал. Счастье, что ты не опоздал, хотя срок он поставил... Двадцать четыре часа, как ты успел! Наверное, это его и переломило — он покосился на голубой листок с четко выведенными цифрами и развел руками.

— Надеюсь, эта сумма не войдет в ведомость на очередную командировку? — ухмыльнулся Дик, пряча чек в бумажник.

— Разумеется. Деньги получишь в бухгалтерии, я позвоню, — сухо ответил Флешер, явно обиженный тем, что Дик ушел от серьезного разговора. С шефом не стоило портить отношения, и, поколебавшись, Дик сказал:

— Запомни мои слова, Вернон. Двойная подпись мешала боссу использовать корреспонденцию каким-то пакостным образом. Я уверен в этом. Но у него еще все впереди. Поэтому ставь в номер каждую строчку, что я пришлю. Гласность — это единственное, что может мешать ему. Публикуй даже под страхом увольнения.

Флешер беспомощно пожал плечами.

— Будто ты не понимаешь, что теперь он наложит мораторий на все твои материалы. И только с его визой они пойдут в набор.

— Ну, как знаешь, — сказал Дик и вышел.

Он точно выполнил указания хозяина. Поболтал с Идой, получил деньги в бухгалтерии, сбегал «на угол» в бар с тремя оказавшимися в это время в редакции репортерами, у которых слюнки текли от его трепы «как там, в Азии». И ровно через три часа поехал в аэропорт, чувствуя себя заранее разбитым от того, что вновь предстоит эта сумасшедшая гонка над облаками через добрую половину планеты. Ничто не удерживало

его в этом городе, который так и не стал своим. И он тут же забыл о нем, войдя в стеклянный зал аэропорта. И лишь какая-то мысль подспудно беспокоила его, заставляла нервно расхаживать между креслами в зале ожидания. А когда медовый голос в динамиках объявил, что на самолет, отлетающий в Сан-Франциско, имеются свободные места, Дик понял, что именно гвоздем засело в его подсознании. И кинулся к стойке.

— Я передумал: лечу во Фриско. Обменяйте билет, — потребовал он, радуясь, что самолет принадлежит той же авиакомпании. Девушка в ладно подогнанной форме не сдержала недовольной гримасы, но послушно перерегистривала его.

«Кертис, — думал Дик, откинув голову на удобный валик самолетного кресла. — Кертис Оливер, вот кто может связать в единую цепочку все эти дикие события. Черт с ним, я оплачу из своего кармана стоимость добавочного рейса, но стану хоть понимать, из-за какого угла может стукнуть эта дубинка».

И вот он сидел в небольшой, но великолепно оборудованной лаборатории Оливера, и тот крушил хрестоматийные доктрины. Что ж, с таким жалованьем это можно себе позволить, мелькнула вдруг совершенно неуместная мысль. Дик отогнал ее, но тут же подумал, что крушить доктрины — любимое занятие Кертиса с его аристократическими манерами, из-за которых в него влюблены все девчонки-лаборантки.

— Поэтому, когда говорят, что в природе нет ничего лишнего, — это суждение невежды. В природе полно лишнего, отжившего, мешающего. И, в частности, в наших клетках. Бытует расхожее мнение, что из всех чудес природы клетка — едва ли не самое чудесное. И это правда. Клетка, видимая только под микроскопом, — это самый сложный промышленный комбинат, где происходят уникальные химические процессы, причем при обычных давлениях и температуре. Мы эти процессы не можем воспроизвести при всей нашей могучей технике,

впрочем, ты это наверное помнишь, Дик. В клетке есть даже своя электростанция — митохондрия, — которая эти процессы питает. И вместе с тем...

Кертис замолчал, отхлебнул из бокала. Взгляд его сделался тяжелым, в нем мелькнуло недоумение. Он щелкнул зажигалкой, закуривая сигарету, потом вдруг смял ее в кулаке и швырнул в тяжелую медную пепельницу. Дик тоже глотнул виски.

— И вместе с тем в клетках живут и действуют множество, я бы сказал, обломков ушедших эпох. Вот этого, Дик, ты уже не знаешь, это было открыто после тебя. За миллионы лет эволюции человек менял не только внешний облик, но и внутреннюю структуру. В организме, на клеточном уровне, постоянно происходила борьба нового со старым. Менялись окружающие условия, и в клетке появлялись новые ферменты, белки, гены, помогающие приспособиться, выжить. Но старые не исчезали без боя. Они дрались за свое существование в организме и дерутся до сих пор. Ты ушел из науки, Дик, когда появились электронные микроскопы, казавшиеся нам чудесным окном в микромир. Сегодняшняя техника показала, что они были отнюдь не окном — в лучшем случае замочной скважиной. Сейчас мы наблюдаем в клетке не только действующие ее компоненты, но и препятствующие — обломки старых белков и генов, которые при любом внешнем толчке показывают свой скверный характер.

— Выходит, можно лишь удивляться, как мы еще существуем? — усмехнулся Дик, вслушиваясь в голоса из соседней комнаты. Там лаборантки о чем-то оживленно трепались, поминутно прыскавая со смеха.

— Напрасно ты иронизируешь, — Кертис посмотрел так, будто приятель сморозил несусветную чушь, и Дик почувствовал, что так оно и есть. — Я задам тебе только один вопрос: почему человек до сих пор не адаптировался к окружающему миру? Чуть что — и у него куча болезней, начиная от безобидного насморка и кончая

смертельным раком. Случайность ли, что после миллионов лет развигия организм пасует перед микробом и вирусом? Почему микроб и вирус находят союзников в клетке, помогающих нарушать ее функционирование? Что это за союзники? Не эти ли обломки прошлых форм, пытающиеся с помощью пришельцев вернуть свою власть? Иначе говоря, вернуть организм к старым формам? Вот видишь, какая потянулась цепочка вопросов.

— Постой, постой, ты не в ту сторону заехал. Хочешь сказать, что эволюция человека в особых условиях может пойти в обратном направлении? И мы опять можем стать питскантропами или динозаврами?

— Ну, это, конечно, вряд ли. Я хочу сказать другое: в особых условиях человеческий организм может приобрести совершенно неожиданные формы и качества.

— Чушь! — решительно заявил Дик, одним глотком опустошив свой бокал. — Чушь! На этом-то уровне я в биологии разбираюсь. Эволюция ни обратного, ни бокового хода не имеет. Гены, определяющие наследственность...

— Стоп, Дик! Вот тут ты открылся, и сейчас я пошлю тебя в нокаут. — Кертис как-то невесело рассмеялся и закурил новую сигарету. — Гены... До недавнего времени считалось, что эти носители наследственной информации прочно сидят каждый на своем месте в ячейках дезоксирибонуклеиновой кислоты. Ты и сейчас в этом уверен, Дик. Ведь каждое перемещение гена означало бы и новые свойства организма. Какая же тогда, к черту, наследственная информация! И вдруг сорок лет назад Барбара Мак-Кинток... Тебе знакомо это имя?

— Мак-Кинток... Мак-Кинток... — забормотал Дик. — Что-то с ней связано и вроде даже веселое... Ну, конечно, эта ученая дама вдруг объявила, что гены скачут. Помнишь, как профессор Батлок хихикал, приводя эту гипотезу в качестве примера псевдонаучной фантастики?

— Правильно. Ну и память у тебя! Так вот, смеялся

не только Батлок. Весь ученый мир был шокирован, когда Мак-Кинток объявила, что обнаружила в клетках растений гены, способные перемещаться с места на место. И бедную Мак-Кинток никто не воспринял всерьез. А сорок лет спустя русский ученый Георгий Георгиев обнаружил прыгающие гены в клетках животных, в том числе и человека. Вот это была сенсация! Мак-Кинток тут же дали Нобелевскую премию. Восьмидесятилетняя старушка наконец-то дождалась своего звездного часа. Я недавно навещал ее проездом. И то, что она рассказывала мне, проливает свет на историю с Таникавой.

Пораженный репортер машинально выхватил из кармана диктофон. Оливер небрежным жестом заставил его спрятать обратно крошечный аппарат.

— И не вздумай. Пока это не для печати. Сегодня вечером я вылетаю в Вашингтон, полагаю, из-за этой истории. Кого-то в верхах твоя заметка сильно взбудоражила. Так что проблема вышла на правительственный уровень. Но пока с меня не взяли подписку о неразглашении, я тебе кое-что скажу. Все, что мы знаем сегодня о прыгающих генах, считает Мак-Кинток, позволяет возложить на них ответственность за многие негативные процессы в организме. В том числе и за раковые заболевания. Более того, Мак-Кинток считает, что и старение организма — результат работы прыгающих генов. Пока это только предположения. Но вот что можно считать доказанным: перемещаясь по хромосоме, занимая там любое свободное место, а при случае и вытесняя стационарный ген, они вызывают сбои всего генетического аппарата. И в организме происходят мутации. Результатом их являются, скажем, наследственные изменения — эти бомбы замедленного действия.

— С ума сойти! — сказал Дик. — Много же вы, ребята, успели сделать, пока я болтался по миру. Но как привязать все это к Таникаве?

— Я не сказал главного. По хромосоме обычно перемещается ограниченное количество генов, десятков-два,

самое большое. А теперь представь, что какая-то сила сорвала с места тысячи, десятки тысяч генов. Да к тому же в игру вступили те самые обломки прошлых эпох. И начинается бурная мутация. Ход эволюции сжимается в сутки, часы, а может быть, даже минуты, в этом нет ничего необычного. Организм человека, собаки, бабочки-однодневки состоит из одних и тех же веществ, и процессы происходят одинаково, а биологические часы у каждого свои. Но уверяю тебя, бабочка-однодневка, существующая от восхода до заката, проживает такую же полную жизнь, как столетний старик. Все в мире относительно. Прыгающие гены могут изменить ход биологических часов, и тогда в организме некоторые, а возможно, и все жизненные процессы начнут протекать с тысячекратной скоростью. Дело даже не в том, что жизнь человека от рождения до смерти может уместиться в месячный или, скажем, недельный отрезок времени. Это лишь один из вариантов, причем не худший: человек ведь не заметит, что его жизнь сократилась, поскольку пройдет все обычные этапы, только с большей скоростью. Но представь, что будет, если ускорение биологических часов вызовет не только количественные, но и качественные изменения в организме.

Дик содрогнулся. Его натренированный ум живо нарисовал эту страшную картину.

— И тогда эволюция пойдет вспять?

— Не вспять — вбок. У эволюции миллионы путей развития. И требуется всего два фактора, чтобы организм пошел по любому из них. Это я понял только сейчас, Дик. Можешь гордиться: помог открытию. Так и быть, назову его синдромом Брауна.

— Брось трепаться, — отмахнулся Дик. — Давай серьезно.

— А серьезно вот что. Первый фактор — это толчок извне, срывающий массы генов с их насиженных мест. Не знаю, что это такое. Но думаю, что этот фактор и действует у черных пальм. Это фактор материальный.

— А второй?

— Второй скорее всего психологический. Он выбирает из миллиона путей один и поворачивает на него организм. Думаю, он рождается в глубине мозга, который мы совсем еще не изучили. Какой-то ключик в подкорке открывает одну из многочисленных дверей. И это-то самое страшное. Психологический фактор у каждого — свой. А теперь представь себе общество, каждый индивидуум в котором наделен своими особыми свойствами. Скажем, один может оперировать в уме огромными числами, другой наделен даром телепатии, третий владеет телекинезом... Я называю то, что уже известно, такие люди существуют. Но ведь могут быть и неизвестные нам сейчас свойства, а также разная внешность у каждого. В таком обществе исчезают общечеловеческие критерии красоты, морали, поскольку члены его полностью или частично утратили биологическую общность. Вот тогда общество перестанет быть обществом и человечество погибнет, поскольку человек — животное общественное... Я не силен в социологии, но ты ведь понял меня, Дик? Короче говоря, если этот фактор Таникавы, назовем его так, начнет действовать в масштабах планеты...

Уже прощаясь, Дик спохватился.

— Да, чуть не забыл: как у тебя с Линдой?

Кертис криво усмехнулся.

— Уже все в порядке: мы развелись. Она так и не сумела понять, что благотворительные балы, званые вечера и концерты приезжих знаменитостей — не главное в жизни.

— Тебе надо жениться на такой же сумасшедшей, влюбленной в науку, как ты сам. Вы бы славно проводили дни и ночи за пробирками.

— Все правильно, дружище! — Кертис сжал его плечи. — Жаль только, что женщины, влюбленные в науку, страшны, как вирус под микроскопом.

Это была улица для настоящих миллионеров — Юджин Бедворт сразу это понял, едва его «форд» прикоснулся колесами к свежeweымытым, без пылинки, гранитным плитам. Очевидно, здесь только что проехала автополивалка: газон вдоль оград алмазно искрился. Какая еще улица в большом городе может позволить себе эти зеленые, аккуратно подстриженные полоски — будто коврики, предупреждающие, что сюда можно ступать только чистыми ногами. И эти особняки — неброские, благородно-скромные, но с великолепными пропорциями, построенные по индивидуальным проектам, где за каждой линией угадывался гений архитектора. Здесь все дышало солидностью, надежностью, вековыми традициями. Да, это была улица для настоящих миллионеров. Не чета Пятой авеню, где может поселиться любой внезапно разбогатевший выскочка. Такого отсюда быстро выживут — беспощадно, целеустремленно, с железным упорством. Теми же методами, какими предки нынешних владельцев особняков наживали свои капиталы. И Юджин Бедворт понял цель своей жизни: добиться такого положения в обществе, чтобы его приняли на этой улице.

Он подъехал к воротам, на которых затейливой вязью блестела медная цифра 5, и они медленно, бесшумно распахнулись. Очевидно, из дома следили за его машиной. В конце песчаной дорожки, выходящей среди розовых кустов, его встретила старая негритянка в полосатой юбке и синем переднике — классический наряд негров на хлопковых плантациях прошлого века.

— Масса Генри ждет вас, — она слегка поклонилась, не вынимая рук из-под передника.

«Масса!» — Юджин усмехнулся про себя, настолько неожиданно прозвучало это полузабытое обращение. Нынешние негры «масса» не говорят. Они и «мистер»-го цедят сквозь зубы, когда ты сам сначала их так назо-

вещь. А если и сгибают спину перед белым, то только чтобы поднять с земли камень... Юджин передернул плечами и вошел вслед за негритянкой в холл, где сразу показался себе мальчиком с пальчик из старинной сказки. Здесь все было таких огромных размеров, что по всем сказочным законам сейчас должен был появиться великан.

И великан появился. Правда, таким он показался Юджину только в первое мгновение, а потом вдруг стремительно уменьшился в размерах. Будто провалился внутрь себя, как коллапсар. Впрочем, Юджин быстро разобрался в механизме этого оптического обмана. Хозяин дома, болезненно крупный человек, носил костюм явно с чужого плеча. И костюм этот был уж точно с великана. Плечи пиджака свисали чуть ли не до локтей, в брюки можно было засунуть второго Генри А. Прайса, а его могучая шея высывалась из воротничка сорочки, словно одинокая камышинка. Заметив, какое впечатление он произвел на гостя, Генри А. Прайс раздвинул губы в улыбке, в которой одновременно сквозили и удовольствие и печаль.

— Прошу не обращать внимания на мой костюм, — спокойно предупредил он, усаживая Юджина в кресло и придвигая к нему коробку с сигарами. — Я еще не успел обновить свой гардероб.

Хотя такое объяснение отнюдь ничего не объясняло, а наоборот, вызывало новые вопросы, Юджин молча наклонил голову. За плечом хозяина он внезапно увидел такое, что ему стало жутко: телефон, занимающий половину письменного стола. Трубку его Юджин мог бы поднять разве что обеими руками, а в отверстия огромного диска свободно влезал его кулак. А рядом лежала авто-ручка... Юджин поспешно отвел глаза.

— Мистер Бедворт, я прочитал в газете вашу информацию. Не скрою, навел о вас справки, и вы показались мне человеком, способным выполнить сложное и опасное поручение.

Юджин в изумлении откинулся на спинку кресла. Такого стремительного начала он не ожидал.

— Да, сложное и опасное, — продолжал Прайс. — Я предпочитаю говорить без обиняков. На этом деле можно сломать голову. Но можно и хорошо заработать. Очень хорошо.

— Сколько? — против воли вырвалось у Юджина.

Прайс наклонился вперед, и Юджину стало томительно тревожно от устремленного на него взгляда умных, проникающих в самые потаенные уголки души глаз собеседника. И было в этом взгляде такое, что Юджин понял: он выполнит любое приказание этого человека. В свою очередь, и Прайс окончательно уверился, что не ошибся в выборе.

— Миллион! — сказал он.

— Сколько? — Юджин вцепился в ручки кресла, заставляя себя не верить услышанному, чтобы собеседник повторил еще и еще раз.

— Миллион, — повторил Прайс. — А вся операция займет у вас несколько дней.

Как великолепно он понял этого мальчика! Только такой цифрой и можно было сразу сломить его, направить поток желаний по нужному руслу. Теперь этот честолюбец не откажется от любого поручения, даже если от него потребуют прыгнуть с крыши небоскреба, пообещав десять шансов на успех из ста.

— А... что я должен сделать?

Прайс позволил себе расслабиться. Закурил сигару, наполнил коньяком узкие хрустальные бокалы. Сейчас не следовало торопиться. Чем дольше он протянет время, тем более невероятные вещи переберет в уме собеседник, вплоть до ликвидации президента Соединенных Штатов. И тем более легким покажется ему поручение.

— Вы должны полететь на Лубанг и привезти синюю жидкость, — наконец сказал он.

И по тому, как сразу обмякло, поплыло лицо Юджина, понял, что рассчитал все точно.

— Не думайте, что это очень легко, — продолжал он. — Вам придется преодолеть серьезные препятствия. Пожалуй, посерьезнее, чем стояли перед Като с Таникавой.

— Болото, — вспомнил Юджин.

Прайс махнул рукой.

— Вы обойдете его стороной. Японцы двигались наугад, а у вас будет тропа. Она начинается на южном склоне горы, а сама гора — в восьмидесяти милях от города. Чтобы добраться до нее, возьмете напрокат машину, если там существует сервис, а если нет — найдете другую возможность достичь южного склона. Где-то там есть и тропинка... — Прайс на минуту задумался, потом решительно тряхнул головой. — Видите ли, Бедворт, сам я там не был. И не знаю никого, кто был. Все, о чем я вам рассказываю, — расшифровка одного старинного и довольно странного документа. Причем у меня нет даже уверенности, что расшифровка верна на сто процентов. Поэтому и предлагаю вам миллион, — поторопился добавить он, заметив движение Юджина. — Так что, возможно, вам придется проявить на месте всю свою смекалку, а также и бойцовские качества. Но ведь недаром вы репортер, я это тоже учитывал, когда обдумывал вашу кандидатуру. Так вот, в документе сказано, что тропинка начинается от рощицы молодых махогани, растущих у подножия горы. Сейчас эти деревья уже очень старые либо на их месте выросли другие — неважно. Вы найдете тропинку и подниметесь на гору.

— Может, будет проще нанять вертолет на гражданском аэродроме? — предложил Юджин. — Там есть маленькое авиаподразделение, обслуживающее местные линии.

Прайс усмехнулся и протянул ему бокал.

— Давайте выпьем за успех. И запоминайте мои указания. Они продуманы во всех деталях. Конечно, проще было бы нанять вертолет. Но тогда вы никогда не доберетесь до цели. Почему — скажу позже. Так что вы,

Бедворт, будете одолевать гору собственными силами. Уверяю вас, самый долгий путь в этой ситуации — он и самый надежный. И когда подниметесь на вершину, начнутся чудеса, о которых рассказывал Таникава.

— Кладбище скелетов, летающая змея, стрела, поджигающая пальму, тигр в дереве, — начал перечислять Юджин.

— Все верно. А теперь запомните накрепко, Бедворт: все это совершенно безопасно. Вся эта галиматья наворочена для слабых духом, насквозь суеверных азиатов: чтобы остановить их, не допустить к храму. Характер европейцев, а тем более американцев в расчет не брался. Короче говоря, придумано своеобразное, типично азиатское сито, отсеивающее тех, кто не достоин благодати, — так сказано в документе. Причем реально существуют только скелеты и тигр. Змея и горящие пальмы — это... Не знаю даже, как вам объяснить. Они есть и их нет. То ли это мираж, то ли ловко устроенное зрелищное действо вроде театра механических марионеток.

— А что говорит документ?

— Его было очень сложно расшифровать. Компьютеру пришлось изрядно потрудиться. Тем более что написан он на старинном восточном языке, ряд понятий которого напрочь исчез из современного обихода. Строго говоря, это даже не документ в том виде, какой мы привыкли понимать под этим словом, а своеобразная криптограмма, составленная человеком, который никогда раньше этим не занимался.

— Дилетант! — разочарованно протянул Юджин.

— Да. А дилетант способен поставить в тупик классных специалистов. Он сам дает себе определение, которое я перевел как «Ученик чародея». Понимаете, ученик — не мастер. Человек, не достигший вершин своей профессии. И он понимает, что сделал много ошибок. Например, очень жалеет тигра, которого обрек на многие века мучений. И многих других животных, чьи скелеты вам придется преодолевать. Вы пройдете кладби-

ще костей по любому туннелю, который откроется перед вами. Там таких туннелей много. А затем оденете скафандр противорадиационной защиты и кислородную маску. Ничего не поделаешь, придется тащить все это с собой — и скафандр, и баллоны с кислородом. Я приготовил их для вас. Одна из главных опасностей — тамошний воздух, испарения синей жидкости. Поэтому даже в маске вы будете подходить к жидкости с наветренной стороны.

— А тигр?

Прайс усмехнулся.

— Не думайте о нем. Это просто пугало, размахивающее лапами. Он не тронет. Главное, старайтесь не задеть скалу. Почему-то в документе о ней ничего не сказано, но ведь погиб же Като...

Он замолчал и снова наполнил бокалы. Молчал и Юджин. Потом не очень уверенно сказал:

— Судя по вашим словам, это просто развлекательная прогулка.

— За развлекательную прогулку не предлагают миллион, — резко ответил Прайс. — Это очень опасная прогулка. Потому что главная опасность невидима и неслышна и может подстеречь вас где угодно — и в начале, и в середине, и в конце пути. И разить точно и беспощадно. И опасность эта — люди. Свирепые фанатики, оберегающие свою жидкость от пришельцев. Вы должны знать, Бедворт: вещество, за которым я вас посылаю, — огромная сила в умелых руках. Человек, обладающий синей жидкостью, станет властелином мира, если это, конечно, умный и знающий человек, владеющий всем современным научным багажом. И это прекрасно понимают местные фанатики. Я не знаю, кто они. Документ называет их так: «Посвященные, оберегающие жидкость от недостойных, жадных, могущих погубить мир». Уже несколько веков они оберегают... Очевидно, по наследству: от отца к сыну, передается эта обязанность. А может... Впрочем, кто поймет этих азиа-

тов! Самое страшное, что они не останавливаются ни перед чем. Поэтому я и запрещаю вам нанимать вертолет. Пилот тут же сообщит им маршрут: они держат в руках весь город и окрестные селения. Так что, Бедворт, единственная гарантия безопасности — идти пешком. Вы обычный турист, приносящий в страну валюту. И заклиная вас — никакого оружия. Если откроете стрельбу — вы погибли.

— Согласен, — сказал Юджин. После двух порций великолепного коньяка холодок, затаившийся где-то под сердцем, незаметно растаял. — Но в чем я доставлю вам эту жидкость, если даже рядом с ней быть опасно?

— У вас будет специальный фарфоровый контейнер. Он в рюкзаке, уложенном по всем походным правилам. А когда вернетесь, я выплачу вам остальные девятьсот тысяч долларов.

— Это следует понимать так, что первые сто тысяч вы выложите мне сейчас, — ухмыльнулся Юджин.

— Правильно понимаете. Вот чек. А теперь пойдемте потренируемся. Я бы не хотел, чтобы вы раскрывали рюкзак раньше времени. Вы не представляете, как он набит. Его укладывал квалифицированный специалист, тренер по туризму, и ни вам, ни мне не втиснуть столько предметов в ограниченный объем. Там все, в том числе и продовольствие. В боковом кармане — тонизирующие таблетки, могут пригодиться. А для тренировки я приготовил второй скафандр и маску. Надеюсь, двух часов вам хватит, чтобы овладеть ими.

Двух часов хватило. Юджин оказался способным учеником, хотя изрядно вымотался: Прайс заставил его делать гимнастические упражнения в скафандре и маске. Он остался доволен успехами Юджина и, провожая его в ванную, задал последний вопрос:

— Скажите, Бедворт, этот ваш соавтор, Браун... Он никогда не жил в Сан-Франциско?

— Понятия не имею. Мы не делились биографиями. Наш разговор касался только... Да, вспомнил. Он гово-

рил про какую-то картину, где все это уже нарисовано — и тигр в дереве, и человек в скале. Но я подумал, что он просто морочит мне голову.

Лицо Прайса исказилось, но он тут же взял себя в руки.

— Он не морочил вам голову... Даю еще один полезный совет, Бедворт. Не контактируйте с этим человеком. Он опасен для нашего дела: слишком прямолинейно понимает свой долг перед обществом. Если встретитесь с ним на Филиппинах, постарайтесь направить его по ложному следу. Но ни в коем случае не давайте ему опередить себя.

...Стоя у окна, Прайс провожал глазами Бедворта, бодро шагавшего по дорожке с увесистым рюкзаком за спиной.

«Дай бог, чтобы хоть этому удалось, — молился он. — Я все ему раскрыл, кроме трех факторов. И, наверное, правильно, хотя... Я не объяснил ему механизм действия скалы, потому что он не из той породы, какую она растворяет. Лишние страхи ни к чему, и все же, пожалуй, это была ошибка: он знает про картину, но, кажется, не отождествил ее с моим «документом». Больше я ошибок не сделал. Ему не надо знать, как синяя жидкость встречает агрессивных пришельцев, это бы его отпугнуло. Тем более что ее действия невозможно запрограммировать. А вдруг к нему она окажется доброжелательной? И пожалуй, не следует ему знать, что двое предыдущих не вернулись. Это бы его не отпугнуло, но...»

9

Том Клаузен не глядя протянул руку за спину, к лотку. На ладонь упала гайка, которую Том тут же отшвырнул. Звонко клацнув, гайка покатилась по каменному полу. Том даже не осознал, почему он так сделал: было не до того. Он уже торопливо навивчивал другую

гайку на ступицу, стремясь наверстать упущенное мгновенье.

Сборочный конвейер имеет подлое свойство — секунду промедлил на операции, и вот уже тупое рыло автомобиля уходит вперед, и ты делаешь шаг за ним, чтобы успеть закрепить ступицу. Здесь тебя нагоняет второй автомобиль, и тебе приходится делать шаг назад, к лотку с гайками, а машина тем временем уходит на три шага, и вот уже не хватает шланга гайковерта... Тот парень, Тейлор, который придумал конвейер, уж точно был порядочной сволочью.

На конвейере по сторонам не поглазеешь, и Том не видел, как проходивший по своей дорожке мастер, кряхтя, нагнулся за гайкой, закатившейся под лоток. Мастер поднес гайку к свету, покачал головой: так и есть, резьба первой нитки чуть сбита. Навинчивать такую гайку на конвейере — только время терять. Нет, обязательно надо узнать у новичка, на какую лошадь ставить в воскресенье. Только хватит ли у него духа поставить на эту лошадь?

Знай Том об этих сомнениях мастера, он лишь пожал бы плечами, не прерывая работы. И в который уж раз подивился бы людской глупости: надо же такое выдумать, что он умеет предсказывать будущее! Какая чепуха! Он просто умеет угадывать последствия людских поступков — понятнее Том не мог объяснить себе неожиданно открывшийся в нем дар. Он не догадывался, что будущее — это и есть результаты поступков многих людей, слитые воедино. И каждый раз искренне удивлялся своему попаданию в цель, хотя и старался найти этому рациональное объяснение. Вот хотя бы вчера, когда Умник Морган придавил на два часа раньше. Том сказал ребятам во время перекура: «Ну, парни, сейчас его семейная жизнь даст трещину». И точно. Вальтер Красовски, живущий с Умником в одном доме, рассказывал сегодня, давясь от смеха, как Морган застал свою благоверную с барменом Роджерсом и как здоровяк

Роджерс — триста фунтов жира и мускулов — одним пинком спустил незадачливого супруга с пятого этажа до первого без промежуточных остановок. И опять парни пристали к Тому: раскрой секрет. А какой тут секрет? Достаточно взглянуть на Умника — на его лисью мордочку, тщедушную фигуру, огромные очки с толстенными стеклами. Да еще книжки читает... Тут без риска можно ставить десять против одного, что любой бабе такого хлюпика хватит лишь на легкую закуску перед обедом. Для возбуждения аппетита. Правда, Том боялся признаться даже самому себе, что и не подозревал о супружеском голоде Умниковой жены. Он просто знал, что сейчас его семейная жизнь даст трещину — и все.

Смена кончилась, и Том поплелся в душевую, стучаясь плечами о соседей. Высокие и низкие, толстые и худые, белые и черные — все они одинаково шаркали ногами, одинаково горбились, свесив руки с набухшими жилами. После восьми часов у конвейера одеревеневшему телу требовался допинг. И вся эта обезличенная толпа, вся масса измученных непохожих близнецов жаждала того обманчивого блаженства, которое дает порция виски, прогоняя на время чугунную тяжесть в мышцах. И Том, как всегда после смены, не мыслил свой маршрут дальше ближайшей пивной.

Ему казалось, что уже много-много лет он плетется по этому маршруту. И сзади ничего нет, и впереди — без просвета. А ведь было же, было... Был дом на Парк-Лейн и пьянящее ощущение силы и вседозволенности. Это было Приключение с большой буквы. Куда же делся тот Том — смелый, уверенный, жестокий, готовый горы крушить, пройти по трупам, но схватить за хвост жарптицу? Нет больше того Тома. Сокрушил его кровососконвейер, выпил без остатка. И осталась одна лишь светлая минута в жизни — пивная после работы.

И вдруг он понял, что до пивной сегодня не дойдет. Проторенный путь оборвется. Том даже знал где: на

автостоянке у завода, а дальше... Перед его мысленным взором разворачивались удивительные картины — тропические деревья, обвитые лианами, и белоснежная яхта, и ласковый берег, от которого начинается лунная дорожка через море, и чьи-то смеющиеся глаза... Все это было его будущее, но связать эти мелькающие видения причинной связью Том не мог. Он даже не мог понять, угрожает ли ему опасность. И, петляя по огромной стоянке к своей купленной в рассрочку «ретине», он затравленно озирался по сторонам. В толпе мелькали знакомые лица, но это все были ребята из цеха.

— Клаузен! — заорал издали весельчак Билли Портер, которого в цехе все звали почему-то Генри*, хотя мало кто мог объяснить, почему Умник Морган так прозвал его. — Посоветуй, не купить ли мне контрольный пакет Питсбургских железодельных?

— Не советую, — машинально отозвался Том. — Завтра они упадут на тридцать четыре пункта.

Почему он так сказал? Ведь еще секунду назад он и не подозревал о существовании этих акций. Он и сейчас тут же забыл о них, поглощенный своими мыслями, и не заметил, как шедший сзади невысокий мужчина с невыразительным, каким-то стертым лицом, отвернул борт своего пальто и быстро зашептал что-то. Тем более Том не видел, что, получив это сообщение, пожилой человек в «сааб-турбо», стоявшем рядом с его скромной «ретинной», снял трубку радиотелефона и повелительно бросил:

— Срочно! Что там с Питсбургскими железодельными?

Он с нетерпением вжимал в ухо пластмассовый раструб, пока не получил ответ:

— Только что по радио сообщили о взрыве в доменном цехе. Утечка чугуна, пожар, человеческие жертвы. Акции компании упали на шесть пунктов. Говорят, это только начало.

* Билли Портер — настоящее имя писателя О'Генри.

Человек бросил трубку в гнездо и вышел из машины. Его и увидел Том, когда стал открывать дверцу своего автомобиля.

— Мистер Бедворт?! — воскликнул он. И тут же понял: поворот в его судьбе произведет именно этот человек. И противиться этому бесполезно. Бедворт-старший из породы тех людей, остановить которых может только пуля. Чтобы устоять перед ним, надо быть таким же железным дельцом либо наивным идеалистом, человеком не от мира сего, совершенно не разбирающимся в сложнейшей сети явных и тайных связей современного мира. А Том Клаузен не был ни тем, ни другим.

— Откуда ты узнал про Питсбургские железоделательные, Том? — спросил мистер Бедворт.

Он даже не пытался как-то замаскировать, что за Томом следили и подслушали его разговор. С таким парнем, как Клаузен, можно не стесняться.

— Понятия не имею, — растерянно сказал Том. — Меня спрашивают, а я отвечаю что в голову взбредет. Ну, так получается, что угадываю.

Бедворт стрельнул взглядом по сторонам и прошептал, нагнувшись к самому лицу Тома:

— Ну-ка скажи, что меня ждет. Только быстро, не думая.

И Том, не думая, описал картину, которая вдруг вспыхнула в его мозгу:

— Вы превратитесь в крокодила и уползете в болото.

Бедворт отшатнулся с отвисшей челюстью, но тут же овладел собой.

— А ты шутник, парень, — криво усмехнулся он. — Но от тебя ждут ответов посерьезнее. Сейчас ты сядешь в свою таратайку и покатишь, не спрашивая — куда. Главное, не бойся: ничего плохого тебе не сделают. А будешь умницей — обеспечишь себя на всю жизнь.

Том и сам не понял, как очутился на заднем сиденье собственной машины и как возник рядом человек со стертым лицом и чугунной грудью. Другой сел на води-

тельское кресло и классно вырулил по узким дорожкам на автостраду. «Сааб» Бедворта шел сзади.

Через сорок минут частная «чесна» поднялась с маленького пригородного аэродрома. Заходящее солнце облило багрянцем ее иллюминаторы. Бедворта в самолете не было. Не было его и на белоснежной яхте, которая тут же снялась с якоря и ушла в море.

Тому была предоставлена полная свобода. Никто не обращал на него внимания. Кажется, прыгни он в море, и это осталось бы незамеченным. Но такое ему и в голову не приходило. Он бродил по идеально надраенной палубе, трогая сверкающие медяшки, потом попал в роскошную кают-компанию со стенами, обшитыми панелями из незнакомого розового дерева. На полу лежали пятнистые шкуры, стены были увешаны картинами — все сплошь скучноватые сельские пейзажи. Том очень удивился бы, узнав, что это — Констебль. Забавная фамилия: попробуй представить себе полисмена за мольбертом и с кистью в лапах. За зеркальным стеклом книжного шкафа не виднелось ни одной пестрой обложки с голыми девицами и свеженькими трупами. Детективами здесь не увлекались. Мягкий, плавно пружинящий на морской качке диван сулил отрешение от всех забот. И незаметно ушли тревожные мысли — Том заснул.

Было уже утро, когда яхта подошла к маленькому зеленому острову. О каменный волнорез разбивались длинные изумрудные волны, и в бухте вода была спокойной, как в деревенском пруду на картинах Констебля. Скользя к причалу, яхта заглушила турбины и замерла на глади, словно красивая стрекоза, отдыхающая после охоты. Узкая песчаная дорожка, начинаясь от причала, петляла по склону холма, на вершине которого стоял длинный одноэтажный дом — из красного и белого кирпича с огромными зеркальными окнами. Наступившую тишину разрезал короткий, чисто деревенский скрип открывающейся двери. И в ее проеме возник вы-

сокий худой человек с растрепанной каштановой шевелюрой. Белый медицинский халат свободно болтался на нем. Он молча ждал, пока Том преодолеет подъем. Вблизи у человека оказались аскетически втянутые щеки, тонкие, вытянутые в ниточку губы и светло-голубые, холодно поблескивающие глаза. Такая внешность могла принадлежать кому угодно — и злодею, и очень хорошему человеку, но Том почему-то сразу оробел.

— Доброе утро, мистер Клаузен, — приветливо поздоровался этот непонятный человек. — Ваша комната готова. До завтрака еще час, и вы успеете искупаться. Мэри покажет, куда идти.

Из-за его спины выдвинулась миниатюрная брюнетка в джинсовых шортах и короткой голошейке, не закрывавшей загорелый животик. Она улынулась Тому, и он забыл обо всем на свете. Губы у нее были яркие, глаза блестящие, на щеках играли милые ямочки. А главное, во всем ее облике сквозила какая-то не свойственная его знакомым девицам раскованность. Это не было модной сейчас вульгарностью. Просто чувствовалось, что эта юная особа отлично знает свое место в жизни и может быть верным товарищем — не подведет в трудную минуту. По привычке Том попытался отключиться, открыть какую-то заслонку в мозгу, чтобы перед мысленным взором хлынули картины — что ожидает эту чудесную девушку. И... не смог: испугался. По сердцу вдруг резанула тревога, что вот сейчас он узнает что-то ужасное и радость этой встречи померкнет, потому что ни предостереечь ее, ни помочь он не в силах. Том давно уже обратил внимание на одну странность: все знали, что он умеет правильно рассчитывать варианты будущего, но никто ни разу не внял его предостережениям, не попытался отвести грозящую беду. Том не знал, что испокон веков такова судьба всех, кто наделен способностью приоткрывать завесу времени. Еще великий Гомер обрек Кассандру оплакивать близких, поражение которых она заранее предвидела. Нет пророка в своем отечестве —

этот вопль души вырвался у того, кто с ужасом осознал свое бессилие сломать устоявшиеся стереотипы в сознании современников.

Вода в бухте была превосходной. Свежей и душистой, будто в ней растворился цветочный аромат. Мэри не купалась. Она присела на шезлонг, словно яркая бабочка, и с удовольствием наблюдала, как Том камнем уходит на дно и пробкой выскакивает на поверхность, вертится в воде колесом, плывет со сложенными за спиной руками, демонстрирует другие чудеса акробатики. А уж он старался... Но вот раздался гонг, и Мэри сразу посерьезнела.

— Мистер Клаузен, пора переодеваться к завтраку.

— Да мне не во что, — простодушно сказал он. — Меня взяли в чем был.

— В своей комнате вы найдете все, что нужно.

Том только покрутил головой. Ну и ну — переодеваться к завтраку. Он, конечно, читал об этих привычках аристократов, но и подумать не мог, что попадет в их число. Может, на обед его смокинг заставят одеть? Хорошо бы знать, как он выглядит.

Завтракали вдвоем. Темнокожий слуга в ослепительно белом костюме бесшумно подавал на стол типично американские блюда — бокалы с ледяной водой и грейпфрутовым соком, джем, блинчики, яйца всмятку. Исключение составляли только какие-то диковинные фрукты, названия которых Том не знал — их желтая мякоть имела вкус перезрелой дыни. Под конец на столе появился невыпаренный кофе, который можно было пить только с водой — глоток кофе, глоток воды. Миниатюрная Мэри обнаружила отличный аппетит.

После завтрака она закурила сигарету и сказала:

— Мистер Клаузен, теперь начинается ваша работа. Первым делом — медицинское обследование. Ничего страшного нет, хотя и приятного тоже мало. Главное, относитесь ко всему спокойно, а если сможете, то и с юмором. И не вздумайте от чего-либо отказываться, — лицо

ее сделалось на миг озабоченным, но тут же на нем заиграла прежняя улыбка. — Все будет хорошо, уверяю вас.

Том и сам знал, что все будет хорошо. Для этого ему не надо было даже напрягать внутренний взор. Он просто знал, что наступили самые счастливые дни его жизни. Судьба, до этого преподносившая один удар за другим — разорение и смерть отца, долгие годы в нищете, вынудившие его сизмальства искать работу, увольнение из аэропорта, — вдруг подарила ему счастливый отрезок времени. Но Том знал и другое — это ненадолго. Потом наступит полоса испытаний, а за ней... Дальше он не мог проникнуть в будущее, но чувствовал, что его судьба будет зависеть от него самого. Поэтому он безмятежно отправился на обследование, о котором Мэри почему-то говорила так неопределенно.

...Мэри пришла к нему вечером, присела на край кровати, осторожно погладила по голове. Том не пошевелился.

— Бедняжка! — сказала Мэри, и голос ее дышал теплотой. — Очень плохо, да?

Том застонал, не отрывая головы от подушки. «Очень плохо», «Скверно», «Ужасно» — никакие слова не могли даже приближенно выразить, что с ним сегодня сотворили. И совет Мэри относиться к происходящему с юмором, казался теперь недоброй насмешкой. Его взвешивали, осматривали, обмеривали, простукивали, брали на анализ кровь и кусочки тканей из разных частей организма. Его облепили датчиками и крутили на центрифуге так, что тело разрывалось на части, а потом раскачивали на огромных качелях, где он постоянно висел вниз головой. Его топили в ванне с густым рассолом и запирали в паровую камеру, где он похудел на шесть фунтов. Его положили в барокамеру и имитировали перепады давления с морского дна до вершины Эвереста. Его били внезапной вспышкой света по глазам и стегали электрическим током. Его растягивали на резиновых

полотенцах и... он уже не мог вспомнить всего, что вытворяли с ним молчаливые сосредоточенные люди в белых халатах. И постоянно его взвешивали, обмеривали, брали анализы. У него не осталось, кажется, квадратного миллиметра кожи, свободного от уколов или шипцов. Уже под вечер его, донельзя замученного, заперли на полтора часа в звуконепроницаемую камеру, и это было самой страшной пыткой — в абсолютной тишине Том потерял представление о времени и пространстве, не мог различить, где верх, где низ, где правая сторона, где левая. Все это время он провел, скорчившись на полу, в уголке камеры, полумертвый от непонятного ужаса.

— Ничего, зато теперь мучения кончились, — сказала Мэри. — Впереди у вас семь дней отдыха, если не возражаете, в моем обществе, — она лукаво умолкла, и Том с трудом открыл один глаз. Потом он открыл еще и рот и, запинаясь, заверил ее, что лучшего общества не желает.

— Не давайте опрометчивых обещаний, — засмеялась девушка. — Когда я говорю, что вы будете в моем обществе, это надо понимать буквально. А я боюсь, что могу вам и надоесть за семь дней: видеть все время перед собой одно и то же лицо... К сожалению, у нас народ сплошь занятой, да и необязательные контакты не поощряются. Босс строгий...

— А кем вы работаете здесь? — спросил Том.

Мэри скользнула в противоположный угол комнаты, к бару, умело приготовила два коктейля, снова села на кровать, протянула один бокал Тому и только после этого ответила:

— Как вам сказать... У меня разные обязанности. В данный момент я должна обеспечить вам хороший отдых, потому что через неделю, когда будут готовы анализы, начнется ваша основная работа. Не бойтесь, мучений больше не будет, работа предстоит творческая. А сейчас вы сделаете героическое усилие и примете горячую ванну. Очень горячую. И будете крепко спать.

В виде исключения я разрешаю вам принять таблетку снотворного, вот она здесь, на столике. Нужно набраться сил, потому что отдых устрою вам весьма насыщенный.

Она сдержала слово, и маленький остров необозримо раздвинул горизонты. Время растягивалось, как резиновая лента. Мэри умудрялась насытить каждую минуту удовольствием, игрой, развлечением. Фантазия у нее была неистощимой. Купание и серфинг, велосипедные прогулки и теннис, где Том проигрывал сет за сетом, катание на скуттерах и танцы в вечернем баре, кино и опять танцы — все это непрерывно сменяло друг друга, и Том чувствовал себя втянутым в огромную карусель. Но ему было хорошо с Мэри. Иногда девушка вдруг затихала, и они, взявшись за руки, молча прогуливались в старом саду, где с деревьев свешивались белые цветы и раскачивались на длинных хвостах зеленые мартышки, выпрашивающие сигарету. Потом им надоедало молчать, и они начинали хохотать над садовником Умберто, который всем напиткам предпочитал мексиканскую пульку и так основательно надирался каждый вечер, что не мог добраться до своей хижины — засыпал всегда под одним и тем же деревом, надвинув на глаза соломенную шляпу.

Строго говоря, они не были одни. И на пляже, и в кинотеатре, и в баре, и на теннисном корте вокруг них были люди. В некоторых из них Том узнавал своих мучителей. Но Мэри строго-настрого запретила подходить к ним, да и сами они к этому не стремились. К концу недели она уже знала о нем все, а для него оставалась такой же — веселой и милой, но абсолютно загадочной подружкой по развлечениям.

Однажды в баре Мэри подозвали к телефону. Поговорив, она спешно убежала, запретив ему отлучаться до своего возвращения. Том поскучал немного над порцией виски — пить больше Мэри не разрешала — и решил покурить на воздухе. Задумчиво шагая по песчаной дорожке, он разглядел в кустах желтое пятно. Протиснув-

шись сквозь густые ветви, обнаружил соломенную шляпу садовника. Владелец ее каменно лежал на траве — бедняга сегодня переусердствовал и даже не смог доползти до любимого дерева. Озорная мысль осенила Тома. Он сдернул шляпу с головы Умберто и выбрался на дорожку. Тропинка, по которой должна вернуться Мэри, вела как раз мимо дерева садовника. Том добрался до него через две минуты и устроился на корнях, низко надвинув шляпу. Он еще не решил, будет ли пугать Мэри или промолчит, когда она пройдет мимо, приняв его за пьяного садовника. Но вот шаги... голоса... Том прислушался и помертвел. Один голос был Мэри, а другой — другой принадлежал худощавому человеку с вечно растрепанной шевелюрой, мистеру Грэю, здешнему боссу, которого Том видел всего раз в жизни, но безотчетно боялся. Бежать было некуда, Том сжался в комок и замер под шляпой.

— Надо ли было так его мучить? — услышал он голос Мэри и понял, что разговор шел о нем. — Какую цель преследовала такая сумасшедшая серия анализов, да еще прогнанная за один день?

— Видишь ли, Мэри, этот человек — уникальное явление, — голос босса был негромким, усталым, он говорил так, будто отвечал своим мыслям. — По сути, мелкий воришка, преступник, он вдруг оказался в положении супермена, который может погубить все общество. Не понимаешь? Он способен разрушать причинные связи. Взять ту же историю с акциями Питсбургских железякоделательных заводов. Объяви он накануне о предстоящей аварии, скажем, сотне бизнесменов, играющих на бирже, и какой-то ручеек истории пойдет по иному руслу. Таких примеров можно привести множество. А общество только потому и может существовать, что отдельные его члены не знают своего будущего. Представь, что произойдет, если каждый начнет корректировать историю в угоду своим интересам...

Мы должны понять, какие изменения в его геном

аппарате обусловили такую способность. Более того, мы должны научиться вызывать такие изменения целенаправленно. Несколько человек, способных принимать безошибочные решения, помогут истории избежать непредвиденных случайностей. Поэтому мы и прокачали его организм на всех мыслимых режимах, чтобы... как бы тебе это понятней объяснить... чтобы выбить его из колеи, заставить работать с максимальным напряжением, выдать все, на что он способен. Тогда любое отклонение от нормы может дать ключ к этой загадке.

— Ну и что показали анализы?

— Ничего! — в голосе мистера Грэя явственно сквозила досада. — Никаких отклонений, кроме самых естественных в экстремальных условиях. Ведь одновременно с этим парнем такие же испытания проходил другой, самый обыкновенный человек. Так вот, все данные у обоих совпадают. Может быть, разница в генах... Но это долгие анализы. Подождем, что они покажут.

— Папа, — сказала Мэри, и Том чуть не подскочил от изумления. — Папа, а что ты сделаешь с ним потом, когда он станет ненужным?

— А тебя очень беспокоит его судьба?

— Нет, — Мэри заметно смутилась. — Просто мне его жалко.

— Не волнуйся. Ничего плохого с ним не случится. Когда он станет ненужным, мы постараемся восстановить его геном в прежнем виде, и пусть живет счастливо. Он еще пригодится для мелких поручений.

Они были уже совсем рядом. Том затаил дыхание.

— Смотри, папа, Умберто даже не смог лечь на траву. Спит, привалившись к дереву.

— Пусть спит, — равнодушно ответил отец. — Он великолепно знает свое дело. А то, что пьет — ну что ж, проживет на десяток лет меньше.

Их голоса постепенно удалялись. Том подождал, пока они смолкнут, потом зашвырнул шляпу подальше и,

пригибаясь, помчался в обход. Ему удалось успеть в бар раньше Мэри.

Неделя развлечений прошла, и в ясное солнечное утро Том, основательно вымотанный, но тем не менее освеживший и отдохнувший, предстал перед мистером Грэм.

— Ну, Клаузен, я доволен вами, — сказал босс, подходясь на этот раз без «мистера». Он махнул рукой на кресло, в которое Том послушно опустился, стараясь не скрипеть тугой кожей. — Вы умеете и работать и отдыхать, а это — ценное качество. Но отдых кончился, начинается работа. Через две минуты я объясню вашу роль, только сначала скажите — нравится вам Мэри?

Том молча кивнул. Он почему-то испугался, хотя босс выглядел, как и в первый раз, добродушным и благожелательным.

— Заслужите ее, Клаузен, заслужите. Это не так уж трудно: надо только добросовестно делать все, что от вас требуется.

Том снова кивнул. Но если бы мистер Грэй мог сейчас прочитать его мысли! Подслушанный разговор раскрыл ему глаза. Том хоть был и не шибко образованным, зато сметливым парнем. Он и раньше задумывался, как превратить в бизнес свои удивительные способности, но дальше жучка на ипподроме его воображение не срабатывало. Теперь перед ним открылась захватывающая дух перспектива. Что там девица Ленорман, о которой он когда-то читал или слышал! Он станет в ряд с сильными мира сего. Более того, станет самым сильным из них, потому что черта с два позволит раскрыть, как это у него получается. Том ни на грош не верил заверениям мистера Грэя, что его оставят в живых. Этому могла поверить Мэри, хотя она и не кажется наивной дурочкой. А ему достаточно вспомнить мистера Бедворта, чтобы понять, какая судьба его ожидает. Нет, он сделает так, что станет необходимым им и они будут трястись за его жизнь.

Только невежды или очень ограниченные люди бывают столь самоуверенными. Том принадлежал к первой категории. Ему и в голову не приходило, что разработанный им план может лишь вызвать улыбки специалистов. Взгляд на человеческий организм с точки зрения кибернетики позволил разработать четкую систему прямой и обратной связи — на любой вопрос организм дает точный ответ. Этот принцип был использован еще в «детекторе лжи», а с тех пор наука далеко шагнула вперед. Сопоставление компьютером суммы ответов на внешние раздражители позволяет узнать об организме буквально все. К тому же гены... Их расположение в хромосомах отмечает такой же неизгладимой печатью их владельца, как папиллярные узоры на пальцах. Не зря эти узоры, несущие в закодированном виде всю информацию о человеке, называют генами, вывернутыми наизнанку. А в дополнение к ним узоры на ладонях свидетельствуют о характере, жизненных силах. Узнаешь характер — определишь судьбу. Только сейчас мы начали ценить хиромантов, как, впрочем, алхимиков и астрологов: ученые охотятся за крупинками накопленных ими знаний, расшифровывая и анализируя хитроумную словесную вязь старинных фолиантов. Так что сколько бы человек ни хитрил, компьютер расскажет о нем всю правду. А Том хитрил. Сегодня он с завязанными глазами, среди множества желтых стеклянных шариков, равномерно падавших на ладонь, безошибочно отбирал один-единственный синий, предсказывал, в каком порядке кастелянша Урсула начнет пускать под паровой пресс простыни и наволочки, какую кофточку наденет вечером Мэри, а завтра у него ничего не получалось. Он широко разводил руками и старательно изображал удивление. А мистер Грэй сочувственно смотрел на него и произносил утешительные слова. Он уже на второй день понял тактику исследуемого объекта и только посмеивался про себя, просматривая графики, составленные компьютером. И довольно быстро определил грани-

цы способностей Тома, которые его порядком озадачили.

Том безошибочно угадывал последствия человеческих поступков только тогда, когда в них был элемент случайности, когда они не направлялись посторонней волей. Скажем, если Мэри задумчиво перебирала в шкафу свои кофточки, решая, какую надеть, Том правильно предсказывал результат. Но если отец заранее предписывал Мэри, на какой вещи остановить выбор, Том был бессильен это угадать.

— Выходит, ты можешь предвидеть только незапланированное будущее, — огорченно сказал мистер Грэй как-то вечером. — Именно те поступки, которые человек совершает, подчиняясь сигналам из подсознания.

— Это плохо? — нерешительно спросил Том. Он почему-то стеснялся задавать хозяину вопросы, хотя мистер Грэй был неизменно приветлив и всегда поощрял его, считая, что испытуемый должен отчетливо представлять цели и задачи эксперимента.

— Пожалуй, это логично, — ответил мистер Грэй, подумав. — Мы не знаем, чем руководствуется подсознание в выборе вариантов при каждой ситуации. Но вполне возможно, что и тут доминирует расположение генов, индивидуальное у каждого человека. Но видишь ли, Том, — мистер Грэй безуспешно пытался пригласить шевелюру, собираясь с мыслями, — куда важнее предугадывать запланированные поступки интересующих тебя людей. Например, есть один человек, тоже биолог...

Он замолчал, словно испугался, что сказал лишнее. И Том тут же выпалил, не успев подумать, стоит ли говорить. Впрочем, в такие минуты он и не мог думать: картина, вдруг вспыхнувшая в мозгу, будто сдергивала уздечку с языка.

— Вы вспомнили о том бугае, у которого я стянул мазню со стены? Но он уже не бугай. Почти нормальный. Пожалуй, уступит Андерсену, был такой штангист, если помните. Так вот, наш приятель завтра посылает человека... — Том запнулся. Он видел непроходимые

джунгли, гнилые болота, свирепых рептилий, скользжащих в темной воде. — В Африку, что ли.

Мистер Грэй медленно сполз на пол, будто из-под него выбили подпорки.

— Похудел?! Значит, нашел... И посылает в Африку... Почему в Африку?

— Джунгли, — пояснил Том. — И крокодилы.

— Джунгли? — мистер Грэй распрямился, как освобожденная пружина. — Джунгли бывают не только в Африке, да и крокодилы тоже...

И в этот момент, будто сигнал тревоги, грянул резкий удар колокола. Часть крышки стола с треском отскочила, наружу выпрыгнула ядовито-желтая телефонная трубка и повисла, покачиваясь на гибком держателе. Это и был сигнал тревоги. Мистер Грэй кинулся к секретному телефону.

— Грэй слушает. Тысяча чертей, я уже это знаю... Да, он. Вот как! И правительство тоже? Значит, они готовы... Я еще не успел это продумать. Сейчас же введем программу в компьютер. Почему отставить? Ах, вот оно что! Понял. Действую.

Он бросил трубку под закрывающуюся столешницу и обернулся к Тому. Лицо его окаменело, на скулах вздулись желваки, глаза светились сумасшедшим азартом. И, увидев эти глаза, Том содрогнулся, поняв, каким страшным может быть этот человек в медицинском халате.

— Том, я сожалею, что приходится прерывать эксперименты. Через два часа мы отбываем. В джунгли, к крокодилам. Предстоит увлекательная работа. Мэри будет с нами, Том, учти это. И еще одно учти, — он вдруг схватил Тома за воротник, рывком подтянул к себе. Увидев его глаза совсем близко, Том обмер. — Не советую тебе впредь меня обманывать, парень. Игрушки кончились, понял?

...Яхта вспарывала волны, истошно завывая турбинами. Белые усы вспененной воды далеко расходились по

обе стороны ее срезанного носа. Мэри и Том стояли на шлюпочной палубе, тесно прижавшись друг к другу. И молчали. Судьба уносила их к неожиданной развязке. И хотя Том поклялся, что все кончится хорошо, Мэри по временам тревожно вздрагивала. Порыв ветра бросил ей в лицо горсть брызг. И пока она рылась в сумочке, доставая платок, Том заметил среди пудреницы, губной помады и прочих дамских аксессуаров ствол пистолета. тускло блеснувший в мерцании звезд.

10

Ричард Браун открыл глаза, повернул голову и увидел, что рядом никого нет. Лишь вмятина на второй подушке напоминала о ночной подруге. Дику показалось, что в воздухе еще реет аромат нежных, чуть терпких духов. Ушла, пока он спал — тихонько соскользнула с кровати, бесшумно оделась и растворилась в предрассветных сумерках. Удивительно деликатные женщины эти филиппинки. Он невольно взглянул на ночной столик — часы, бумажник, «паркер» с золотым пером — все на месте. Больше всего ему было бы жаль перьевого «паркера»: он не признавал шариковых ручек. Который же час? Дик подцепил пальцем золотую браслетку часов, поднес к глазам: половина девятого. Времени еще уйма, хилер назначил операцию на десять. Но все равно пора вставать.

Спрыгнув с постели, Браун раздернул плотные шторы, толкнул алюминиевые оконные рамы. В Багио это можно было себе позволить: единственное прохладное место на Филиппинах с пейзажами, напоминающими Скандинавию. Недаром сюда стекаются туристы со всего света. Поэтому знаменитые хилеры и держат здесь первоклассные отели. Браун фыркнул: филиппинские врачеватели лечат бесплатно... Черта с два! Это европейцы привыкли расплачиваться валютой, а здесь, в терпеливой Азии, такса за услуги гораздо разнообразней.

Здесь умеют рассчитывать и непрямую выгоду. Вот и у хилеров гонорар особый — лечат только своих постояльцев. И на сеансах разрешается присутствовать всем, кто живет в отеле. Поэтому их отели и набиты битком в любое время года — не столько больными, сколько любопытными. Побывать на Филиппинах и не увидеть всемирно известное чудо — сами понимаете...

Поеживаясь в ванне под ледяными струйками, Дик гадал, вернется ли девочка за своим гонораром. Ему было неловко, что она ушла от него с пустыми руками. Конечно, выглядит она не бедно — короткое черное платье мастерского покроя, кораллы на хрупкой шее, великолепная прическа явно из первоклассного салона... Но он-то знал цену внешнему шику, особенно в Азии — посмотрелся в Токио, Гонконге, Сеуле. И тут наметанным глазом углядел на блестящем чулке под коленкой след поднятой петли. Наконец он решил, что она обязательно появится вечером в баре, как и вчера, и успокоился. Да, кстати, как же ее звали? Он напряг память и вспомнил, что вообще не спросил ее имени.

Сегодня у хилера было два пациента — сам Браун и западный немец, путешествующий с еще более дородной супругой и на редкость анемичной дочерью. Дик заметил их еще позавчера, когда узнал, что глава этой потешной троицы тоже записался на операцию. Судя по всему, немец был мелким чиновником или коммивояжером, долгие годы копившим средства на поездку. Помимо всего прочего, тут был и коммерческий расчет: путешествие в экзотические страны поднимет его престиж и благотворно отразится на делах. Втроем они снимали довольно скромный двухкомнатный номер (скромный, разумеется, по масштабам этого отеля) и явно сэкономили валюту — не гонялись за местными безделушками, которыми туристы набивают свои чемоданы. А бесплатная операция поможет оправдать минимум треть поездки — у себя на родине немцу пришлось бы выложить за нее не одну сотню марок.

Дик задержался за завтраком, и когда вошел в просторную светлую комнату на первом этаже, все уже были в сборе. Первым он увидел своего напарника по иллюзиону — так репортер назвал про себя предстоящую операцию. Толстяк расплзся на мягком стуле в самом углу, растерянно хлопая белесыми ресницами. Несмотря на то, что в распахнутое окно вливалась утренняя прохлада, его розовая макушка лоснилась от пота. Трусит, решил Дик. Ему и самому было не по себе, хотя операция предстояла пустяковая: удалить жировик на спине. С этой шишкой под правой лопаткой можно было ходить всю жизнь, но уж раз подвернулся такой случай... К тому же рассказ очевидца всегда выглядит достоверным, хотя... Дик усмехнулся, вспомнив пословицу: «Врет как очевидец». Очень точная пословица, но сегодня он постарается ее опровергнуть.

Зрителей было немного — человек двадцать постояльцев отеля, в основном из Латинской Америки. Смуглые сеньоры с черными усами и бугристой кожей, яркие, как орхидеи, сеньорины, чьи обжигающие черным пламенем взгляды убийственно дисгармонировали с нежно-сиреневыми волосами, модными в этом сезоне. Когда Дик вошел, по женщинам прокатилась легкая волна возбуждения: сухопарый, подтянутый, невозмутимый и уверенный в себе американец им явно понравился. Дик метнул взгляд в симпатичную сеньорину с более откровенным, чем у других, декольте. Она призывно улыбнулась, прикрывшись ладошкой вместо веера, а сидящий рядом с ней кабальеро грозно ошетирил усы, обнажив желтые прокуренные зубы. Ну чистый иллюзион, подумал Дик. Ему рассказывали, что раньше на сеансы хилеров сбегались сотни любопытных. Но, очевидно, любое, даже самое экзотическое зрелище приедается.

Из вторых дверей показались двое слуг в бордовых куртках и белых шортах. Бесшумно ступая босыми ногами, они приблизились к низкому длинному столу у окна, накрытому свисающей до пола, звенящей от крахмала

простыней. Один придвинул к этому ложу стул с простой деревянной спинкой, другой поставил на пол белый эмалированный таз, затем оба снова отошли к двери.

Вошел хилер. В белой рубашке с короткими рукавами, худощавый и низкорослый, он казался совсем юным, почти мальчиком. Это впечатление пропало, когда Дик увидел его глаза — твердые, цепкие, немигающие. Глаза много повидавшего, умудренного жизнью человека. Обежав взглядом собравшихся, он отыскал немца в углу и скупым жестом пригласил к себе. Толстяк судорожно дернул головой.

— Я потом. За господином. Если господин ничего не имеет против.

Сеньорины взволнованно заколыхались. Хилер перевел взгляд на Дика. Тот пожал плечами и, стараясь ступать твердым шагом, направился к столу. Только сейчас он увидел висевшее над ним распятие. Хилер, как и большинство его коллег, был католиком. Почему-то Брану стало легче от этого: он и сам был католиком, хотя уже и не помнил, когда последний раз ходил в костел.

По знаку хилера он снял рубашку и хотел было лечь на стол, но врачеватель придержал его. Дик показалось, что в его плечо впилась клешня робота: пальцы у хилера были поистине железными. На вполне сносном английском он объяснил, что операция несложная и нет необходимости ложиться. Пациент должен сесть на стул и крепко обхватить руками спинку.

«Он меня гипнотизирует, — понял Дик. — Эти пальцы, влившиеся в плечо, усилие, с которым я должен прижиматься к стулу, — все это концентрирует меня на боли в спине и груди. Это как местный наркоз. Теперь он может вскрыть опухоль чем угодно, хоть обломком бритвы, спрятанным между пальцами, и я ничего не почувствую».

В этот момент хилер отпустил его плечо и начал читать молитву. Сеньорины сложили ладони домиком и благочестиво потупили очи. Дик невнимательно слушал

полузабытый текст, ощущая, как проходит боль в плече. Грудь тоже не болела — он вовсе не так сильно прижимался к стулу, как велел хилер. Тот кончил молиться, и Дик снова ощутил на себе его железные пальцы.

Хилер сжал одной рукой его лопатку, будто хотел вырвать ее, а другой впился прямо в опухоль. Дику показалось, что в него ударил артиллерийский снаряд, так кошмарно было ощущение раздираемого тела и острой нестерпимой боли. Из глаз брызнули слезы, он еле подавил крик. Но длилось это мгновение. Затем Дик почувствовал, как пальцы вошли в его тело, сделали быстрое вращательное движение, дернулись обратно, и вот уже в таз шлепается какой-то розовато-белый скользкий комок. Хилер провел по его спине куском ваты, тут же окрасившемся кровью, швырнул его в таз и легким шлепком дал понять, что операция закончена.

«Так и есть, он вскрыл жировик чем-то острым, надеюсь, предварительно продезинфицировав лезвие,—усмехнулся про себя Дик. — Потому и кровь. Но как он теперь объяснит разрез на коже?»

Он поднялся со стула. Боли уже не было, только ощущение какой-то потери. Улыбающийся слуга поднес два зеркала. Дик увидел свою спину. Жировика не было, но не было и шрама. Имела место гладкая белая кожа, разве что чуть покрасневшая там, где раньше вздувалась опухоль. Если и произошло жульничество, то на высоком профессиональном уровне. Дик почувствовал себя так, будто его нахально обвели вокруг пальца. Зато окружающие неуверенно заплодировали.

Очередь была за немцем. Он неловко поднялся со стула, растеряно оглядываясь на женщин. Его мучнистые щеки порозовели, ноги, казалось, приросли к полу. Дик смотрел на него, не понимая, и вдруг догадался: немцу же требовалось удалить аппендикс. Вот это номер, развеселился он. Придется сеньоринам разочарованно удалиться.

То же, видимо, подумал и врачеватель. На ломаном

испанском он извинился перед дамами за операцию, которая невольно подвергает испытанию их застенчивость. Впрочем, добавил он, те, кто пришел сюда с чисто познавательной целью — убедиться, что филиппинская хирургия не фокус, не жульничество, — конечно, могут остаться. Для них оперируемый уже не мужчина, а объект исследования. Удивительно, но оказалось, что все дамы явились сюда именно с познавательной целью — скромно потупив глаза, они непоколебимо остались в креслах, заставив нахмуриться своих спутников. Увы, женский диктат опрокинул уже и Южную Америку, ухмыльнулся про себя Дик. Бешеным кабальеро только и остается, что шевелить усами. Убедившись, что дамы и не думают удаляться, немец, оглянувшись на жену и дочь и получив от них молчаливую поддержку, довольно решительно скинул одежду и, оставшись в голубых трусах с розовыми цветочками, не лег, а обреченно рухнул на зазвеневшую простыню. В тишине только жалобно скрипнул стол. Затем прозвучала короткая молитва.

Хилер сумел сделать так, что стыдливость дам не подверглась испытанию. Несколько секунд он пристально смотрел на распростертое тело, потом, кинув пальцы на пухлый живот, начал осторожно, но сильно ощупывать его. Кожа немца пошла пупырышками. Дик, оставшийся у стола, смотрел во все глаза, твердо решив не поддаваться массовому гипнозу, который, по слухам, применяли филиппинские врачеватели. Внезапно рука хилера напряглась и ушла в живот больного. Раздался громкий чмокающий звук, будто лопнул нарыв. Дик отчетливо видел, как расступилась молочно-белая кожа и вокруг смуглого запястья обвился розовый ободок. Кровь, подумал он. Тут уже без обмана. Но до чего же ее мало! Немец закричал. Дик, вспомнив собственные ощущения, от души ему посочувствовал. Рука хилера все глубже уползала в тело. Лицо врачевателя окаменело, глаза превратились в щелки, по щекам скатывались мутные капли пота. В напряженной тишине слабо охну-

ла какая-то сеньорина, очевидно, с богатым воображением. Внезапно хилер резко повернул руку и выдернул ее. В таз шлепнулся кровавый комок. И вот уже врачеватель вытирает ватой живот немца, и на коже нет никакого шрама.

А ведь шрам должен был быть. За ничтожное мгновение, когда рука хилера покидала тело, Дик разглядел отверстия края раны и перламутровые внутренности, залитые пенящейся кровью. Разглядел он и еще что-то. Это я уже видел, понял он. Не дырку в животе, но что-то похожее. Что-то вот так же мелькнуло передо мной. Но где? В Корее? Во Вьетнаме? Картина, которую он пытался вспомнить, скользила мимо сознания, и нельзя было ее схватить, остановить, рассмотреть. Он не мог даже сосредоточиться: мешали загальдевшие сеньорины.

Немец попытался встать, но хилер удержал его.

— Нет, нет, нельзя, — сказал он. — Сейчас принесут носилки и доставят вас в номер. Денек придется полежать.

«Денек, — подумал Дик. — А при обычной операции аппендицита — неделю. Завтра же поговорю с этим бюргером, как он себя чувствует».

Он лично чувствовал себя обманутым: так и не понял, действительно ли рука хилера уходила в тело больного или это ловкий трюк. Мучила и тень воспоминания, которое он так и не успел ухватить. И Дик чувствовал, что это был самый важный момент в операции — что-то очень знакомое, уже однажды поразившее его.

Но пока писать было не о чем. Все, что он сегодня увидел, неоднократно фигурировало в прессе, сопровождалось красочными фотографиями. За исключением разве что крови. Почему-то все, кто писал о филиппинской хирургии, в один голос уверяли, что она бескровна. А ведь кровь, хотя и небольшая, но была. И это делало сегодняшнее зрелище особенно убедительным. За тысячи лет существования медицины человечество привыкло, что

любая операция, связанная с разрезом кожи, сопровождается кровотечением. Иначе и быть не могло.

А может, это — очередной фокус, подумал Дик. Сначала они показывали операции без крови. Потом, когда первая волна сенсации схлынула и среди праздно публики появились специалисты, ничего не берущие на веру, хилеры для правдоподобия стали подпускать чуть-чуть крови... Может быть, просто красную краску, под которой привычно ожидаешь след скальпеля. А его нет... Все точно рассчитано на психологию.

Но это были только догадки. Без всякой уверенности, что они имеют под собой хоть какое-то реальное обоснование. Дик поднялся к себе в номер и прямо в одежде повалился на кровать. Все, кто освещал работу хилеров до него, писали о том, что видели. Наверняка так поступит и мальчишка Бедворт. А вот для него, известного научного обозревателя Ричарда Брауна, этот путь заказан. Он не имеет права писать о том, что видел, потому что в наше время человеческое восприятие — отнюдь не гарантия истины. Сейчас фраза «Я сам это видел» вызывает у специалистов лишь улыбку: если ты это видел, значит, тебя обманули. Профессиональный журналист должен оперировать не ощущениями, а доказательствами. А если точнее — логическим анализом установленных фактов. Но здесь, в фешенебельном отеле, понял Дик, установленных фактов ожидать нечего. А между тем факт есть. По крайней мере один. И он его точно установил. То самое мгновение в операции, оставившее после себя мучительную тень воспоминания. Именно здесь таится ключ к разгадке. Дик закурил трубку и заставил себя выбросить эту мысль из головы. Бесполезно насиловать подкорку. Рано или поздно он это вспомнит — нечаянный жест, взгляд, случайное слово вызовут цепную реакцию ассоциаций...

В открытое окно доносился уличный шум. Здесь, в Багио, где все напоминало Скандинавию, можно было не включать кондиционер и не закрывать окон. И если бы

не пронзительные голоса уличных торговцев, вполне можно было представить, что ты в Северной Европе, среди потомков викингов — рослых, хладнокровных, многословных. Многословие — вот что больше всего угнетало Дика в Азии. Здесь не знали цену словам — нанизывали фразу за фразой, чтобы выразить простенькую мысль. Слава богу, что еще не махали руками, как Бедворт.

Кстати, а куда он девался? Когда их выперли с Лубанга, он мгновенно исчез, будто растворился, сойдя с трапа. Правда, перед отлетом он получил телеграмму и сразу заторопился. А Дик устроился в манильском «Хилтоне» с намерением хорошенько отдохнуть после всех этих невероятных происшествий. Но уже через четыре часа позвонил шеф и началась сумасшедшая гонка на другую половину планеты. А когда Дик отправился в Японию, то полтора месяца увертывался от узкоглазых шпииков — весьма респектабельных господ в модных солнечных очках и добротных костюмах. Впрочем, шпиики одинаковы в любой части света. Они взяли его в кольцо, но кое-что он все же узнал. Таникава был самым нормальным ребенком, таким же, как все деревенские дети. Единственное, что его отличало, — это пониженная чувствительность к боли. В медицине существует латинское название этого парадокса, но Дик, разумеется, его не запомнил. Таникава никогда не плакал, разбив колено или получив синяк в мальчишеской драке. И раны его очень быстро заживали. Об этом с гордостью поведали Дику престарелый отец и старший брат Таникавы. А также и о том, что у них в роду все долгожители.

А потом Дика настигла телеграмма — продолжить сбор материалов о хилерах. Странная телеграмма. Нелогичная. Но приказ есть приказ, и пока его не отменили... Интересно, а получал ли Бедворт вторую телеграмму? Если да, то, возможно, он отправился собирать материал к деревенским хилерам: ни в Маниле, ни в Багио Дик его следов не обнаружил. А ведь это идея! Репор-

тер сел на кровать, свесив ноги. В деревне все проще. Там нет ни слуг, отвлекающих внимание, ни столов, закрытых до пола простынями, под которыми неизвестно, какая техника... Наконец, клиенты там постоянно на месте, их не надо искать по всему миру, чтобы узнать, насколько они исцелились. Решено: завтра он уедет. Установит адреса деревенских хилеров и начнет прыгать с острова на остров в погоне за информацией. Конечно, медлить было ни к чему, он мог уехать и сегодня. Но... Дик усмехнулся: он уже привык не лукавить с самим собой. И сейчас честно признался себе, что хочет еще раз увидеть свою вчерашнюю приятельницу.

В семь вечера он спустился в бар. Хотя в прохладном Багио природа и напоминает Северную Европу, но темнеет здесь рано и мгновенно, как везде в тропиках. И сейчас за окнами темнота вплотную прижималась к уличным фонарям, ярким витринам, неоновому буйству реклам. По тротуарам лился разноцветный поток туристов. И разномастный тоже, усмехнулся про себя Дик, вспомнив утренних ярких сеньорин.

В этом угловом баре, самом маленьком и самом уютном из всех баров отеля, сегодня было не протолкаться. Толстый лысый бармен в бордовом костюме — такие носили все служащие отеля — виртуозно орудовал шейкером и бокалами. Высокие стеклянные двери непрерывно поворачивались, пропуская все новых и новых посетителей. Впрочем, почти никто не задерживался — вытянув через соломинку бокал и окутавшись сигаретным дымом, они торопливо возвращались под ласковый небосвод, усыпанный крупными звездами. Шелест голосов причудливо смешивался с негромкой музыкой стереоцентра. Дик перехватил освободившееся кресло под носом у светло-коричневого молодого ротозея и, потягивая горьковатый коктейль, исподтишка оглядывал зал. Женщины не было. Она не пришла и через полчаса, когда коктейль был выпит, как Дик ни старался растянуть эту процедуру. Неужели не придет, подумал он с досадой.

Он сам не ожидал, что она так захватит его воображение. Наверное, это потому, что я как следует ее так и не разглядел. А появится, то окажется самой обыкновенной... Он мысленно замялся, но привычка говорить себе неприятные вещи пересилила, и он закончил: шлюхой. И это ничего не значит, что она не взяла деньги. Не забывай, дружище, это — Азия. И кто знает, не слишком ли чрезмерную цену тебе придется заплатить за те изумительные мгновения, которые она тебе подарила. Да, честно признался Дик, такой женщины у меня еще не было, но, может, все же лучше, чтобы она больше не приходила?

Как раз в этот момент она и появилась. Дик даже не заметил откуда — по крайней мере, не с улицы. Она просто выросла за его спиной и легонько тронула за плечо.

— Мистер Браун, вас просят к телефону.

Дик с удивлением подумал, что, оказывается, она знает его имя, а вот он так и не удосужился. Но эта мысль проплыла стороной, лишь слегка затронув сознание, — так он был рад снова ее видеть. Девушка была в том же коротком платье и блестящих чулках. Но Дику показалось, что сегодня в ее широко распахнутых черных глазах больше теплоты. Почему-то он только сейчас обратил внимание на ее глаза и нос — не приплюснутый, как положено филиппинкам, а правильной формы с тонко вырезанными нервными ноздрями. Наверняка кто-то из ее предков приплыл сюда с берегов старушки Европы. Только потом до него дошел смысл сказанного, и, усадив девушку в свое кресло, он торопливо начал пробираться к телефонной будке в углу за стойкой.

Звонил шеф.

— Дик, где ты, черти бы тебя взяли, шляешься? Я полчаса проторчал у трубки, пока за тобой бегали по всему отелю.

— Им надо было сразу соединиться с баром, — хотнул Браун.

— Это моя вина! — покаянно сказал шеф. — Уж я-то должен был сообразить, где ты торчишь по вечерам.

А ведь он в нерешительности, понял Браун. У него кошки скребут на душе: наверняка босс раскручивает какое-нибудь пакостное дело. А ему приходится организовывать. Он отчетливо представил себе шефа — с неизменным зеленым козырьком над глазами и с кукурузной трубкой в зубах, в клетчатой выцветшей рубашке, перерезанной черными полосками подтяжек — все в духе старого доброго ковбойского прошлого. Не хватает только увесистого кольца у бедра. Шеф не играл простого американского парня из прерий. Он на самом деле был таким, потому его и съели. Но он великолепно знал обывателя, его запросы, его идеалы. И любой материал умел препарировать так, что на него непременно находился читатель. Поэтому его и оставили редактором.

— Нашел что-нибудь интересное, Дик?

— Нашел! — резко ответил Браун, понимая, что это еще не главный разговор. — Филиппинская хирургия вообще не бескровная: теперь, когда рука хилера входит в тело, идет кровь.

— Черт побери, это здорово! — профессиональный газетчик на мгновение заглушил в шефе все остальное. Но только на мгновение. — Придется оставить это на потом, Дик. Есть срочное задание.

— Таникава? — это вырвалось у Дика само собой. И тут же он понял, что бессознательно ждал этого задания с позавчерашнего дня, когда прилетел из Японии.

— Ты догадлив, парень.

— Не так уж это трудно — догадаться. Но вряд ли здесь что-нибудь выйдет. Нас вышвырнули с базы с такой скоростью, что мы летели на три фута впереди собственного визга. И ворота закрыли наглухо. Теперь туда хода нет. Да и где сейчас Таникава? Вряд ли еще на базе.

— Там, Дик, там. Делай что хочешь, хоть взрывай тротилом, но пролезь за загородку. Газета должна получить материал. Мы вот что выяснили: завтра на Лубанг вылетает большая банда — немного ученых светил и много ребят из ЦРУ. А среди большеголовых — Кертис Оливер. Тебе это имя о чем-либо говорит?

— Еще бы! — Дик даже присвистнул. Флешер знал о его дружбе с Кертисом. Если бы он еще знал, что они встречались до его отлета в Японию... — Тогда другое дело, шеф. Плохо только, что вы меня поздно предупредили. Мне нужно опередить их хотя бы на сутки.

— Опередишь на полсуток. Времени тебе хватит. Успеешь утром побриться и получить деньги, которые уже высланы.

— Сделаю, что могу, — сказал Браун, вешая трубку.

Он вышел из телефонной будки, пытаясь привести мысли в порядок. Вот почему был смущен Флешер: босс посылал на заклание своего репортера, и редактор отлично это понимал. Одно дело попасть на территорию военной базы в терпящем аварию самолете и совсем другое — пробраться тайком, в одиночку. По всем законам это расценивается как шпионаж, и если поймают... Дик поежился. И вместе с тем он понимал, что пойдет на риск. Это было настоящее задание, о котором мечтает каждый журналист и которое требует выложить все, на что ты способен. Вот только времени, чтобы все обдумать, прикинуть, рассчитать, у него не было. Придется импровизировать на ходу, в зависимости от обстановки. Плевать, не впервой.

Девушка ждала его за столиком, заложив ногу за ногу. Из-под короткой юбки высывались кончики резинок. Поза была несколько вызывающей, но у нее это получалось мило и непринужденно. Наконец Дик сообразил, что надо сделать.

— Подожди еще немного, я сейчас вернусь, — сказал он.

— Мне скучно, — капризно протянула она. — Угости хотя бы дайквири.

Чертыхнувшись про себя, Дик пробился к стойке и принес ей бокал с зеленоватой жидкостью. Потом выскочил из бара и пересек обширный вестибюль. За столом портье никого не было. Девушка, дежурившая вечером, куда-то отлучилась. Дик нервно закурил. В этот момент к столику скользнул пожилой филиппинец в бордовом костюме того же оттенка, что и у служащих отеля. Только покрой костюма несколько отличался. Посетители могли ошибиться, однако сами служащие никогда не приняли бы его за своего. Наметанный глаз Брауна автоматически отметил разницу, и эта информация уплыла в глубину его памяти.

— Что угодно господину? — осведомился филиппинец.

И опять Браун машинально отметил, что где-то уже видел это плоское лицо с приплюснутым носом, узкие черные глаза между припухшими веками. И вспомнил: этот человек, похожий на здешнего служащего, раза два мелькнул перед ним, когда он сидел вчера сначала в баре, а потом в ресторане с... Тысяча чертей, он так и не удосужился спросить девушку, как ее зовут. Впрочем, сейчас не до этого.

— Место до Лубанга на завтрашний день.

— Каким рейсом? — спросил филиппинец, раскрывая толстый справочник.

— Начиная с часу дня, — сказал Дик, прикинув, что раньше не получится: неизвестно, когда в банк поступит извещение на деньги.

— Есть рейс в четырнадцать десять.

— Годится, — согласился Дик, гадая, повезет или нет. Сейчас, в туристский сезон, внутренние филиппинские линии перегружены.

Пока филиппинец набирал номер, Дик подумал, что, несмотря на костюм, этот человек, очевидно, все же служащий отеля. А когда тот, не спрашивая, назвал его имя

в трубку, то и вовсе уверился в этом: только служащий мог знать фамилии постояльцев.

— Все в порядке, мистер Браун, — сказал филиппинец, кладя трубку. — Билет вам принесут завтра утром. Если не возражаете, нам было бы удобнее, чтобы вы оплатили его сразу по получении.

— Договорились, — бросил Дик, хотя его и удивила эта просьба: обычно стоимость всех услуг включают в счет при отъезде. Но его сейчас занимала одна мысль. Узнать, наконец, имя девушки. Это он и спросил, вернувшись в бар.

— У меня два имени, — поколебавшись, ответила она, закуривая сигарету. — Местное и европейское. Какое вам предпочтительнее?

— Настоящее.

— Они оба настоящие. Мой отец был англичанин, да и в матери изрядная примесь европейской крови.

— Они живы?

Девушка покачала головой и сухо ответила:

— Погибли во время антиамериканских выступлений. Они очень любили эту страну, — в голосе ее прозвучал вызов. — А зовут меня... Пожалуй, называйте Джейн. Для вас это имя звучит привычнее.

По-английски она говорила безукоризненно. И в колышущемся от сигаретного дыма воздухе, в неверном свете розовых бра ему показалось, что в ней нет ничего от Азии. Перед ним сидела черноволосая англичанка с высокими скулами, тонким прямым носом, четко очерченными губами, холодноватая и сдержанная.

— А как твое местное имя?

Она усмехнулась, аккуратно стряхивая пепел.

— Не слишком ли много сразу? Вы узнаете его... когда-нибудь.

И опять она исчезла задолго до рассвета, не взяв ничего и оставив после себя терпковатый волнующий аромат. И ощущение смутной тревоги. Уж очень не похожа была Джейн на всех остальных, с кем ему приходи-

лось мимолетно встречаться на проторенных путях евроазиатского континента. Дик не строил иллюзий: в пятьдесят лет трудно рассчитывать на бескорыстную любовь. Тем более он сказал ей, что уезжает. И если она исчезла, не взяв ничего, значит, был у нее другой интерес. Какой? И вдруг Дик понял, что это ему совершенно безразлично. Он готов смириться со всем, лишь бы она была рядом. Разделила с ним его бесконечные скитания, дарила теплом. Впервые он понял, как это тяжело — скитаться в одиночку.

Он заставил себя выбросить эти мысли из головы. Потом, выполнив задание, он вернется в Багио, и тогда... видно будет. А пока он провел время в предотъездных хлопотах — собрал вещи, получил деньги, успел перекусить. Обдумать план предстоящих действий он решил в самолете.

Старенькое такси, дребезжа всеми суставами, доставило его в аэропорт, уже когда объявили посадку. Дик торопливо пересек зал ожидания, размахивая чемоданом, прошел магнитный контроль и в числе последних пассажиров поднялся по трапу. Его место было у прохода, соседнее, у иллюминатора, еще пустовало. Забросив чемодан на полку, Дик установил спинку кресла в удобное положение, намереваясь сразу после взлета потребовать коньяк и кофе. Это любимое сочетание напитков прояснит мозги, успокоит нервы, а сигарета поможет сосредоточиться на нелегкой задаче, которая ему предстоит...

— Мистер Браун, помогите положить мой чемодан на полку.

Он поднял голову и остолбенел. Перед ним стояла Джейн.

11

— Картину эту я видел раз пятнадцать, а может, и больше. Но рассмотрел ее внимательно только один раз — первый. Да она большего и не заслуживала: для

такой убогой мазни и один раз было роскошью. А висела она в заведении Лу Синя: так звали китаезу, держащего притон в одном из портовых закоулков Сан-Франциско. Это ведь целый город — тамошний порт, с собственными обычаями и законами. Навряд ли ты бывал там, Керти, хотя и прожил во Фриско немало лет. Различие интересов: ты потрошил трупы в научных целях; а там потрошат живых людей, и цели при этом совсем иные. Ну а мне, сам понимаешь, приходится разгребать любые помойки — специфика профессии, ничего не поделаешь. А в тот период особенно. За вьетнамские репортажи Пентагон добился моего увольнения из агентства. Естественно, меня занесли в списки неблагонадежных. Уверен, что и сам не знаю всех подробностей моей биографии, которые врезаны в память большого компьютера ФБР. Положение у меня тогда было хуже некуда — ни работы, ни денег, ни жилья. Да ты помнишь: я месяц спал у тебя в гостиной на диване, поскольку мы с Линдой обитали уже в разных спальнях, пока не подвернулись эти два юнца с новенькими дипломами, которые буквально на фу-фу организовали «Ночной Фриско». Газетенка была даже не бульварная — панельная, но, черт побери, имела сбыт, хотя и шла только в розницу. А читали ее в основном воры, шлюхи, гостиничные швейцары и горничные и другой подобный народец с повышенной сентиментальностью и экзальтированностью. Не удивляйся, Керти: нет более сентиментального животного, чем бандит между двумя преступлениями. Моим ареалом в этой газетке был порт: в каждый номер я поставлял леденящие душу репортажи о драках, ограблениях, погонях. Главное было — показать бандитов ужас какими отчаянными, чтобы обыватель трясся по вечерам за тремя запорами. А девушки, естественно, должны быть нежными, верными и бескорыстными — очень им это нравилось, особенно гостиничным горничным, у которых лифчик раздувается от чаевых. Ох и пил я тогда: надо же было смыть грязь с души. И ча-

стенку забегал к Лу Синю опрокинуть стаканчик и отдохнуть в тишине. В его заведении всегда был железный порядок. Не то чтобы подраться — голоса никто не повышал. Свою клиентуру Лу Синь держал строго.

Браун перекинул ногу через подлокотник кресла, отхлебнул виски. Поза была не из грациозных, он понимал это, зато удобная, а Кертис пусть думает что хочет. Лыдинка, тоненько звякнув, скользнула по стенке бокала, приятно обожгла губы. Трубка лежала на столе, над ее чашечкой в виде лотоса то появлялся, то пропадал дымок. На ногах мягкие тапочки без задников, которые русские метко прозвали «Ни шагу назад». Максимум уюта, который может предоставить гостиница. Если бы еще не погода... Под такое настроение требуется зима с трескучими морозами и сугробами до подоконника, чтобы до самой селезенки пронизало тебя домашнее блаженство. А здесь за окном шевелилась, тягуче вздыхая, душная грозовая ночь. Тучи, проглотив звезды, тяжело придавили город. Впрочем, все это мираж: дождя не будет. Азия — она и есть Азия, ей ни в чем нельзя верить. Даже в погоде. А как было бы в жилу, чтобы хороший ливень разогнал эту гнетущую духоту. В такие ночи, нередкие в тропиках, Дика вдруг начинала подтачивать мысль — даже не мысль, а ощущение, что он по ошибке попал не в тот мир. Где-то в своих скитаниях незаметно пересек временной барьер и очутился в параллельном пространстве, где все так же, как у нас, только есть крохотная разница, которую невозможно даже осмыслить — лишь ощущать. Но эта разница и делает окружающий мир чужим, холодным, враждебным. Потому и нет у него собственного дома, своей тихой гавани, где можно укрыться, переждать непогоду. И вынужден он быть всегда на виду, как в аквариуме, кочуя из гостиницы в гостиницу, меняя страны и континенты. А может, ничего он не меняет: сидит в одном и том же гостиничном номере, а за окном проплывают декора-

ции... Он еще раз глотнул из бокала, чтобы прогнать холодок под сердцем.

Кертис Оливер — высокий, спортивный, с медальным вычеканенным лицом, моложавость которого подчеркивали седые виски и белая прядь в черных волосах, сидел в кресле напротив Брауна. Их разделял низкий столик. «Мы одноклассники, — подумал Дик, — и учились вместе, а его можно принять за моего младшего брата. Хотя нет, и на братьев мы непохожи. Мне нипочем не удастся так себя подавать, даже одень я такой же костюм, сшитый на заказ, и модные очки в пол-лица. Это не внешнее, а внутреннее, от того места в мире, которое ты сам для себя определил. А я всю жизнь приспособляюсь то к одному, то к другому, чтобы разговаривать человека».

Даже в уютном кресле Оливер держался, как на рауте, и бокал в его руке был строго перпендикулярен полу. Как это ему удавалось, Дик за долгие годы так и не смог понять.

— Это был очень симпатичный китаец — маленький, кругленький, с быстрыми глазками, катался, как шарик, а уж добродушный — дальше некуда. Но так казалось только тем, кто его не знал. Мне не казалось... Лу Синь — не настоящее его имя. Только он вовсе не стремился афишировать собственную биографию. Кабачок в порту служил ему лишь ширмой. Легальным занятием для полиции. И как раз это занятие отнимало у него меньше всего времени.

— Ты ведь начал о картине, — напомнил Кертис.

— Да, картина. Я как-то спросил Лу Синя, зачем он держит на видном месте такую мазню. Среди фотографий знаменитых боксеров, призовых лошадей и полуобнаженных кинозвезд. И знаешь, что он ответил? «Мистера Брауна, в этом мире каждый имеет два дна, как потайная чемодана. Вот и эта картина имеет два дна. Кто умеет нырнуть глубоко, на вторая дно, станет мудрая, как Конфуций, и могущественная, как...» Он так

и не смог подобрать сравнение и широко развел руками. Он точно рассчитал, этот мудрый азиат. Когда ты слышишь о втором дне применительно к холсту, на котором неумелой рукой намалевана летающая змея, растущий из дерева тигр и человек, не то исчезающий в скале, не то вылезающий из нее, тебе обязательно приходит в голову философия древних восточных мудрецов. Ну, скажем, их высказывания насчет дуализма природы. И пропадает всякий интерес. А между тем Лу Синь сказал чистую правду. Из-за этой картины он и погиб, и я принимал в этом косвенное участие.

Дик затянулся трубкой и вновь увидел низкий потолок задней комнаты портового притона, замызганный деревянный пол, обшарпанные столики, кучку игроков в покер в одном углу, рулетку и толпящихся вокруг нее матросов — в другом. Все это он успел разглядеть сразу, когда вслед за полицейскими проскочил качающиеся створки дверей, одна из которых больно саданула его в бок. Игроки кинулись врассыпную, но не они интересовали полицию. То, что у Лу Синя крутят рулетку, знал каждый фараон в порту. Они искали труп Бертрана Фрашона, француза по происхождению. Молодой клерк муниципалитета, только три месяца назад принятый на эту должность, он вдруг обратился в полицию с заявлением, что за скандальной аферой, связанной со строительством больничного комплекса, стоит незаметный кабатчик Лу Синь. Шериф, к которому обратился Фрашон, долго сопел, наливаясь кровью, дотошно переспрашивал француза, уверен ли он в приводимых фактах, а если не уверен, то не лучше ли ему забрать свою бумажку и сделать так, чтобы его больше не видели... Фрашон стоял на своем и добился, чтобы с него сняли официальные показания. На другой день он исчез...

— Ты, конечно, большой ученый, Керти, может быть, даже нобелевским лауреатом станешь. Но при всем твоём таланте эту механику тебе не понять. Шерифу было глубоко наплевать на Лу Синя, он с удовольствием заса-

дил бы его в клоповник. Но ведь шериф — выборная должность. А кто его знает, с кем связан китаец? Закрывая подряд со строительной конторой, никогда нельзя быть уверенным, что подпись на контракте ставит не подставное лицо. Конечно, не шериф заключает контракты, но где гарантия, что, выстрелив по жуликам, не попадешь в мэра? А он твой начальник, и те, кто ставит мэра, организуют и избирательную кампанию... Короче, политика и бизнес так переплелись, что их невозможно отделить друг от друга — это стало настолько очевидным для всех, что газетчики уже стесняются писать такие прописные истины. И за незаметным кабатчиком наверняка стояли сильные люди. Лу Синь отнюдь не стал бы их выгораживать. В таких кругах железный закон: если ты меня не вытащишь, я тебя утоплю. А кто оказался бы в итоге виновным? Конечно, шериф.

Кертис чуть усмехнулся и отпил из своего бокала. Он подумал о том, что аксиома Брауна, пожалуй, универсальна. В научном мире не менее сложная картина, и политика с бизнесом здесь тоже тесно спаяны. Сейчас, когда открытие новых природных закономерностей мгновенно воплощается в реальные технические изделия, приносящие баснословный куш... Короче, эпоха ученых «не от мира сего» канула безвозвратно.

Труп Фрашона, конечно, не нашли. Наивно было бы думать, что убитого будут прятать здесь. Да полицейские так и не думали. Зато Лу Синь был предупрежден. И без протеста согласился заплатить штраф за незаконное содержание рулетки. Да и у шерифа оказались развязанными руки. Если теперь Лу Синь и те, кто стоит за ним, не успеют спрятать концы в воду, пусть пеняют на себя. Но то, что произошло дальше, никто не смог бы вообразить. Лу Синь спокойно сел в полицейскую машину, чтобы отправиться в суд, где должны были оформить штраф. Он да двое полицейских, один из которых за рулем. Дика в эту машину не взяли, и он пристроился во вторую, где был только водитель. Еще трое полицейских

остались в кабачке. По дороге Дик составлял в уме фразу, открывавшую репортаж. Первая фраза — всегда самая трудная. Она должна прочно подцепить читателя на крючок и не отпускать его до конца. И, увлеченный поисками слов поэнергичнее, он даже не понял сначала, что это за сухой треск разорвал ровный гул улицы. Словно очередь из крупнокалиберного, машинально подумал он, вспомнив Вьетнам. И лишь потом, когда передняя машина, странно вильнув, врезалась в мчащийся навстречу грузовик, понял, что это и в самом деле была очередь из крупнокалиберного. Кто-то с безумной смелостью прошел пулями всех сидящих в машине прямо из толпы, валившей по тротуару.

— А в это время в кабачке происходило самое загадочное, — продолжал Дик. — Я уже говорил, что когда посетителей вышвырнули на улицу, в помещении остались трое полицейских. И если учесть, что в первой комнате, со стойкой, полки ломились от бутылок, а фараоны, как известно, не отличаются особой щепетильностью по части незаконного присвоения спиртного, то обстановка для экспроприации чужой собственности была самая подходящая. Этим и воспользовался Фрашон...

— Кто?! — изумился Кертис, чуть не выронив бокал. На мгновение он даже утратил свой репрезентативный вид, но только на мгновение.

— Ну да, Фрашон. Никто и не думал его похищать. Все это было тонко разработанной многоходовой комбинацией. Но, как это нередко бывает, она лопнула от непредвиденной случайности. Один из полицейских, оставшихся в кабачке, недавно перенес сердечный приступ — бывает такое и с полицейскими — и временно капли в рот не брал. Зато взял Фрашона, который проник в заднюю комнату и, стоя на стуле, тянулся к картине. Так с картиной его и доставили в управление.

— Мозги сломать можно! — задумчиво протянул Кертис. — Что же такое было в этой картине, если из-за нее пошли на такой маскарад с убийством?

— Именно этот вопрос я и задал себе. И уговорил шерифа впустить меня на пару часов в холодную, куда поместили Фрашона. Ему предъявили обвинение в мелком жульничестве, поскольку даже для полицейских было ясно, что картина никакой художественной ценности не представляет. А к мелкому жулику репортера впустить можно. Конечно, это было против правил. Но шериф был мне обязан: незадолго до этого я тиснул голубую информацию о том, как он с риском для жизни взял шайку рэкетиоров. И это была истинная правда или почти правда, поскольку рисковал не один шериф, а еще и десяток его парней. Но дело не в этом. Наверное, идти с кольцом против озверевших бандитов проще, чем задевать некоторых добропорядочных граждан, и я намекнул об этом шерифу. Вот так меня и заперли с Фрашоном на два часа, но этого оказалось достаточно. Никогда не видел более перепуганного человека. Он как начал трястись, услышав про смерть китайца, так и не переставал все время, что я был рядом. А трясло его так, что все звенело — и зубы, и глаза, и волосы. Минут сорок он убеждал меня, что ни в чем не виноват, что его обманули... В общем, история запутанная, и я не все в ней понял. Отец Фрашона служил лаборантом в известном фармацевтическом концерне Прайса. Сын хозяина концерна после поездки в Азию — не то в Японию, не то куда-то еще — привез эту картину, которая на самом деле зашифрованный рецепт какого-то снадобья, придающего живому организму сверхъестественные свойства. Ему удалось расшифровать рецепт и приготовить снадобье. А потом произошло несчастье: во время землетрясения склянка разбилась и зелье брызнуло в лицо экспериментатору. С ним начали твориться невероятные вещи. По городу поползли слухи. Однажды отца Фрашона, подпояс в баре, «разговорили», и он выдал тайну. В тот же вечер гангстеры заставили его провести их в лабораторию и взяли картину, а старика убили. Это произошло в Пассадене, а три месяца спустя картина

обнаружилась во Фриско у Лу Синя. И тогда к Фрашону явился некий респектабельный мистер и предложил большую сумму за небольшой маскарад. Разумеется, он ни словом не обмолвился о том, что на самом деле представляет собой картина, но Фрашон это и сам знал от отца. И даже строил далеко идущие планы, поскольку окончил биологический факультет. Потому и согласился сыграть роль клерка. Этим его роль и ограничивалась: после заявления шерифу он должен был исчезнуть. Ему уже и билет приготовили в Пассадену. Только он решил сыграть еще и самостоятельную роль и погался. И был уверен, что это ему даром не пройдет. Вот что он мне рассказал, честно предупредив, что эта тайна убивает.

— Поэтому ты столько лет и молчал?

— Если бы я был таким умным! Но разве репортер имеет право молчать? Я пошел по следам тех, кто травил Фрашона сыграть эту комедию. И вышел на самого хозяина картины мистера Генри А. Прайса. Ты знаешь, Керти, я не робкого десятка, во Вьетнаме не сгибался под пулями, но Прайса я испугался. Вид у него страшный. А характер еще страшней. Вместо того чтобы дать мне интервью, он начал швырять в меня стулья. Естественно, мне это не понравилось. Кончилось тем, что мы подрались. Он меня одолел и спустил с лестницы. А потом началась охота...

— На тебя?

— Разумеется. Эта организация действовала четко. Пока я добрался до мебелирашек, где жил, на меня дважды нападали, один раз с ножом, другой — с пистолетом. Чудо, что оба раза я увернулся. Зато понял: пора смыться. В чем был, потому что в комнате меня наверняка ждали.

— Рад, что тебе удалось удрать.

— Но не раньше, чем я описал всю эту пакостную историю. Двинув в зубы парню с пистолетом, я вскочил в такси и кинулся в порт. Там меня никак не могли до-

стать, потому что я знал все закуски. И, сидя на земле между контейнерами, я написал репортаж. Его опубликовали на следующий день, но я уехал из Фриско еще раньше. Даже гонорар не успел получить, о чем до сих пор жалею.

— А Фрашон?

— По официальной версии, в ту же ночь он бежал из каталажки. Картина тоже исчезла. С тех пор прошло много лет, и я о них ничего не слышал.

— А скажи-ка, Дик, — Кертис откинулся на спинку кресла и вытянул ноги, что для него было совсем уж вольной позой. — Этот Фрашон ничего не говорил о кладбище скелетов и о стрелах, зажигающих черные пальмы?

— Об этом ему упоминал отец со слов хозяина: что-то такое он расшифровал в картине. Но то ли не до конца, то ли не захотел всего открывать лаборанту. В общем, с этим пока полная неясность.

— Такая же, как с Таникавой, — усмехнулся Оливер. — Сегодня принесли первые анализы.

— Ну и что? — Дик так и подался вперед.

— Ничего. Все в норме. А между тем он стал совсем другим человеком.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Другим человеком. Его организм теперь живет по другим законам, только мы еще не знаем — каким.

— Конкретнее, Кerti, конкретнее.

Оливер пожал плечами.

— Трудно сказать. Возможно, он стал бессмертным. Нет, я не шучу, Дик, и учти: это все — не для печати. Я читал твой репортаж из Японии, где ты упоминал о его пониженной чувствительности к боли. А теперь мы обнаружили, что его невозможно ранить. Легкий порез у него затягивается без следа за полторы минуты, серьезная рана — за полчаса.

— А голову ему оттяпать вы не догадались?

— Не считай нас за идиотов, — Кертис криво усмехнулся. — Мы и не думали его резать. Просто он повесился в своей камере...

— Как?!

— Традиционным способом: разорвал простыню на полосы и скрутил веревку. И висел несколько часов. А когда его вынули из петли — ожил. В противном случае зачем бы мы сюда прилетели?

Дик залпом осушил свой бокал.

— Теперь я понимаю, почему в вашей команде ребята из ЦРУ, — задумчиво протянул он. Кертис не ответил. Он поднялся с кресла и зашагал по комнате, задерживаясь у окна и вглядываясь в тревожную душную ночь. Но даже в волнении он не потерял своей элегантной осанки. И Дик с завистью подумал, что есть же люди, которые рождаются готовыми аристократами. Воспитывать их не надо: это у них в крови. Наверное, Джейн не ускользнула бы от Кертиса среди ночи. А вот его учи не учи — плебейские замашки не вытравишь.

— У нас не только ЦРУ — еще и Пентагон, — ровным голосом сказал Кертис, останавливаясь у окна и не поворачиваясь к Дику. — Солдаты, которых нельзя убить... Они это быстренько сообразили. И готовы были выстрелить Таникаве в сердце, чтобы проверить его возможности. А теперь эта задача поставлена перед нами: определить степень жизнедеятельности важнейших органов этого несчастного японца. Затем приготовить сыворотку из его крови и... Ну, сам понимаешь. Полковники представляют себе все просто: выстроил роту, впрыснул сыворотку — и в бой, ребята! А потом эти ребята демобилизуются, женятся, дети пойдут... Какими они будут? Я сегодня заикнулся было об этом на совещании, меня тут же оборвали. Сказали, что это проблемы другого ведомства.

— Таникаву не собираются перевозить в Штаты?

Кертис покачал головой.

— Не знаю, Дик. Нас в такие секреты не посвяща-

ют. Очевидно, существуют трения с местными властями: все-таки по международным законам Таникава принадлежит Филиппинам. Считается, что мы ведем совместные исследования, к нашей группе прикрепили двоих здешних биологов. Но парни из ЦРУ уже на другой день отбили у них охоту работать с нами. Знаешь, эта холодная безразличная вежливость, от которой за милою несет расизмом? Так что филиппинцы больше к нам не приходят. Сейчас мы ждем прибытия специальной цистерны с фарфоровой футеровкой и антирадиационных скафандров. Их уже доставили в Манилу. Предполагается откачать всю синюю лужу в цистерну и передать ее в специально созданную лабораторию, где все мы отныне будем работать. И ни один из этих болванов не понимает, какая угроза нависла над человечеством.

В дверь коротко стукнули, и она тут же распахнулась. На пороге стоял лихой сержант Вестуэй.

— Мистер Оливер, приказ командования: всем членам спецгруппы вернуться на базу. Переходим на казарменное положение... Ба, кого я вижу! — притворно изумился он. — Мистер Браун! Читал, читал ваш опус.

«Сукин сын, — подумал Дик. — Слово ведь какое знает — опус! Сам лично приехал за Кертисом, знал, что увидит меня здесь».

Он решил сыграть в открытую: хитрить с сержантом было бесполезно.

— Бросьте, Вестуэй, — стараясь набрать как можно больше теплоты в голосе, сказал он. — Вы отлично знали, что я здесь. И я, кстати, рад вас видеть. А признайтесь, я ведь точно выполнил наш договор.

— Что правда, то правда, — ухмыльнулся сержант, принимая предложенный ему бокал. — Только радости мне от этого было мало: начальство устроило разнос по первому разряду за то, что взял вас с собой. Ну, да это дело прошлое. А в настоящем, мистер борзописец, советую не приближаться к воротам базы ближе чем на полмили. Был сегодня такой разговорчик о вашей персоне...

Вот зачем он пришел, догадался Дик. Молодец сержант!

Вестуэй на одном дыхании втянул в себя содержимое бокала и дал знак Кертису.

— Пора, мистер Оливер. До двадцати трех ноль-ноль все должны находиться в отведенных для них помещениях. Завтра прибывает известное вам снаряжение, а послезавтра в семь утра — вылет. Пойдем двумя транспортными вертолетами. Посадка в машины — по документам. Предварительно вертолеты будут тщательно осмотрены: нагнали некоторые журналисты страху... Между прочим, — он метнул взгляд в Дика, — если через час вылететь гражданским вертолетом, можно попасть на ночной самолет в Манилу.

— Спасибо, сержант, — холодно сказал Дик. — Но я предпочитаю остаться.

12

Козырнув, Вестуэй вышел, пропустив вперед Кертиса. У Дика сделалось нехорошо на душе. Он подошел к окну, лег животом на подоконник. Выпитое виски слегка мутило голову. Вот Кертис и сержант вышли из подъезда, сели в большой армейский автомобиль. Взревев, машина рванулась и исчезла за углом, только ослепительно мигнули в последний раз задние фонари. И вместе с машиной исчезла последняя надежда добыть информацию, годную для печати. Кертиса с базы не выпустят, а потом, после экспедиции за синей жидкостью, наверняка сразу же отправят в Штаты.

Но дело было не только в информации. Что-то нехорошее затевалось там, за высоким железобетонным забором. Настолько нехорошее, что это скрывали даже от ученых, участвующих в работе группы. Это ведь только Кертис, закопавшийся в своих пробирках, мог поверить в тупость пентагоновцев, считавших будто бы, что достаточно ввести сыворотку в солдат и они станут неуязви-

мыми. Ловко они внушили большеголовым такое представление о себе! У каждого из этих парней наверняка за плечами Вест-Пойнт *, а возможно еще и университет. Таким отлично известно, как проводятся научные исследования. А значит, Кертиса и прочих ученых недоумков ведут на веревочке профессионалы высокого класса. И дело, которое они затевают, такого рода, что о нем нельзя сказать даже непосредственным исполнителям.

А ведь догадаться, что это за дело, — не так уж и трудно. Оно началось еще в отряде Сиро Исии, где служил Като. Только его одного из всей банды научных преступников решено было сберечь для будущей Японии, остальных предоставили собственной судьбе. И на это были серьезные причины. В то время, как генерал Исии и его подонки готовили бактериологическую войну, Като разрабатывал более перспективное направление — искал препараты, способные полностью менять личность человека, программировать его поведение. Иными словами, речь шла о создании живых биороботов. Като перепробовал на пленных все известные ему психотропные вещества, но успеха не добился: лекарства оказались слабыми.

Препарат нужной силы появился лишь в конце войны, когда один швейцарский химик создал психодислептик ЛСД. И в 50-е годы ЦРУ привлекло большую группу ученых, чтобы найти надежные методы воздействия на психику человека, отключить самоконтроль, заставить его действовать согласно приказу со стороны. В лабораториях научно-технического управления ЦРУ шел поиск препаратов для создания так называемого «маньчжурского кандидата» — агента, который, не раздумывая, выполнил бы любое задание, вплоть до убийства ребенка. Для этого использовался метод дифференциальной амнезии — «промывания мозгов» до такого со-

* Вест-Пойнт — военная академия США.

стояния, когда человек полностью терял волю и покорно выполнял любые, самые невероятные команды. Однако эксперимент провалился: человеческая психика оказалась сильнее наркотика. Мозг призывал на помощь все свои резервы, чтобы не потерять контроль над организмом, не дать чужой воле нарушить тончайшие цепи управления. Тем не менее исследователи продолжали считать, что цель достижима — загвоздка лишь в препарате особой мощи. И его продолжали искать.

Когда комиссии, возглавляемые сенаторами Рокфеллером и Черчем, предали гласности эти работы, поднялся большой шум. Престижу ЦРУ был нанесен сокрушительный удар. А тут еще гибель от ЛСД Франка Олсона и Харольда Блауэра. Олсон, потеряв всякое представление о реальности, выбросился из окна в Нью-Йорке, а Блауэр погиб из-за передозировки ЛСД. Теперь в ЦРУ возлагают надежды на синюю жидкость — это ясно. Только цель этой конторы наверняка не ограничивается созданием «маньчжурского агента» — синяя жидкость дает гораздо более страшные возможности. И эту цель цезерушикам не скрыть.

За долгие годы работы в журналистике у Брауна выработалась безошибочная интуиция на опасные секреты — так он называл действия, подготавливаемые тайно и угрожающие благополучию ничего не подозревающих людей. Неважно, были ли это исследования в русле бактериологической войны, подготовка к свержению правительств развивающихся стран или крупные махинации биржевиков, несущие разорение мелким держателям акций. Браун придерживался парадоксальной теории: секретов вообще не существует. Разумеется, не существует для профессионала. В любой крупной акции, в любом масштабном исследовании участвуют десятки и сотни людей. И каждый человек — манерой ли поведения, изменением ли образа жизни, тысячами мельчайших нюансов — приоткрывает краешек завесы перед внимательным и опытным наблюдателем. Собери эту мо-

заик, проанализируй каждый осколок, найди ему место среди других — и картина готова. Недаром одна из действенных форм экономической разведки — постоянное изучение газет интересующей тебя страны. Ни одна цензура не в состоянии отфильтровать поток мелких, на первый взгляд незначительных фактов, отдельных фраз в тексте, в которые журналисты, сами о том не ведая, вкладывают ценнейшую информацию. Критическая заметка в одной из социалистических газет о непоставке в срок оборудования строящегося завода тяжелых кранов для монтажа атомных электростанций, опубликованная накануне торговых переговоров, позволила фирме неимоверно вздуть цену на лицензию. Партнер не без основания заподозрил утечку информации. Но откуда ему было знать, что информация утекала открыто — миллионными тиражами?

То, что готовилось сейчас в казармах базы, можно было сравнить лишь с Лос-Аламосом. Надо было погнать сотням тысяч людей в пламени ядовитого гриба, чтобы заработали атомные электростанции, гарантируя избавление от энергетического голода. Теперь, после беседы с Оливером, Дик, сам биолог по образованию, абсолютно точно знал: синяя жидкость дает человечеству избавление от голода гораздо более страшного — белкового. Направленная селекция сельскохозяйственных растений и животных — это сразу ухватил босс, об этом же думали и ученые. Но политики и военные вновь захватили исследования в свои руки. А это значит, что сначала могут погибнуть уже не сотни тысяч, а сотни миллионов людей. Причем их смерть окажется еще страшнее — не будет сопровождаться ни взрывом, ни ударной волной, ни даже физическим уничтожением. И тем не менее они погибнут. Перерожденный человек — это не человек. Это совсем новое существо, для которого наша цивилизация может оказаться неудобной, как костюм с чужого плеча. И он начнет перекраивать цивилизацию под себя... Послезавтрашняя экспе-

диция может решить очень многое, если не все. А он бессилен в нее попасть, чтобы рассказать, предупредить людей.

Дику стало невмоготу в номере. Он предвидел бессонную ночь. Может быть, прогулка успокоит расхоловшиеся нервы. Накинув на плечи пиджак и зажав в зубах дымящуюся трубку, он вышел на улицу.

Здесь веял легкий ветерок, но и он был горячим. Однако духоту уносил. Да, это тебе не Багио, усмехнулся Дик. Почему судьба всегда распоряжается так, что место, где тебе хорошо, — как мимолетная награда? Его всегда приходится покидать, так же как и людей... И тогда рвутся невидимые нити, больно отзываясь в сердце. Джейн... Они так хорошо летели в самолете. Болтали о пустяках, потому что она ловко уходила от серьезного разговора и ни за что не хотела говорить, почему летит с ним, потягивали коньяк и кофе, курили, поочередно затягиваясь одной сигаретой, как влюбленные школьники. И потом, когда пересели в вертолет, чтобы добраться до этого богом забытого городишки, было все хорошо. А когда Дик вслед за ней спустился с вертолета на землю, перед ним вдруг вырос на удивление толстый филиппинец. Дик налетел на него, и тот долго и причудливо извинялся, преграждая дорогу. И когда отступил, наконец, в сторону, Джейн не было. Она будто растворилась в раскаленном ослепительным солнцем воздухе, искажающем все предметы. И вот уже вторую ночь Дик ищет ее. Ищет, впервые за много лет не решаясь признаться себе в самом сокровенном. Старею, подумал он. Последний всплеск эмоций. Говорят, он самый мучительный.

Багровая луна зловеще моргнула в разрыве туч над низкими крышами, края которых загибались кверху, как поля старинных шляп. Городишко был маленький, сугубо захолустный, утопающий в садах. Военная база вдохнула в него новую жизнь. Появились две гостиницы, на узкие улицы, освещаемые по ночам ядовито-желтыми

ртутными лампами, лег асфальт. Днем здесь шатаются черноволосые, узкоглазые и толстогубые парни и девушки, воткнув в уши наконечники плейеров и старательно копируя своих заокеанских сверстников. Но сейчас улицы были пусты.

Дик дошел до перекрестка. Метрах в двухстах налево мрачно горбилась железобетонная ограда базы. Направо, примерно на том же расстоянии, полыхали неоновые огни бара. Там музыка, женщины, может быть, Джейн... Он выколотил трубку, сунул ее в карман и повернул налево.

База стояла на берегу, и самолеты заходили на посадку с океана. Как раз сейчас, ошестинившись огнями, с оглушительным ревом скользил по глиссаде бомбардировщик, похожий на доисторического летающего ящера. И Дик поймал себя на мысли, что под этот шум можно было бы попытаться перемахнуть через ограду. Он усмехнулся: раньше он ни минуты не колебался бы, а сейчас... Годы не те, да и что это даст? Все равно он не попадет в вертолет. И до Таникавы не доберется, а прямым ходом угодит в кутузку. А дальше — высылка под конвоем в Штаты, судебный процесс, приговор... И никакой надежды снова увидеть Джейн. Нет, будем уповать на Кертиса. Но когда теперь удастся с ним поговорить? Время-то уйдет. А необходимо сейчас, в ближайшие дни, дать репортаж в газету. Но для этого надо попасть на место действия — к черным пальмам, куда он уже летал с бравым сержантом. Только где это? Он тогда даже не удосужился по солнцу определить направление. Хотя что это ему сейчас бы дало? Ну, предположим, нанял бы он вертолет на гражданском аэродроме... Стоп! А это идея. Можно ведь идти за лидером, час отлета сержант сообщил. И про гражданский вертолет упомянул. Было у него, значит, что-то на уме. Возможно, крепко обиделся на полковника Стивена. И правильно обиделся: негоже так кричать на старого служаку. Нет, совсем не зря сказал сержант про самолет на Ма-

нилу: понимал, что Дик не улетит. С местного гражданского аэродрома большие самолеты не поднимаются: нет бетонных полос. Они за сто миль — в другом городе. И до них добираются отсюда вертолетом. Куда ни кинь — везде вертолет. Молодец сержант! Но как осуществить эту идею? Внезапно Дика осенило. Чертыхнувшись, он почти бегом направился обратно — к бару. Как же он упустил, что здесь, возле базы, должны постоянно ошиваться механики и другой обслуживающий персонал? А может, и пилоты, стремящиеся провести вечер в женском обществе. Ведь за ограду гражданских не пускают, а в военном баре никаких удовольствий, кроме выпивки, нет. А вдруг повезет и он натолкнется на того самого, знакомого по Вьетнаму пилота. Подполить его и выведать координаты...

Знакомого пилота в баре не было. И среди немногочисленных посетителей Дик не заметил ни одного в военной форме. Очевидно, всех свободных от дежурств не пустили сегодня в город. У Дика по спине прошел холодок, когда он подумал, что на казарменное положение переведена не только спецгруппа, но и вся база. Какое же значение придается послезавтрашней операции!

Этот бар не претендовал на первоклассный разряд. Стены, выложенные половинками бамбуковых стволов, искрились под тяжелой люстрой. Два вентилятора под потолком тихо шелестели крыльями, скорее разгоняя по помещению жару, чем навевая прохладу. Половина столиков была свободна. За остальными сидели филиппинцы, в основном пожилые. Женщин не было, одни мужчины. Ни шума, ни музыки — только тихая певучая речь да изредка слабый звон бокалов. У стойки никого, лишь одинокий бармен лениво перетирал кофейные чашечки. Дик уселся на высокий вращающийся табурет, заказал порцию чистой, без содовой.

Бармен, тучный, с отеком белесоватым лицом, на котором казались лишними редкие усики, будто демонстрировал пренебрежение к европейцу. Даже не застег-

нул белую плотняную куртку, с безучастным видом подтолкнул к нему бокал, чуть не расплескав содержимое, и, отойдя в другой конец стойки, принялся колдовать над шейкером. Дика удивило такое поведение. В любой стране мира бармены, наоборот, демонстрируют радушие, особенно когда клиентов явный дефицит. В конце концов приветливая улыбка — это такая же служебная форма бармена, как полотняная куртка. А здесь, похоже, еще не забыли антиамериканские выступления, хотя когда это было. Впрочем, мало ли от каких причин человек бывает не в духе.

Потягивая мелкими глотками виски и попыхивая трубкой, он впал в странную апатию. Судьба повернулась против него, и теперь ему было на все наплевать. Он выложился до конца, и если ничего не получилось — не его вина. А босс может катиться ко всем чертям.

Легкое прикосновение к плечу заставило его лениво повернуть голову. Перед ним стояла Джейн. Стояла как ни в чем ни бывало, очень изящная и красивая. В бордовом брючном костюме она казалась выше ростом. Ее черные волосы слабо шевелились под вентилятором, черные глаза улыбались. Дик, не шевелясь, разглядывал ее, и на его лицо против воли наползала глупо-радостная улыбка.

— Рада вас видеть, Ричард, — нараспев сказала она, впервые называя его по имени. — Надеюсь, вы предложите мне бокал дайквири?

Она села на соседний табурет, аккуратно поддернув брюки. А бармен уже торопливо протягивал ей бокал, улыбаясь до ушей, отчего усики его встали дыбом. Но Дик заметил, что пальцы, подававшие напиток, слегка дрожали.

Джейн взяла дайквири, поблагодарив кивком бармена, но пить не стала, а подумав, пошла к самому дальнему столику в углу, жестом пригласив Дика следовать за собой. Свет люстры почти не доходил сюда. Вынув из сумки пачку сигарет и подождав, пока Дик шелкнет за-

жигалкой, она начала неторопливо прихлебывать зеленую жидкость. Все это молча, не глядя на своего спутника. Она ждала, что он заговорит первым. Он усмехнулся про себя: этот прием в Европе хорошо известен. Нет, он не даст ей преимущество. Шестым чувством Дик ощутил, что сейчас перед ним другая Джейн — настоящая. И придется вести с ней трудную игру. Если он проиграет эту игру — потеряет Джейн.

Девушка это поняла. Глаза ее помрачнели. Сильно вдавив окуроч в пепельницу, она холодно сказала:

— Мне казалось, я заслужила некоторое внимание с вашей стороны, мистер Браун. Между тем, вы даже не поинтересовались, куда я пропала, сойдя с вертолета.

— Ошибаетесь, — в тон ей ответил Дик. — Я обошел все гостиницы этого города, благо их всего две. И ни в одной вас не оказалось.

— Такому опытному репортеру найти приезжего человека в маленьком городе ничего не стоит. Значит, вы просто не хотели.

Она вынуждает меня оправдываться, понял Дик. Когда человек оправдывается, он невольно чувствует себя виноватым и легче идет на уступки. А я оправдываться не буду. Но и нападать нельзя. Какую бы реплику я ни кинул, все будет ей на руку. И он промолчал. Джейн укоризненно взглянула на него.

— Не хотите мне помочь? Я была о вас лучшего мнения. Но все же вам придется первому открыть карты. Зачем вы сюда приехали?

Дик пожал плечами.

— Я репортер. Еду, куда пошлют. А здесь получил задание написать очередную басню о филиппинских хирургах.

— Не лгите! — ее темные глаза стали совсем черными, а крохотные светлые точки в глубине зрачков, отражавшиеся от люстры, придавали им угрожающее выражение. — Вы хотите пробраться в ту группу, что была вчера на базу. Но вам это не удастся. Да, да, мы

записали ваш разговор с мистером Оливером. Как видите, я полностью откровенна. Так дайте и вы честный ответ на честный вопрос: если вам дадут возможность узнать все, то напишете ли вы всю правду, только правду и ничего, кроме правды, даже если это будет угрожать вашему благополучию, а может, и жизни?

Она знала, как задеть за живое. Кроме того, это ведь была Джейн — неуловимая, близкая и далекая, полная нежности и силы. Надо было делать выбор — окончательный и бесповоротный. И Дик был к этому готов.

— Только правду, — сказал он.

Глаза девушки потеплели. Она откинулась на плетеную спинку стула, с облегчением закурила.

— Я рада, Ричард. В противном случае мы с вами никогда бы больше не увиделись. А теперь слушайте...

Но договорить ей не удалось. Дверь шумно хлопнула, и в бар, громыхая грубыми ботинками, ввалился высокий широкоплечий парень в солдатской куртке и с увесистым рюкзаком за плечами. Сбросив рюкзак, прогрохотавший, словно вязанка дров, он прямо с порога крикнул бармену:

— Двойное шотландское без содовой. Давай, приятель, шевелись!

Дик ахнул от изумления: это был Юджин Бедворт. И невольно откинулся к стене, пряча лицо в тени. Джейн мгновенно зафиксировала это движение.

— Знакомый? — спросила она, пристально глядя ему в глаза.

— Тот самый парень, с которым мы писали о Таникаве.

— А, Бедворт, счастливчик! — загадочно протянула она. — Мы потеряли его след. Как вы считаете, можно ему довериться?

— Нет, — отрезал Дик. — Он будет писать то, что посчитает выгодным.

— Жаль. Свидетельство двух человек было бы весо-

мее. Тем более что, очевидно, он не просто так сюда прилетел. Да сидите вы спокойно, не дергайтесь, — вдруг шепотом прикрикнула она.

— Мне не хотелось бы попадаться ему на глаза, — кротко ответил Дик.

— Напрасно. Я думаю, вам стоит заговорить с ним и выяснить его планы. Впрочем, я и так догадываюсь. Вы не обратили внимания на звук, с каким упал на пол его рюкзак?

— Обратил. Впечатление такое, будто он набит кирпичами.

— Не дурите, Ричард. В шуме я расслышала певучую ноту. Так отзывается на удар фарфор. У меня великолепный слух, да, кроме того, я имею медицинское образование и в свое время немало поработала в лаборатории. А фарфор — лучший материал для хранения агрессивных жидкостей. Он даже не сумел как следует уложить рюкзак... Уверю вас, этот камикадзе хочет взять пробы синей жидкости, так же как экспедиция вашего друга Оливера. Вопрос вот в чем: стоит ли спасать этого человека или предоставить его собственной участи? А она может быть незавидной.

Дик смотрел на девушку, и ему не хотелось верить собственным глазам. Больно и обидно было видеть такую Джейн: будто высеченную из мрамора, холодную и деловитую, готовую с одинаковым равнодушием подтолкнуть в любую сторону стрелку весов, на которых колеблется жизнь и смерть человека. И Джейн с ее обостренной чувствительностью мгновенно уловила его состояние. Взгляд ее стал колючим.

— Мистер Браун, я чувствую, что вы не совсем понимаете, в какую игру ввязались. Ваш друг Оливер уже сказал, что речь идет о жизни сотен миллионов людей. Какое значение по сравнению с этим имеет существование одного человека? Вам ведь придется не только писать правду. Сначала предстоит драться за нее, а потом выжить, чтобы иметь возможность напи-

сать. Именно про это я и хотела вам рассказать. Правда, я намеревалась изложить все подробно, но сейчас для этого уже нет времени. Отложим наш разговор на потом. А сейчас идите и постарайтесь, если хотите, спасти жизнь этому молодому идиоту. Уговорите его улететь отсюда первым же рейсом. Хотя, как мне кажется, эта затея безнадежна.

Если Дик был изумлен, увидев Бедворта, то тот чуть не упал со стула, когда недавний соавтор, подойдя сзади, сильно хлопнул его по плечу.

— Судьба упорно сводит нас, Юджин, — сказал Дик максимально доброжелательным тоном, садясь на соседний стул. — Какого черта вы ищете в этом захолюстье?

«Главное — это наступать, — думал он. — Не дать ему опомниться хотя бы в первые полторы минуты. Но если он спросит, что я здесь делаю, я, наверное, не найду, что сказать».

— А вы-то сами что здесь потеряли? — спросил Бедворт.

«Он хваткий парень, — огорченно подумал Дик. — Хоть и растерян, но сумел протянуть время на единственно годном для этого вопросе. И очень быстро приходит в себя. Вот он уже весь подобрался и смотрит на меня, как биржевой маклер на табло во время краха. Теперь кто кого ловчее обведет вокруг пальца».

— Гоняюсь за одним фокусником, — сочинил на ходу Дик. — После той истории с Таникавой я было смылся в Японию. Побывал в деревне, где он родился, поговорил с его отцом, братом. Но материал был опубликован с большими купюрами. А потом меня вдруг снова загнали к хилерам. Приказали отыскать настоящего, которому можно верить. А такие остались только в деревнях да в маленьких городишках вроде этого. Вот я и прилетел сюда. Говорят, живет здесь кудесник, даже рак лечит. Завтра пойду к нему.

«Я почти не соврал, — думал Дик. — По крайней

мере, про Японию — все правда. Если он знает что-либо про меня, он поверит. А теперь его черед отвечать».

— Я знаю, Браун, — усмехнулся Бедворт. — В Японии я шел по вашим следам. И представьте, мой материал тоже пошел с купюрами, и меня, вот совпадение, также бросили на хилеров. Давайте завтра вместе пойдем к этому лекарю.

— Конечно, пойдем, — согласился Дик, понимая, что Бедворт ему не верит и даже не считает нужным это скрывать. Он неприятно изменился за эти несколько недель. Лицо потеряло юношескую расплывчатость, резко обозначились скулы, в углах рта залегли жесткие складки. Взгляд стал цепким, недоверчивым. Теперь у него был вид бизнесмена, начинающего карьеру с жестокой схватки с конкурентами.

Они выпили и жестом показали бармену, чтобы он налил еще.

— Так, может, пойдем в гостиницу? Я вижу, вы еще не устроились, — сказал Дик, кивая на рюкзак. Бедворт покачал головой, во взгляде его мелькнула усмешка.

— У меня есть адресок хорошей девочки. Так что встретимся утром. Если я забегу за вами в гостиницу часиков в девять, устроит?

— Устроит, — буркнул Дик. Говорить больше было не о чем. Бросив на стойку монету, он пожал руку Бедворту и вышел из бара. Джейн исчезла раньше. Дик шел в гостиницу, оглядая участки мостовой, на которые падали желтые пятна фонарей. Вот и гостиничный подъезд, освещенный люминесцентной вывеской. Джейн ждала его на скамейке.

— Ничего не получилось, — констатировала она без вопросительной интонации.

Дик молча покачал головой.

— Так я и думала. А у нас новости. Сегодня в город прибыла еще одна экспедиция. Откуда и кто они, мы пока не узнали. Остановились в частном доме и

утром выступают. Вы можете немного поспать, но в пять утра будьте на ногах. У подъезда остановится «лендровер» зеленого цвета. Водителя ни о чем не спрашивайте. Увидимся на месте.

Она мазнула его губами по щеке и растаяла в тени. Дик начал медленно подниматься в свой номер, даже не пытаясь унять тревогу. Он, как неумелый пловец, попавший в сильное течение, теперь барахтался, не в силах выбраться. Куда его принесет?

13

Уже через час подъема Дик почувствовал, что выдыхается. Сердце еще справлялось, но в боку будто застряла гигантская заноза, перед глазами вспыхивали радужные пятна, и между лопатками струились липкие ручьи. А ведь они прошли едва десятую часть до вершины. Дик потянул было трубку из кармана, но вздохнул и сунул ее обратно. Желание курить было обманчивым — просто организм искал привычные средства, чтобы войти в режим. А ведь Джейн еще у подножия предупредила, что подъем до первого привала — самая легкая часть пути.

Тут она была не права. Самая легкая часть оказалась до подножия. Ее они преодолели на «лендровере». Взяв Дика у гостиницы, машина рванулась из города. Водитель выбирал боковые, узкие, не заасфальтированные и местами не освещенные улицы. Два ярких веера от фар выхватывали из темноты то стену дома со слепыми окнами, то бамбуковую изгородь, то неясные силуэты, отступающие во мрак... Угрозой веяло от этих силуэтов. В каком-то кривом переулке машина притормозила, и в кабину молча прыгнули три фигуры, в одной из них Дик угадал Джейн. Четвертый быстро сунул им в ноги не то сверток, не то сумку, захлопнул за ними дверцу и махнул водителю. В блеснувшем из-за туч лунном луче Дик узнал вчерашнего бармена.

Смутно знакомым показалось ему и лицо человека, севшего рядом с водителем. Машина резко тронула, и Джейн мягко привалилась к нему. Третий спутник, у левой дверцы, старался занимать как можно меньше места. Плечи у него были словно каменные, и Дик невольно поджимался, когда на выражах его бросало к этому краю.

Несколько часов они мчались, как показалось Дику, совсем в другую сторону — с грохотом врывались в притихшие деревушки, поднимая черные клубы перепуганных птиц из фруктовых садов, заставляя спящих на илистых берегах буйволов тревожно поворачивать головы. А потом показалась гора. Дик угадал — совсем с другой стороны. Ее мохнатый склон был как лестница, круто упиравшаяся в небо. И вот уже длинный томительный час они карабкались по этому склону, а Джейн предупредила, что подъем будет долгим.

Только сейчас Дик разглядел своих спутников. Впереди шел пожилой филиппинец, лицо которого еще в машине показалось знакомым. Теперь Дик узнал его: человек, маскировавшийся под служащего гостиницы в Багио. Замыкал группу совсем молодой, очень смуглый парень, толстые губы которого то и дело раздвигались в жизнерадостной улыбке. Как большинство филиппинцев, он был невысок и худощав до хрупкости. Но именно о его стальные плечи Дик стучался в машине. И мужчины и Джейн были в одинаковых легких комбинезонах, белых рубашках с закатанными рукавами, на ногах — мягкие ботинки без каблучков. Дик чертыхнулся про себя: в своем городском костюме он выглядел здесь так же нелепо, как средневековый рыцарь в латах на современном дипломатическом рауте. Обливаясь потом, он сначала ослабил узел галстука, потом перекинул пиджак через руку и в конце концов стал серьезно думать, не переложить ли деньги и документы в задний карман брюк, а пиджак повесить на ближайший куст — пусть дожидается. «Интересно, окажись Кертис

в моем положении, расстегнул бы он хоть одну пуговицу», — подумал Дик, встряхивая пиджак за воротник и отыскивая глазами подходящую ветку. В этот момент веселый парнишка, поразнявшись с ним, молча потянул злополучный пиджак к себе. Дик поблагодарил его вымученной улыбкой.

Они шли без дороги, которой просто не было. Карбакались по крутому склону, продирались сквозь кустарник, хватаясь за жесткие, как рашпиль, ветки, когда ноги скользили по густой траве. «Пятьдесят лет, — думал Дик, — вот когда они сказываются. В твоём сознании годы останавливаются где-то на двадцати, и ты не замечаешь, как поддается времени, разрушается плоть. А значит, так же незаметно деформируется дух — приглушаются эмоции, сменяясь знанием жизни и точным расчетом, уходит главное качество, без которого нет журналиста: умение удивляться». Он упрямо мотнул головой. Невозможно при Джейн рухнуть на землю, признавая свое бессилие преодолеть барьер между своей молодостью и ее молодостью. Несколько раз он ловил ее взгляд — все понимающий, наполненный какой-то необыкновенной теплотой... И он переламывал себя, почти уже ничего не видя, сгибаясь чуть ли не пополам, и рухнул только тогда, когда идущий впереди пожилой — гораздо старше его — филиппинец, а за ним девушка устало опустили в траву. Пластмассовый стаканчик с крепким кофе, заботливо поднесенный Джейн, помог ему восстановить дыхание.

Дик взглянул на нее, и ему сразу стало легче: она тоже выбилась из сил. Тяжело дышал и старый филиппинец. Лишь самый молодой участник группы, казалось, совершенно не ощущал тяжести подъема. Он легко расхаживал среди кустов, трогал ветки, срывал какие-то мелкие желтые цветы и нюхал их, растерев в ладонях. Дик лег на траву, снизу посмотрел вдоль круто упирающегося в солнце склона, и его передернуло.

— Неужели здесь нет ни одной тропинки? — Он не

сумел скрыть раздражения в голосе и пожалел об этом.

Джейн молча пожала плечами и отвернулась, оскорбленная его тоном. Парень заулыбался еще шире, а старик поднял голову, и в глазах его засветились печаль и легкий укор. После долгого молчания он сказал:

— Да, эта сторона крутая, но только здесь могут пройти те, кто жаждет приобщиться. Тропа есть на другом, пологом склоне. Только ведет она к разочарованию и смерти. И по ней сейчас поднимается ваш вчерашний приятель...

14

Филиппинец ошибся. Юджин Бедворт в этот момент не поднимался — тоже отдыхал. Подложив под голову рюкзак и скинув тяжелые башмаки, он растянулся на траве, покуривая сигарету и с наслаждением подставляя ветерку разгоряченные щеки. Затылком он ощущал твердый бок фарфорового контейнера с притертой пробкой и с огорчением думал, что так и не сумел как следует уложить рюкзак после Манилы: термос с кофе постоянно стучался о контейнер. Ничего, фарфор выдержит. Когда он наполнится синей жидкостью, нелегко будет тащить такой груз. Но ведь своя ноша не тянет, а миллион и должен весить...

Юджин усмехнулся, представив, как этот простофиля Браун ерзает сейчас в номере, нетерпеливо посматривая на часы. Впрочем, наверное, уже не посматривает — догадался. Уж эти мне старики — асы репортажа! Все их легендарные подвиги, по сути, — скольжение на гребне научно-технического прогресса. Кто первым узнает новость, кто первым передаст ее в редакцию... В конце восемнадцатого века репортер вскакивал в шарбан и бешено нахлестывал лошадь, рискуя опроки-

нуться на ухабистой дороге. Во второй половине девятнадцатого он бежал по крышам вагонов к паровозу, прыгивал в тендер и помогал кочегару швырять уголь в топку — тогда еще прогресс на транспорте обходился без строгого расписания. В конце того же девятнадцатого он уже нанимал экстренный поезд, следовавший вообще вне расписания. В двадцатом — реактивный самолет, чтобы за сутки покрыть половину земного шара и успеть к месту события. Техника, только техника! Никто так наглядно не доказывал преимущества научно-технического прогресса, как газетчики. Забросить в окно невинный с виду шарик и спокойно покуривать в сквере, записывая разговор. Купить время спутника связи за счет редакции, разумеется, чтобы передать сообщение в экстренный номер... Что они без техники, суммирующей гениальные откровения человечества за всю историю цивилизации! Вот и Браун наверняка мечется сейчас по городу в поисках вертолета. И одно его успокаивает: никто не нанимал сегодня машины на гражданском аэродроме, а значит, соперник еще в городе. Хилер, излечивающий рак... Бедворт хохотал про себя, слушая эту басню. Браун, как и он, пришел за синей жидкостью, только идиот может сомневаться в этом. Интересно, кто его нанял? Или действует на свой страх и риск? Но ему и в голову не приходит, что соперник может вот так, просто пешком, с рюкзаком за плечами опередить всех. А раз не приходит в голову ему, то не придет и тем фанатикам, которые охраняют свое сокровище. Правда, этот способ имеет и свои недостатки: невозможно одолеть такую гору с сорокакилограммовым рюкзаком, который навязал ему страшный толстяк. И Юджин без сожаления расстался в Маниле и с антирадиационным скафандром, и с маской, и с баллонами. Но ничего, один совет он обязательно выполнит — подойдет к луже с наветренной стороны. И это надо сделать сегодня, до захода солнца, чтобы успеть убраться на безопасное расстояние.

Бедворт резко сел, натянул ботинки и рывком бросил рюкзак за спину. Ему предстоит шагать еще часов десять и все в гору. А сумерки здесь ранние...

Второй переход дался легче: ступни после короткого отдыха приноровились выворачиваться в непривычное для горожанина положение. Джейн не посчитала нужным представить своих спутников, и Дик называл их про себя Старик и Юнец, хотя к пожилому вряд ли пристала такая кличка. Он оказался на удивление выносливым и по-прежнему шел впереди, поднимая руки над головой, словно ныряльщик, когда кустарник становился особенно густым. Полоса его тянулась еще примерно на полмили вверх, а дальше по склону вился узкий дубовый пояс. «Так и дышать будет легче», — подумал Дик. Он только теперь обратил внимание, что они идут без всякого багажа. Лишь у Юнца болталась на длинном ремешке синяя адидасовская сумка, раздувшаяся, как бочонок, — та самая, что бросил бармен в «лендровер». Из полурасстегнутой «молнии» высовывались горлышки двух термосов.

— На двое суток еды хватит, а больше мы не выдержимся, — коротко объяснила Джейн.

— А ты не боишься, что мы растворимся в скале, как Като? — пустил Дик пробный шар. Он уже понял, что европейскую стремительную манеру выяснять отношения здесь придется сменить на неторопливую азиатскую хитрость.

Джейн не ответила. Ответил Старик, который весь второй переход не раскрывал рта. Не то они заранее сговорились, не то Джейн не хотела брать на себя ответственность, когда разговор касался цели, куда они направлялись.

— Нам ничего не грозит, — неторопливо произнес Старик. — Мы подойдем к храму с наветренной сторо-

ны и с чистой душой. В это время года на вершине дуют сильные ветры, и здесь — единственный путь.

Дик открыл было рот... и снова сомкнул губы. Невозможно было задать вопрос, который все это утро вертелся у него на языке и на который ему упорно не давали ответа. Может быть, потому, что после этого ответа возвращение в привычный мир станет для него недостижимым? Но он и так уже зашел слишком далеко — и в прямом и в переносном смысле. Карабкаться и дальше в неизвестность — просто унижительно.

Джейн испытующе поглядела на него и, казалось, поняла, что сейчас он взорвется. Она вообще удивительно понимала его настроения, эта странная девушка с европейской внешностью и азиатской душой. Понял и Старик. Разлепив спекшиеся губы, он ответил — коротко и невразумительно.

— Ты хочешь знать, зачем мы идем к храму. Ты должен знать. Мы идем спасти мир. Нашу страну, твою страну, всю землю. Мы идем, чтобы спрятать сокровище для потомков, которые, может быть, сумеют им достойно воспользоваться. А ты расскажешь об этом всю правду.

Дик пожал плечами. Ему опять не доверяли. Или это просто такая манера выражаться? Но в любом случае если от него ждут услуги, могли бы по крайней мере популярно объяснить, в чем она заключается. Джейн тронула его за рукав.

— Не надо обижаться, Ричард. Я еще вчера хотела рассказать, но нам помешали. Видишь ли, дело в том... Ой, что это?

Со стороны города послышался гул, совершенно неуместный среди этой дикой, затаившейся природы. Будто огромный самосвал опрокидывал на ходу полный кузов булыжников. Гул стремительно нарастал, пригибая людей к земле. По кустам пробежала тревожная зыбь, трава кругами металась на открытых местах. Потом из-за гребня вырвался вертолет. Он прошел совсем ря-

дом, едва не задевая деревья, и люди невольно пригнулись, провожая его тревожными взглядами.

— Они успеют раньше нас, — с досадой сказала Джейн.

— Им надо еще найти храм, — возразил Старик. — А это легче сделать снизу, чем сверху. Но и тогда вершина не примет их.

— Но они летят нашим путем. Как они узнали?

— Это неважно. Они вступят в храм как завоеватели, а покинут его в панике, как побежденные. И побежденных будет меньше, чем завоевателей...

Дик напряженно вслушивался в этот разговор, в котором уже начал кое-что понимать. Джейн решительно повернулась к нему.

— Видишь ли, Ричард, эти люди жаждут одного...

16

Эти люди жаждали могущества. И были уверены в успехе, как бывали уверены в успехе любого предприятия, которое затевали. Лишь Том Клаузен знал, чем кончится эта бешеная гонка — сначала на яхте до крошечной рыбацкой гавани. К причалу их по мелководью доставляли на шлюпках. Здесь ждал могучий «кадиллак». Сверкающий вишневым лаком, он был совершенно неуместен среди растянутых на шестах мокрых сетей и приземистых, почерневших от соленых ветров хижинок. Затем была ночь бешеной езды по незнакомым дорогам, когда виден лишь слепящий ореол за передним стеклом и кажется, что проваливаешься в бесконечность, из которой нет выхода. Утром грязный, остро пахнущий бензином и пылью автомобиль доставил их в аэропорт. Какие-то парни в модных куртках грубо тащили их, одеревеневших после долгой езды, к трапу, в то время как дикторша объявляла, что посадка закончена.

Первое, что увидели они в самолете, рухнув в кресла, была перекошенная от ярости физиономия Бедвор-

та. Он долго еще шипел и брызгал слюной, проклиная их за то, что они чуть не опоздали, а они уже спали, выпив после взлета по рюмочке коньяку, заплатить за который пришлось тому же Бедворту. Шесть часов в воздухе — и все это время голова Мэри покоилась на плече Тома. Затем короткая ночь в странном бамбуковом доме, хозяева которого так и не показались, лишь изредка за стеной слышались их шелестящие шаги. А утром снова рывок на автомобиле в душистую, поросшую незнакомыми цветами лощину, где их подобрал вертолет.

— Мистер Бедворт, скажите пилоту, чтобы взял вправо и подлетал к горе с другой стороны, — прокричал Том через двадцать минут полета.

Бедворт внимательно глянул на него и молча начал пробираться по узкому проходу между креслами. Из-за рева винтов Том не слышал, о чем они говорили. Видно было, что пилот спокойно возражал, а Бедворт энергично рубил ладонью воздух, настаивая на своем. Кончилось тем, что пилот сменил курс. Вернувшись на место, Бедворт наклонился к Тому:

— Ты уверен, парень, что дал дельный совет?

Том кивнул. Говорить ему не хотелось. Он отчетливо видел, как вскоре все произойдет — видения наплывали, словно клубы разноцветного дыма, проясняя все новые и новые жуткие детали, — и понимал, что бессилен что-либо изменить. Рок Кассандры преследовал его. Жалко было лишь Мэри, но Том знал, что она быстро успокоится. Дети живут не для родителей и уходят от них, когда рвется последняя ниточка взаимопонимания. Ну а мистер Грэй... Пусть будет счастлив, что сумеет уцелеть в предстоящей катавасии. Бедворт снова наклонился к его уху.

— Когда прибудем на место, тебе предстоит поработать. Это нетрудно, зато получишь столько долларов, что сможешь всю жизнь болтаться по кабакам.

Том снова кивнул. Не было смысла возражать, что

кабаки его больше не интересуют. Бедворт не поймет, почему он стал другим человеком. А деньги... Что ж, деньги у них с Мэри будут, только совсем не из того кармана. Он заглянул в стальные, с желтоватым оттенком глаза старого дельца и кивнул в третий раз.

17

...— Эти люди жаждут одного: денег. Много денег, — сказала Джейн. — Вслух они могут уверять, что стремятся облагодетельствовать человечество, дать ему изобилие пищи, или избавить от всех болезней, или учредить на земле золотой век. Они даже сами могут верить в то, что говорят. А на самом деле им нужны только деньги и их реальное воплощение в обществе — власть, возможность поставить себя над законами...

Теперь перед Диком была совсем новая Джейн. Слова ее отдавали горечью, и боль светилась в глазах. И он опять ничего не мог понять: кто его спутники, что они задумали, зачем взяли его с собой.

— И все это воплотилось для них сейчас в таинственной синей жидкости, упавшей с неба, как гласит легенда, — продолжала девушка. — Да, жидкость дарит могущество тому, кто сумеет ею воспользоваться. Но эти люди даже не подозревают о всех возможностях синей жидкости и мечтают получить от нее далеко не главное из того, что она может дать. И разумеется, никогда жидкость с неба не падала. Это нечаянный подарок человечеству — искусственное вещество, не имеющее аналогов в природе. А получил его совершенно случайно великий средневековый алхимик Лев Бен Бецалель. По преданию, достигнув необыкновенных успехов в магии, Бецалель до того возгордился, что счел себя равным богу. И вздумал создать свою породу людей, совершеннее божьих творений. И как господь вылепил из глины Адама, так и Бецалель сделал из того же мате-

риала Голема — богатыря, который, по замыслу мага, должен был быть избавлен от всех недостатков человека, сотворенного богом, — жадности, зависти, гордыни... Ну и всего прочего. Но сколько ни напрягал свои легкие Бецалель, какие бы заклятия не произносил, не мог он вдохнуть душу в глиняного истукана. И тогда чародей решил оживить его химическим путем. Дни и ночи варил он составы в своей мрачной лаборатории, на закопченных стенах которой плясали зловещие отблески горна. Его молчаливый помощник падал от усталости, качая мехи. Длинный ряд узкогорлых колб с желтыми, красными, зелеными, бесцветными жидкостями вытянулся на полках. Но сколько ни брызгал, выкрикивая заклинания, Бецалель на глиняную статую, она не оживала. Наконец признал маг свое поражение, слил все колбы в помойное ведро и велел помощнику выплеснуть его на улицу. А сам распростерся на каменном полу и громко начал просить прощения у бога, выше которого вознамерился стать. И не видел, что жидкость в ведре забурлила, вздулась пенистой шапкой и опала, став ярко-синей. Все это видел помощник. Пошатываясь от тяжести, потащил он ведро к выходу. Но возле Голема споткнулся о ногу распростертого чародея и выплеснул часть жидкости на глину. И статуя ожила. Много бед натворил Голем, избавленный не только от отрицательных, но и от положительных человеческих качеств. Не понял великий чародей, что и пороки и достоинства необходимы человеку, составляют суть его, тот сплав, который и есть душа. Предание уверяет: чтобы избавить человечество от Голема, пришлось вмешаться союзу девяти.

— Как же предание узнало все эти подробности? — спросил Дик, не глядя на Джейн. Сейчас она была ему ненавистна. У него даже скулы заломило от жгучего стыда: за какого же идиота она его принимает!

— Рассказал все тот самый молчаливый помощник, — серьезно ответила девушка. — Бецалель считал

его японцем и открыл многие тайны черной и белой магии. Может, его родители и на самом деле были японцами, но родом он отсюда, с Лубанга. И сюда же добрался после долгих приключений, привезя с собой бочонок синей жидкости. И тут произошло второе чудо. Вылитая в земляную ямку, жидкость начала увеличиваться, очевидно, за счет каких-то элементов почвы. Медленным был этот рост, но все же за сотни лет набралось достаточное количество волшебного вещества. Но помощник, разумеется, не мог этого знать, и, чтобы запасы жидкости не иссякли, еще в Европе написал картину, где зашифровал рецепт получения чудесного снадобья. Видишь ли, Ричард, в отличие от гениального, но нетерпеливого Бецалеля, помощник был средних способностей, зато очень пунктуален и вел лабораторный журнал. Его он тоже захватил с собой, когда разгневанный король Рудольф II выгнал мага из страны и разгромил лабораторию. И здесь этот ученик чародея, как он себя сам называл, создал в натуре все, что служило шифром в картине — построил храм, вращал тигра в дерево — он живет так уже несколько веков и погибнет за несколько дней до того, как дерево упадет, — создал летающую змею, поставил ловушки, пускающие стрелы, от которых загораются пальмы... Только они не загораются. Но самое чудесное не это. Еще зашифровывая рецепт в картине, он знал, что все создаст в натуре. И заранее скорбел от того, что должен обречь на мучения тигра, змею и многих других животных. Он знал, что это будут несовершенные творения, что его мастерства не хватит, чтобы довести их до совершенства. Так оно и получилось. Предание гласит, что угрызения совести и послужили причиной его преждевременной кончины.

— Ну а как же картина оказалась в Америке? — спросил Дик, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Девушка сделала вид, что не замечает его состояния.

— Картина осталась в Европе. И переходила из рук

в руки. Лишь несколько человек сумели расшифровать ее и использовать свойства синей жидкости. Предание донесло до нас два имени — графа Калиостро, которому жидкость подарила несколько веков жизни, и графа Дракулу.

— Но это же совершенно разные люди, — хмуро возразил Дик, решив пока что поддерживать эту игру. — Один авантюрист и, если верить легендам, чародей, но в общем-то безвредный парень. Другой — великий преступник, опять же, если верить легендам, вурдалак, которого сумели обезвредить, только проткнув осиновым колом.

— Такими их сделала синяя жидкость. Из всех ее чудесных свойств жадные, нетерпеливые или незнающие люди используют самое страшное — она исполняет одно желание человека. Только одно, зачастую даже не осознанное, но составляющее суть человека. И трансформирует организм под это желание... Не понял?

— Нет, не понял, — сказал Дик. — Что значит желание, составляющее суть человека?

— Ну, скажем, Като, которого поглотила скала. Какая главная черта его души? Страх. Он был в отряде генерала Сиро Исии, совершал преступления против человечества. А все преступники живут страхом. Боязнью расплаты. Главное его желание — скрыться от людей. Синяя жидкость удовлетворила это желание, наградив способностью растворяться в камне. Теперь его никто не найдет.

— Но Таникава тоже преступник. Однако он получил в дар совсем уж сказочное свойство. Да вы же знаете, записали наш разговор с Оливером.

— Таникава не преступник. Он темный, неграмотный человек, сбитый с толку пропагандой и не ведающий, что творит. А что касается его дара... — Джейн в затруднении оглянулась на Старика. — Я не знаю. Очевидно, в его характере было что-то такое...

— Таникава крестьянин, и этим все сказано, —

усмехнулся тот. — А главная черта крестьянина — бережное отношение к добру. Сорок лет Таникава скитался в джунглях, сорок лет потерял напрасно. А что дороже времени? Вот синяя жидкость и возвращает ему эту самую большую драгоценность. Сейчас Таникава живет вне времени. Вернее, в своем времени, наверстывая упущенное. А в ином времени тело недоступно ни пуле, ни ножу, ни веревке.

— А как же тогда легенды? — спросил Дик. — Те самые, что рассказывают о людях, ушедших в гору?

— А разве мало на земле трусов с мелкой злобой душой, рвущихся к волшебным возможностям синей жидкости? — возразил Старик. — Да и легенды склонны к преувеличениям. Что им стоит одного подонка, растворившегося в скале, превратить в толпу? Но они молчат про тысячу человек, жаждущих служить людям и награжденных чудесным свойством проникать к пораженным болезнью тканям голыми руками — самым чутким и точным инструментом...

— Хилеры?! — ахнул Дик.

И тут он вспомнил: отверстые края раны и рука, покидающая тело. И вспомнил то, что не разглядел, но подсознательно зафиксировал в момент операции, — перламутровая ткань, вздувшаяся вокруг кисти и с чавканьем осевшая внутрь. Так же, как ушел булыжник в тело Таникавы. Вот эта ассоциация и преследовала его.

— Хилеры, — подтвердила Джейн. — Среди них тоже есть разные люди и далеко не каждый становится настоящим целителем. Увы, многочисленные соблазны нашего нервного века проникли и сюда, на острова. Но тот, кто превыше всего ставит служение людям, тот может творить чудеса. Синяя жидкость одаряет и тех, кто готов поддаться соблазнам века, но все же добро в их душе преобладает. Но она жестоко мстит тем, кто видит в профессии хилера только путь к личному обогащению. Помнишь кладбище скелетов, о котором рассказывал Таникава?

— Но он говорил о скелетах животных.

— Есть там и животные, — усмехнулась Джейн. — Но ведь и человек не более как животное. А синяя жидкость, как я уже говорила, трансформирует облик в соответствии с духовной сущностью... Впрочем, пора идти, — оборвала она. — Нам предстоит еще не один привал. Успеем договорить.

«Договорить мы, конечно, успеем, — думал Дик, — угрюмо карабаясь в гору. Только зачем она рассказывала мне эти сказки? Да еще таким полным убеждения тоном. Неужели верит?..»

18

Тревога прозвучала ровно в полдень. Как раз, когда Кертис Оливер и доктор Лоретти сидели в номере профессора Брайена и вдвоем обсуждали данные вчерашнего исследования крови Таникавы. Впрочем, сидели только Кертис и Брайен — высокий, сухой, как мумия, старик с редким бесцветным пушком вокруг лысины. У него и лицо было, как у мумии — длинное, коричневое, сквозь ввалившиеся щеки явственно проступали зубы. И сидел он в кресле прямо и неподвижно, будто рос из него, как пальма из кадки. По одну сторону ковра Брайен, по другую — столь же перпендикулярный Оливер, словно две симметричные колонны. А между ними Лоретти — низенький, толстенький, с жесткой курчавой шевелюрой и овальным, как бейсбольный мяч, животиком. Он секунды не мог провести без движения. Его пухлое румяное лицо смеялось и хмурилось одновременно, а яркие толстые губы не закрывались, извергая нескончаемые водопады слов.

Но самое замечательное были его очки — огромные, притемненные, с золотой цепочкой между дужками. Они постоянно слетали с толстого носа, и Лоретти замечательно ловко ловил их, не переставая сыпать словами.

Собственно говоря, их должно было быть четверо. Когда филиппинские ученые, оскорбленные преднамеренной бестактностью цээрушников, покинули их, полковник Стивен включил в научную группу Томаса Хантера. Но с появлением на базе Таникавы Веселый док находился в состоянии постоянного изумления, преодолеть которое можно было только одним лекарством. И профессор Брайен, брезгливо морщась, сделал представление полковнику Стивену. На что полковник, сам удивляясь своей корректности, выразил сомнение, сможет ли досточтимый профессор, несмотря на все его громкие титулы, так мастерски вправить вывихнутую челюсть или наложить гипс на сломанную переносицу, как это делает Веселый док. В общем, договаривающиеся стороны не смогли договориться. И Томас Хантер, числясь в группе, старался держаться от нее подальше.

— Нет, сеньоры, вы можете думать что хотите, но сегодняшним арсеналом научных данных этот феномен мы не сумеем объяснить, — возбужденно сыпал Лоретти, подкатываясь вплотную то к одному, то к другому и резво отлетая назад, словно мячик от стенки. — Подумать только: никаких изменений! Никаких! Ни в составе крови, ни в строении клеток...

— Чепуху порете, сэр, — сварливо прервал его Брайен, почти не разжимая губ. — Как вы можете установить какие-либо изменения, не имея надлежащей аппаратуры? Здесьний стандартный микроскоп и предписанный армейским уставом набор реактивов, позволяющий проводить исследования лишь на молекулярном уровне... — Он чуть оторвал руку от подлокотника, будто хотел махнуть ею, но на это у него уже не хватило сил. — Изменения, несомненно, есть, но чтобы обнаружить их, необходимо доставить объект в Штаты.

— Вы ошибаетесь, сеньор, уверяю вас, ошибаетесь, — подскочив к нему, Лоретти энергично замахал коротенькими ручками и подхватил очки, оказавшиеся

в каком-то миллиметре от стены. — Для настоящего исследователя достаточно и стандартного микроскопа. Главный его инструмент — интуиция. Да, да, сеньоры, интуиция. Мы не заметили неожиданного, потому что ничего неожиданного нет. Организм функционирует совершенно нормально.

— И тем не менее эта невероятная регенерация... — бросил Оливер. — Готов согласиться с вами, что для организма, скажем, улитки это нормально. У нее даже отрезанная голова отрастает. Но для человека...

— Мистификация! — все так же сварливо возразил Брайен. — Не могу отделаться от ощущения, господа, что все это ловко подстроенная мистификация. Такого просто не может быть. Ведь законы эволюции...

— Как раз эволюция здесь и действует, — задумчиво протянул Кертис, жестом остановив Лоретти, нетерпеливо подпрыгивающего от желания возразить. — Ведь что такое эволюция: приспособление организма к меняющимся условиям. Я имею в виду, разумеется, эволюцию биологическую. Но почему мы подразумеваем только внешние условия? А если меняется структура клеток? Или метаболизм начинает протекать с другой скоростью? Или, наконец, самая бредовая идея: вдруг для Таникавы изменилась скорость времени? Подождите, подождите, доктор, — остановил он Лоретти, издавшего нечленораздельный вопль. — Я не могу привести никаких доказательств, это та самая интуиция, за которую вы ратовали. И поневоле употребляю такие непрофессиональные обозначения, поскольку для этого явления еще не разработана терминология. Вспомните: организм более чем наполовину состоит из воды. В сером веществе нашего мозга ее еще больше — восемьдесят пять процентов. Недаром немецкий физиолог Раймон говорил, что жизнь — это одушевленная вода. А вода — самое загадочное вещество из известных нам на Земле.

Он сделал паузу, и этим тотчас воспользовался Лоретти.

— Не понимаю, сеньор, совсем не понимаю, о чем вы говорите, — завопил он, подхватывая очки у самого пола.

— Я тоже... — неожиданно согласился Кертис.

В этот момент и началась тревога. Из скрытых динамиков обрушилась на людей резкая колокольная дробь. Лоретти от неожиданности шарахнулся в сторону, чуть не опрокинув телевизор. Оливер резко выпрямился, и даже Брайен изобразил эдакое осуждающее шевеление. Внезапно колокола смолкли, и, не давая опомниться, комнату заполнил металлический голос:

— Всем участникам операции «Горный обвал» немедленно явиться к начальнику базы.

— Сеньоры, «Горный обвал» — это мы! — испуганно воскликнул Лоретти.

— Совершенно верно. Знать бы еще, где сидит начальник, придумавший такой дурацкий код, — раздраженно проскрипел Брайен, выбираясь из кресла. — Эти идиоты не подумали объяснить заранее...

Дверь распахнулась, и в комнату вдвинулась голова сержанта Вестуэя. Зеленый берет все так же залихватски сидел на его жестких волосах.

— Господа, попрошу следовать за всеми в административный корпус. Третий этаж по коридору направо в зал заседаний.

И скрылся, оставив дверь нараспашку. Чертыхнувшись, Брайен подхватил Оливера под руку и нарочито медленно двинулся к лифту. Лоретти вился вокруг них, как волчок на веревочке. Первые несколько шагов им еще удавалось сохранять достоинство. Но вокруг, задевая их локтями и бедрами, бежали, спешили, проносились люди в форме и штатском. Пол гудел под каблуками. И этот поток захватил их. К тому же подстегивало любопытство. Оказалось, что замороженный Брайен способен развить вполне приличную скорость.

Вся эта толпа еще не успела разместиться на жестких стульях в порядке субординации — старшие в пе-

редних рядах, младшие позади, поскольку трудно было сразу согласовать иерархию армии и разведки — когда в зал стремительно ворвался начальник базы полковник Стивен, на ходу застегивая мундир. Махнув рукой, чтобы прекратилась беготня по рядам, он объявил:

— Господа, ввиду чрезвычайных обстоятельств вылет на объект состоится через тридцать минут. Прошу собрать необходимое снаряжение в соответствии с розданными вчера реестрами. Машины для доставки на летное поле будут ждать у каждого корпуса. Задача ясна?

— Не совсем, Лесли, — неторопливо отозвался полковник Хоман, сотрудник Пентагона. — Почему такая спешка? Мы ведь не успеем подготовить все снаряжение.

— По сообщению наблюдателей, к объекту идет гражданский вертолет. Мы знали об этой частной экспедиции, но не думали, что они сумеют опередить нас. Это что касается первого вопроса, Говард. Что касается второго, то снаряжение вы обязаны иметь всегда под рукой полностью готовым...

— Почему же вы не выставили вокруг объекта посты ограждения? — тоном начальственного выговора произнес Хоман, игнорируя выпад по поводу снаряжения. И полковник Стивен взорвался.

— Тысяча чертей в бочке из-под протухшей селедки! Да потому, что мы находимся на территории суверенного государства и наша юрисдикция — до ворот базы. Вы забываете, полковник Хоман, что мир, будь он неладен, меняется каждый день, а звезды и полосы * давно потеряли былой пиетет. Кстати, не без помощи некоторых деятелей из пятиугольной коробки **, — ядовито добавил он и закончил: — Выполняйте приказ!

Он повернулся и выскочил из зала так же стремительно, как влетел. Раздался грохот отшвыриваемых

* Звезды и полосы — американский флаг.

** Пятиугольная коробка — Пентагон.

стульев и топот ног. У дверей образовалась пробка. Лишь полковник Хоман двигался неторопливым шагом, бормоча под нос что-то о разложении офицерства на далеких окраинах планеты. Впрочем, хотя он и не торопился, но на пункт сбора прибыл первым.

Казалось невероятным, что удастся собраться за столь короткий срок. И все же первый вертолет взмыл в воздух ровно через тридцать минут. Сказалась блестящая армейская организация. Но вот со второй машиной вышла заминка. Никакими силами нельзя было заставить профессора Брайена идти быстрее, чем ему хотелось. Затем оказалось, что доктор Лоретти забыл в номере индивидуальную аптечку, и за ней пришлось посылать солдата. Полковник Хоман бросал выразительные взгляды на полковника Стивена, лицо которого приобрело оттенок радиоактивного облака. Но когда вдруг обнаружилось, что Веселый док находится в столь изумленном состоянии, что не может попасть в широкий люк вертолета, все время забирая куда-то в сторону, да еще не имеет с собой никакого снаряжения, Стивен не выдержал и заорал, чтобы этого пьяницу немедленно швырнули в море...

Армейский закон гласит: приказы не обсуждаются, а выполняются. Если бы солдаты бросили дока в море, он отделался бы в худшем случае легким насморком. Но его бросили в вертолет, нарушив приказ, благо Стивен в этот момент отвернулся, а Хоман молчал и улыбался. И эта улыбка не предвещала ничего хорошего некоторым офицерам, разложившимся на далеких окраинах. А глухой стук, с которым док приземлился на жесткий пол вертолетной кабины, означал, что кольцо случайностей замкнулось и теперь судьба каждого predetermined.

Уже в воздухе радист соединил Стивена с постом наблюдения.

— Объект изменил курс и огибает гору с севера, —

доложили с земли. Стивен быстро открыл на колене планшет.

— Великолепно! — бормотал он. — Это удлиняет их трассу миль на восемьдесят, если не на все сто. Да точно: на девяносто. Мы еще успеем...

И подтвердил курс пилоту: к вершине кратчайшим путем!

19

Юджин Бедворт подтянулся на руках и классическим рывком выбросился на вершину гранитного вала. Тяжелый рюкзак резал натруженные плечи, и Юджин с наслаждением распластался на овальной поверхности, впитывая тепло от нагретого за день камня. На мгновение в душе шевельнулась гордость: не каждый альпинист сумел бы вот так лихо взлететь по крутой стене, отполированной дождями. И далеко не каждый прошел бы этот путь, не дрогнув, не повернув назад. Позади остались и кладбище скелетов, и змея, и горящие пальмы. Остался и тигр, уже не рычащий, не размахивающий лапами. Он, наконец, отмучился, и старый махогани опустил свои ветви, бережно укрывая его мертвое тело.

Тремя метрами ниже, у основания глыбы, тропинка круто переламывалась и ныряла вниз, к храму. Он лежал прямо перед Юджином, в котловине — крепостная стена из неотесанных камней, в иных местах она уже начала обваливаться, и разбросанные внутри ее без всякой планировки здания диковинной азиатской архитектуры. Чем-то диким, угрожающим веяло от этого заброшенного места. Багровые лучи заходящего солнца не золотили склоны горы, круто обрывающиеся к храму, и черными оставались островерхие зубчатые крыши. Лишь в центре площади ярко горело синее пятно. Метров пять в диаметре, не больше, подумал Юджин, прикинув расстояние. Жаль, что все не унесешь...

Юджин высвободил руки из лямок и осторожно опустил рюкзак на тропинку. Для этого ему пришлось сильно свеситься с валуна, так что кровь прилила к голове и в глазах потемнело. Надо отдохнуть перед финишным броском. Легкий ветерок с терпким, каким-то будоражащим запахом налетал временами, приятно обвеивая разгоряченные щеки. Солнце почти село за горизонт, сейчас его лучи падали в правые ворота храмовой стены, освещая их, словно прожектор из-за кулис. Казалось, там даже клубится розовый дым, будто ворота — вход в преисподнюю. Через несколько минут последний луч скользнет по замшелым камням воротной арки и исчезнет. Не беда, жидкость он наберет и при фонаре. А потом разожжет костер и скоротает ночь возле полного контейнера. Эти маслянистые пальмы должны отлично гореть. По-настоящему гореть — живым, согревающим огнем. Когда-нибудь он напишет книгу о том, как шел за жидкостью. И одной из наиболее ярких сцен в ней будет ночь у костра из черных пальм.

...В первое мгновение он оторопел. Из розового провала правых ворот бесшумно, как в фильмах Хичкока *, показалось несколько страшных, безликих фигур. У них были круглые гладкие головы, выпуклые стрекозиные глаза и челюсти, как у дога. Юджин, сразу ослабев, начал сползать с валуна — неосознанно он постоянно ждал чего-то подобного в этом диком месте. Он чуть не закричал, но сумел пересилить себя и внезапно догадался: противогазы. Ну, конечно, противогазы и противорадиационные скафандры. Солдаты, понял Юджин. Они тащили что-то длинное, тонкое, упирающееся: это было видно по их судорожным движениям. Потом его осенило: шланг, вот что это такое. Хотят высосать всю жидкость. Но что-то у них там не ладится, иначе не суетился бы так, размахивая руками; приземистый полный человек без противогаса, в одной пилотке.

* Хичкок — известный кинорежиссер, постановщик фильмов ужасов.

Так... Юджин упруго прыгнул на тропинку, дернул шнуровку рюкзака, выхватил контейнер. Медлить было нельзя. Здесь все равны, и куш сорвет тот, кто придет первым. Пока его опережают, но ведь ему не надо возиться со шлангом, а в темноте попробуй его заметить. Да и заметят — не беда, лишь бы не стреляли. От соотечественников всего можно ожидать.

Последний луч солнца погас в воротах, когда Бедворт-младший рванулся к храму.

20

На этот раз полковник Стивен превзошел сам себя. Он ругался так, что даже бывалые десантники пригибались, словно под пулеметной очередью. И ему уже плевать было на осуждающее молчание полковника Хомана. Попробовал бы этот чистоплюй из Пентагона найти правильное решение в такой ситуации! А ситуация складывалась на редкость неудачно. Словно все здешние ведьмы ополчились против экспедиции, требующей четкости и согласованности на всех этапах. Начать с того, что они целых четыре часа искали с воздуха этот проклятый храм. Древние монахи так ловко расположили свое обиталище, что увидеть его можно было, только пролетев прямо над крышами. Горючее уже было на исходе, когда выяснилось, что для тяжелых вертолетов нет места на поросшей лесом горе. Единственная маломальски пригодная площадка оказалась метрах в четырехстах ниже вершины. Солдаты выбились из сил, пока втащили увесистую цистерну по крутым склонам. Не меньше мучений доставила и передвижная электростанция для питания насоса. На все это уходило время, а солнце катилось себе и катилось за горизонт.

— Могу я помочь вам чем-нибудь, полковник? — холодно спросил полковник Хоман. Его аристократическое ухо выпускника Вест-Пойнта не могло больше вы-

держат этого безудержного потока ругани, как из прохудившейся канализационной трубы.

— Можете! — с ненавистью ответил полковник Стивен. — Вы крайне обяжете меня, если поставите этих высококолых к стенке и расстреляете их.

Так он сразу расквитался с этим пентагоновским выскочкой. Однако полковник Стивен недооценил своего коллегу. Хоман молча развернулся и зашагал к группе ученых, которых действительно пора было приструнить. Пока с этим справлялся сержант Вестуэй, но, похоже, у него уже иссякали силы.

— Вы не имеете права, сеньор! — насканивал на верзилу сержанта низенький Лоретти. — Вы не имеете права. Произойдет непоправимое, если мы не окажемся там раньше всех и не зафиксируем обстановку. Поймите же, науке важно знать первоначальные условия...

— Зря стараетесь, Лоретти, — прокрипел Брайен. — С этим примитивом можно только так...

И он с неожиданной прытью проскользнул мимо двух десантников и бросился вниз по склону. Увы, почтенный муж не рассчитал своих возможностей. Не удержавшись на крутизне, он опрокинулся на спину и пропахал несколько метров травы, приведя брюки в совершенно непристойное состояние. Десантники бросились за ним.

— В чем дело? — холодно осведомился подошедший Хоман. Он обратился к Оливеру, поскольку тот невозмутимо взирал на происходящее. Кертис спокойно ответил:

— Господин полковник, нарушаются элементарные правила научного исследования. Прежде чем предпринимать какие-либо действия, мы должны осмотреть место, произвести фотографирование, взять пробы грунта. Отсутствие этих первоначальных данных может впоследствии чрезвычайно затруднить исследования или вообще сделать их невозможными. Мы понимаем, что это небезопасно, но выдайте нам костюмы, противогазы...

— Ничем не могу помочь, — отрезал полковник Хоман. — Сейчас главное — закачать жидкость в цистерну. А вам приказываю оставаться на месте. Позже, возможно, мы и выдадим вам снаряжение.

Он повернулся и коротко глянул на Вестуэя. Сержант молча кивнул.

А полковник Стивен продолжал бушевать. Все не ладилось в этой проклятой операции. Когда уже и цистерну и электростанцию подтащили к воротам храма, заело катушку со шлангом. Трое десантников напрасно дергали мягкий рукав, рискуя порвать его. Пока удалось поставить на место выпрессовавшийся подшипник, наступила темнота и над храмом поплыла луна.

— Вперед! — хрипло прорычал полковник. — Запустить станцию, включить насос.

И лишь когда, чихнув несколько раз, бензиновый движок оглушительно взревел, полковник стянул с головы пилотку и с облегчением вытер подкладкой потное лицо.

21

— Мы успели как раз к началу спектакля, — сказала Джейн, устало опускаясь на камень. Она с вызовом взглянула на Дика, но тот промолчал. За время трудного пути в гору он начал понимать свою подругу. Понял и сейчас, что за показным цинизмом она пытается скрыть самый обыкновенный страх.

— Посмотри, как симметрично расположились действующие лица, — продолжала Джейн. — Прямо перед нами твой коллега Бедворт. Видишь, за воротами поблескивает что-то белое, очевидно, емкость для жидкости. Слева — американская экспедиция. Эти, как всегда, прут напролом. Справа — другая группа, про которую нам ничего не удалось узнать. И все они уйдут ни с чем... По крайней мере, те, кому удастся уйти, — голос ее дрогнул.

— Перестаны! — оборвал ее Дик. — Нашла время рассказывать страшные сказки.

— Дик! — она схватила его за руку. — Сюда приходят поодиночке и не всегда возвращаются. А когда является группа, то один всегда остается... Будто жидкость выбирает жертву на заклятие. Это может быть кто угодно — ты, я, любой другой... И не обязательно подходить к луже, достаточно вступить на площадь или даже вдохнуть испарения за ее пределами. Иные временно теряют рассудок, большинство уходят такими же, какими пришли. И только один получает то, за чем явился. В очень редких случаях двое — тогда жидкость одаряет их одинаковым свойством. А иногда нечаянный, неожиданный дар получает человек, ни на что не рассчитывающий, пришедший из простого любопытства. Один получает и один остается... Будто дар необходимо уравновесить. Но никто еще не приходил сюда с агрессивными намерениями, никто ничего не замышлял против жидкости. И я не знаю, что сегодня произойдет.

Дик лихорадочно размышлял. Как предотвратить несчастье? Что можно сделать с голыми руками против вооруженных солдат? Сейчас гроша ломаного нельзя было поставить за человечество. Даже сами ученые — Оливер и те двое, стоящие вместе с ним отдельной кучкой и которые Дику с его места были отлично видны. Они так же рвутся к синей жидкости, как и пентагоновцы, хотя и ради других целей. Но это все равно, что надеяться сохранить в давке метрополитена хрупкую колбу с чумными бактериями. Тот же Оливер — отлично все понимает и тем не менее... Научный фанатизм так же страшен, как и любой другой фанатизм, будь они все прокляты.

— Никто не спасет мир, кроме нас, — сказала Джейн, вставая с камня и отпуская его руку. — И ты можешь внести в это свою лепту.

Она опять отгадала его мысли, и Дик начал уже привыкать к этому. Оба филиппинца нагнулись над кам-

нем — его черная шершавая поверхность сверкала в лунном свете мириадами крохотных вкраплений слюды. Джейн тоже уперлась в него руками и кивком пригласила Дика. Он послушно налег на глыбу, прочно вросшую в землю. Будто тысячи крохотных иголок впились в ладони. Четыре человека, напрягаясь, раскачивали глыбу, и их кровь, смешиваясь, стекала по шершавому боку, словно вытапливала камень из земли. И наконец он перевернулся на бок, открыв узкое отверстие, в которое со свистом ворвался воздух.

— Вот и все, — сказала Джейн. — За руки не беспокойся: кровь здесь быстро свертывается, а ранки затянутся через десять минут. Потом мы поставим камень на место, но лишь двести лет спустя...

Она не договорила и, схватив Дика за плечо, повернула его вправо. Там, на пологом склоне, разыгрывалась сцена, достойная вестерна: двое мужчин наступали на девушку, в руках которой блестел пистолет.

22

— Еще шаг, и я буду стрелять, — холодно предупредила Мэри, легким движением пальца спуская предохранитель. Как ни слаб был щелчок, но он остановил нападавших. А может, их остановило выражение ее лица. Никогда еще Том не видел такого лица у этой веселой девушки. То же самое подумал и ее отец.

— Мэри, ты с ума сошла! — с ужасом воскликнул мистер Грэй. — Ты же знаешь, какие надежды мы возлагаем на эту экспедицию. Все наше будущее...

— Вот и идите сами за вашим будущим, а Том не пойдет, — отрезала девушка. И пистолет в ее руке описал замысловатый зигзаг, который тоже подтверждал, что Том не пойдет.

Мистер Грэй растерянно оглянулся на своего спутника, но Бедворт-старший будто обо всем позабыл. Он стоял в странной позе, вытянув голову. Как собака,

подумал мистер Грэй. Впрочем, нет, на собаку не похоже. Какой-то другой зверь. Он с усилием отогнал эти неуместные мысли. Черт бы побрал этого Бедворта! Когда надо заставить мальчишку...

— Том, тебе не стыдно прятаться за женской спиной? — Голос его был сух и резок, как проволока под высоким напряжением.

— Совсем не стыдно, — ответил Том. — Я ведь знаю, что произойдет. Предупреждаю в последний раз: жидкость вы не получите, а мистер Бедворт...

Но Бедворт его не слышал. Он все так же судорожными вдохами всасывал воздух, еще сильнее прогнувшись вперед. Руки у него округлились, пальцы были растопырены, будто он упирался во что-то. Пресмыкающееся, вдруг понял Грэй. И крикнул, чтобы пробудить его, вернуть к действительности. Но Бедворт был уже в ином мире. Порыв ветра ударил ему в лицо резким, каким-то пронизывающим запахом, проникшим, казалось, в самый мозг. И все его существо затопила до боли сладкая волна раскрепощенного бешенства. Мир раскололся на две половины — в одной был он, Бедворт, в другой — все остальные. И эти остальные были враги, неважно, слабые они или сильные. Слабых уничтожать, от сильных убегать — это основное правило выживания. Его натренированный мозг четко анализировал ситуацию. Он должен был идти на площадь и набрать жидкости. Он уже не помнил, зачем эта жидкость нужна. Он только знал, что должен пойти и набрать — чужая воля овладела его сознанием. И надо было спешить: десантники со шлангом уже показались из противоположных ворот. Но тяжелый шланг не позволял им двигаться быстро.

Трясущимися пальцами, ставшими вдруг очень неловкими, он расстегнул ремни кожаного чехла, выложенного поролоном, достал фарфоровый контейнер. Несколько мгновений он боролся с собственной рукой, заставляя пальцы обхватить ручку контейнера. Для

этого пришлось напрячь всю волю, а мгновения текли, и шансов оставалось все меньше.

— Может, не стоит, Бедворт? — подошел к нему мистер Грэй. — Мы ведь не хотели идти сами. В конце концов, картина у нас, и это уже кое-что. А кто знает, что произойдет...

И отшатнулся, наткнувшись на нечеловеческие, с крошечными точками зрачков глаза, желтые от слепой звериной ярости. Бедворт сильно толкнул его в грудь и начал торопливо спускаться, скользя по осыпающимся камням. Он помогал себе свободной рукой, чтобы не упасть. Мир вокруг внезапно наполнился множеством запахов — пахли камни, трава, цветы, тяжело и прямо пахла земля. А когда он достиг храмовой стены, все его существо вновь пронзил терпкий аромат, волной прокатившись по телу. Он помотал головой и с наслаждением зарывался. И тут увидел, как из правых ворот, то пропадая в тени, то проявляясь в лунных пятнах, скользнула тонкая фигура, неся в руке — Бедворт мог поклясться в этом — такой же белый контейнер. И вся его злоба к окружающему миру сосредоточилась на этой фигуре.

— Аааа! — закричал он и бросился на площадь.

Звериный вопль пронесся над храмом, и мрачным рокотом отозвались на него крыши зданий. Юджин упал на колени, испуганно вглядываясь в черный проем левых ворот — оттуда неся этот рев разъяренного зверя. Ужас сдавил его сердце, но лужа была так близко... Юджин чувствовал ее запах — терпкий, дразнящий, отгоняющий все мысли и оставляющий только одно непреодолимое желание. И уже не скрываясь, он бросился вперед.

— Тревога! — закричал один из десантников. Полковник Стивен стремительно обернулся.

— Тысяча чертей! — взревел он. — Взять их, ребята!

Юджин уже наклонился над лужей, когда страшный удар отбросил его прочь. Так налетает могучий «кадиллак» на зазевавшегося пешехода. Какое-то существо, взмахнув контейнером, плашмя упало в лужу. Но.. почему-то лужи в этом месте не оказалось. Бедворт-старший приподнялся на руках, не понимая, что происходит. Только что здесь была синяя жидкость. И вдруг оказалась в полуметре от него. Он торопливо прополз несколько шагов, снова взмахнул контейнером... Синяя жидкость стремительно уходила, а он гнался за ней на коленях, словно рыбак за сорвавшейся рыбой. И гнал от себя страшную догадку, что поймать ее невозможно.

Вот лишь в самом центре осталось крохотное синее пятнышко. Бедворт привстал и грудью бросился на него. Мелькнула торжествующая мысль, что вот сейчас он все-таки наберет контейнер, а никому больше не достанется... Но пятнышко завихрилось воронкой и исчезло, и руки его проехали по грязи. В бешенстве и отчаянии он начал хватать ее и запихивать за пазуху, но грязь растекалась между пальцами, струилась по телу, выливалась обратно.

— Отец! — закричал Юджин.

Этот возглас будто переключил что-то в мозгу Бедворта-старшего. Вот кто отнял добычу — странное существо, стоящее на задних лапах. И всепоглощающий поток ярости затопил мозг Бедворта, растворив последнее, что осталось в нем от человека. Что-то происходило с ним — со сладостной болью трещали, вытягиваясь, кости, от страшного напряжения вибрировали мышцы, челюсти сводило судорогой небывалое изобилие запахов. И он бросился на врага, впился в него клыками, ощутил вкус крови... А когда сильные руки стиснули, оттащили его, он изловчился, вывернулся и начал кусать эти руки, не чувствуя пинков и ударов...

Полковник Стивен вдохнул в очередной раз терпкий воздух и наконец-то понял, какую акцию он должен предпринять как командир, чтобы навести порядок в этом бедламе: выхватить пистолет и застрелить кого-нибудь. В экстремальных ситуациях стоит пожертвовать одним человеком, чтобы образумить остальных. А сейчас как раз было кем пожертвовать. Пока десантники, бросив шланг, непонятно почему замешкались у лужи, этот сукин сын, профессор Оливер, рванул вперед, наплевав на запрет. Что уж он там углядел, полковник так и не понял. Но это вопиющее нарушение дисциплины в экстремальной ситуации следовало немедленно пресечь. И, крикнув, чтобы остальных высоколобых оперативно обезвредили, полковник Стивен кинулся за беглецом.

— Разрешите последовать за ним, сэр, — озабоченно сказал сержант Вестуэй полковнику Хоману. — Сами понимаете, как бы чего не натворил...

В экстраординарном случае старый служака мог позволить себе подобную фамильярность, и полковник Хоман отлично его понял.

— Идите, сержант, только возьмите подкрепление, человека три-четыре.

Уже подбегая к луже, полковник Стивен уловил краем глаза движение справа. Обходной маневр противника! Он немедленно залег и выхватил пистолет. Прямо на него, поднимая шлейф пыли, с горы катился человек. Досадуя, что пыль мешает прицелиться, полковник дал два выстрела.

Ветер переменился, принес с горы чистый воздух, и полковник ужаснулся, поняв, что мог натворить. К счастью, он промахнулся. А человек, похоже, даже не заметил, что в него стреляли. Он вскочил на ноги и, выплевывая пыль, помчался к центру площади. А вслед за ним... Полковник хотел выругаться, но слова застряли

у него в глотке — вслед за ним с горы осторожно спускалась женщина. В лунном свете мягко блестели ее черные волосы.

Полковник беспомощно оглянулся. У лужи что-то происходило. Темные фигуры людей сливались и распадались, будто ведьмы плясали на шабаше, оттуда доносилось тяжелое дыхание и отрывистая брань. А из противоположных ворот... Полковник зарычал от гнева — бежали мужчина и еще одна женщина. Как разобраться в такой обстановке, какую команду отдать? Снова налетел терпкий аромат, и полковнику стало легко и просто. Подняв пистолет, он начал радостно расстреливать луну. Пусть убирается за тучи: в темноте все потеряют ориентацию и он вновь овладеет положением.

— Куда ты меня тащишь? — упиралась Мэри. — Сам же говорил, что там смерть.

— А я откуда знаю? — огрызнулся Том. — Я вижу, что мы должны быть там и познакомиться... А для чего — разберемся. Да и вообще, здесь уже ничто никому не угрожает, кроме мистера Бедворта.

На Бедворте висели трое десантников, словно тренированные бульдоги. И всех троих он мотал, как надувные манекены. Дик и Кертис сунулись было в эту кучу, но тут же отлетели прочь, сбитые могучими ударами. Непрофессионалам здесь нечего было делать. Потирая ушибленные места, они отступили к Джейн, которая, сидя на корточках, пыталась остановить кровь, хлеставшую из нескольких ран на шее и лице Юджина.

— Мальчики, дайте платки, мой уже не годится, — попросила она, морщась от дикого рева Бедворта-старшего. Дик и Кертис торопливо протянули ей носовые платки. Полковник Стивен сменил обойму в пистолете и продолжал расстреливать луну.

— Сумасшедший дом! — сказала Мэри, подбегая к Джейн и помогая ей перевязывать раненого. — Это называется шли за могуществом...

И тут мистер Бедворт вырвался. Укушенный в лицо

десантник закричал и отпустил руки. Почувствовав, что хватка ослабла, Бедворт мгновенно пнул под коленку одного, подбил глаз второму и громадными скачками пронесся между девушками и раненым, разметав всех троих. Его огромная, непропорционально уродливая тень прочертила храмовую стену и исчезла в черном проеме ворот. Десантники, хрипло дыша, кинулись за ним. Но выбежав за ворота, растерянно остановились: искать беглеца в такой темноте было бессмысленно.

Все это заняло столько времени, сколько понадобилось сержанту Вестуэю, чтобы пересечь площадь. Дождавшись, когда полковник расстреляет последнюю обойму, он мягко отобрал у него пистолет.

— Сержант, постройте людей, — скомандовал полковник. — Пусть каждый набьет полные карманы того, что осталось, и сдаст по весу. Проследите, чтобы вес сошелся. Мы должны отчитаться за результаты экспедиции.

— Слушаюсь, господин полковник. Я полагаю, вам следует быть у вертолета, чтобы принимать товар.

Полковник неожиданно легко согласился и бодро направился к воротам. А сержант подошел к раненому.

— Серьезное дело! — покачал он головой. — Тут платочками не обойдешься. Рядовой Симкин, немедленно доставить сюда медицину.

Пока солдат бегал за доктором, Дик и Крестон подошли вплотную к тому месту, где была лужа.

— Осторожнее! — крикнула им Джейн. — Там еще может быть опасно.

— Ничего опасного, мисс, — отозвался незнакомый юноша, стоящий немного в стороне. — Больше ни с кем ничего не случится.

— А вы откуда знаете? — обернулся к нему Кертис.

— Вот этого я объяснить не могу, просто знаю. И с раненым обойдется — выживет.

— А что с папой? — вспомнила Мэри. — Мы оставили его одного.

— Он уже в вертолете и ждать нас не собирается. Как раз берет сейчас курс на аэродром, чтобы утром вылететь на свой остров. Ситуация изменилась: я ведь сказал ему, что мистер Бедворт не вернется. И теперь он спешит этим воспользоваться.

Том не сказал, что через четверть часа вертолет наткнется в темноте на верхушку черной пальмы и рухнет. И только к вечеру следующего дня мистер Грэй, оборванный и исцарапанный, хромая на обе ноги, доберется до города.

— Бедворт — это кто, тот сумасшедший? — спросил Дик. — Никуда он не денется, завтра солдаты его отыщут.

Том покачал головой.

— Это невозможно. Мистера Бедворта уже нет... как человека. Но не стоит его жалеть — ему хорошо...

— Да вы-то кто такой, молодой человек? — подошел к ним Крестон. — Откуда вы все это знаете?

— Давайте я лучше расскажу вам об этом завтра в гостинице. Все равно мы должны там встретиться.

Прибежал Томас Хантер, двое солдат тащили за ним носилки. Всю эту экспедицию Веселый док мучился от невозможности сделать глоток и был мрачен, как змея, испускающая яд на медицинской эмблеме. Увидев раненого, он расцвел: во время работы никто не имел права ему приказывать. Поспешно вытащив пробку, он поднес флажку ко рту...

— Доктор! — голос Джейн был полон усталости и ужаса. — Доктор, он умирает. Порвана вена, и я не могу остановить кровь. Неужели синяя жидкость выбрала еще одну жертву?

Хантер медленно отнял флажку от губ и со вздохом опустил ее обратно в карман. Склонился над Юджином и тут же выпрямился.

— Считайте, что он умер, мисс. Тут ничем не поможешь. Нужна немедленная операция.

— Ну так сделайте ее, — резко оборвала Джейн.

Будь Веселый док трезв, он просто пожал бы плечами: делать операцию ночью, на траве... Но он еще не вполне оправился от изумления, и предложение, а вернее, приказ красивой незнакомки не показался ему невозможным.

— Сержант, есть у вас фонарь? — спросил он.

Вестуэй молча отстегнул от пояса армейский фонарь, дающий узкий сильный пучок света, направил его на раненого. На его лице не отразилось ни удивления, ни интереса, будто ночная операция — самое обычное дело. Сержант умел не вносить лишней сумятицы, когда это было нужно.

— Только быстрее, док, вроде он уже загибается, — сказал Вестуэй будничным тоном.

— Как я понимаю, мисс, вы разбираетесь в медицине. Будете ассистировать, — бросил Хантер Джейн и раскрыл свою сумку.

Убедившись, что для предстоящей операции есть все инструменты, Хантер вздохнул и протянул Джейн флажку. Она стала лить спирт ему на руки. И это полностью привело доктора в чувство. Взгляд его стал ясным и острым.

— Хватит, хватит, мисс, не увлекайтесь. Уверяю вас, для микробов этого достаточно.

Дик и Кертис поддерживали раненого, Джейн подавала инструменты и вытирала кровь, Вестуэй светил... А Томас Хантер совершал чудо. Правда, если бы ему сказали, что он совершает чудо, он бы не поверил. Он мечтал только об одном: поскорее добраться до флажки. И поэтому уложился в рекордные сроки. Да и то сказать, контингент американской армии дал ему богатейшую практику. А заштопав все раны, он наконец-то поднес флажку ко рту, свирепо оглянулся на всех и с рыдающим всхлипом сделал заветный глоток. И никто не посмел ему возразить. Сделав второй глоток, он поднес флажку к губам Юджина. Тот в полубессознательном состоянии отпил немного.

— Все в порядке, — удовлетворенно сказал Хантер. — Пока он реагирует на алкоголь, ему ничего не угрожает. Это самый верный тест.

Он дал знак уложить раненого на носилки и припал к фляжке уже надолго.

— Ой, смотрите! — закричала Мэри.

Сгрудившись возле Юджина, они не заметили, как их окружили солдаты. Сняв противогазы, в беретах набекрень и с автоматами на животе, они расположились так, чтобы отрезать путь к любым из четырех ворот. Вперед выступил сержант Вестуэй.

— Господа, вам предписывается пройти к вертолетам. Можете считать себя временно задержанными.

Дик и Кертис тревожно переглянулись. Мэри спряталась за спину Тома, а Джейн придвинулась к Дику. Один Том стоял спокойно: он знал, что арест будет недолгим.

— Судя по всему, полковник на свежем воздухе очухался, — пожала плечами Джейн.

Эпилог

Они собрались в номере Дика на шестнадцатом этаже манийского «Хилтона». Том, никогда ранее не бывавший в дорогах отелях, никак не мог убедить себя, что любой человек может жить в такой роскоши, стоит лишь платить девяносто шесть долларов в сутки. Он то разваливался в мягком кресле, обволакивающем тело, то слонялся по комнате, трогая платяной шкаф, включая и выключая торшер и цветной телевизор, то заглядывал в полуоткрытую дверь другой комнаты, где виднелась кровать, на которой вполне могли бы уместиться четыре человека, а если поперек — то и все восемь. Мэри, свернувшись клубочком на диване, следила за ним сквозь полуопущенные ресницы, сдерживая улыбку. Сами они сняли номер в скромной гостинице на окраине города, зарегистрировавшись как муж и жена, и вышли

оттуда только к вечеру, торопясь на встречу. Кертис Оливер, прямой, как перпендикуляр, сидел во втором кресле, уронив руки на подлокотники, и глядел прямо перед собой. Со вчерашнего вечера, когда их после бурных объяснений отправили военным самолетом в Манилу, он пребывал в глубокой задумчивости. Что касается Джейн, то она устроилась прямо на ковре, поджав под себя ноги. Все они внимательно вслушивались в голос Брауна, диктовавшего по телефону из соседней комнаты.

Наконец он кончил диктовать и вышел к ним. Его лицо было бледным от утомления, но в глазах сверкало торжество художника, с блеском закончившего труднейшую работу.

— Редакции этот репортаж обойдется в кругленькую сумму, — рассмеялся он, садясь на пол рядом с Джейн и отпив глоток прямо из бутылки. — Сорок минут по срочному тарифу...

— А разве не вы оплачиваете разговор, мистер Браун? — удивился Том. — Или вы потом предъявите счет редакции?

— Ни в коем случае, мой мальчик. Имеющаяся у меня наличность не располагает к таким шалостям. Мне понадобилось ровно полторы минуты, чтобы вызвать Оклахома-Сити и сообщить свои координаты. А затем уже стенографистки заказали Манилу и из кассы редакции с веселым звоном начали утекать доллары. Представляю, как шеф прыгает сейчас на стуле, прослушивая пленку!

— Но ты кое-что изменил из первоначального текста. И, по-моему, получилось сильнее, — заметила Джейн.

— Да, пришло в голову прямо во время диктовки.

Всю ночь он писал свой репортаж. Писал по свежим следам, а это самое трудное — когда впечатления не отстоялись и не пришло осмысление увиденного, когда главное и второстепенное еще перемешаны в сознании и не расставлены по своим местам, когда основная ли-

ния постоянно ускользает, растворяясь в стоящих перед глазами подробностях, и ты мучительно ловишь ее и прокладываешь ей дорогу среди нагромождения фактов... Вот почему репортеры никогда не перечитывают свои материалы на газетной полосе — после этого остается только пойти и выпить, чтобы смыть с души ощущение стыда и позорного бессилия за те блестящие возможности, которые ты упустил в спешке. Дик торопливо писал и перечеркивал целые абзацы, подыскивая фразы, которые с максимальной достоверностью передали бы весь кошмар недавних событий, не оставляя сомнения в опасности, которая угрожала человечеству и продолжает угрожать. Джейн варила на спиртовке кофе, склоняясь над его плечом, читала изломанные строчки, бегущие под золотым пером «паркера» — репортер старого закала, Дик так и не научился думать за машинкой и первый вариант всегда писал ручкой, — изредка тихим голосом предлагала те или иные поправки. Или просто прикасалась губами к его горячей щеке. А потом, когда Дик под утро, не раздеваясь, заснул на диване, перепечатала двадцать страниц на его портативной машинке. Так что ему осталось только внести окончательную правку на свежую голову.

— Думаешь, опубликуют? — спросил Кертис, не меняя позы.

— Куда они денутся? Эта сенсация раз в десять поднимет тираж. Даже если ЦРУ в полном составе подступит к дверям редакции, материал пойдет в номер.

— Я надеюсь, ты старался не из-за тиража? — серьезно спросила Джейн, и Дик ясно прочитал в ее голосе опасение разочароваться. — Я надеюсь, ты ставил главной целью предупредить человечество. Ведь есть же сияющая жидкость в том доме, откуда Том... мм... позаимствовал картину. И мы совсем не знаем этого исследователя — ни его конечной задачи, ни на кого он работает. Все наши попытки проникнуть в его лабораторию кончились неудачей. Так что опасность остается.

— Нет опасности, — рассмеялся Том. — Та склянка, что он швырнул в меня, была единственной. А больше у него не получится. Всю жизнь он будет колдовать над реактивами, проклиная судьбу...

— Может ли быть такое, если есть технология, однажды увенчавшаяся успехом? — усомнился Кертис.

— Может, — сказала Джейн. — Только я не сумею объяснить почему. Знаю только, что мало взять нужные ингредиенты, смешивать их в определенной последовательности и при определенной температуре. Важно еще и время суток, и погода, и фазы луны, и расположение звезд на небосклоне... Все это есть в картине, да, видно, не все удастся расшифровать. У Калиостро тоже ведь только один раз получилось при случайном совпадении всех условий...

— Ради бога, не морочь нам голову сказками, — лениво протянул Дик. У него не оставалось сил, даже чтобы вспылить. — Не хочешь говорить правду, лучше помолчи.

— Ну, если тебя больше устраивает версия, что синяя жидкость упала с неба... — Джейн пожала плечами, и Дик в который уж раз подивился про себя, как ловко она умеет уйти от ответа, не сказав ни да, ни нет и все же посеяв сомнение. Он снова потянулся к бутылке, но Джейн властно остановила его руку. К собственному удивлению, он безропотно подчинился.

— Конечно, вы сделали правильно, загнав синюю жидкость в подземное русло, — задумчиво сказал Кертис, закуривая сигарету. Он хотел было наполнить свой бокал, но, взглянув, на Дика, воздержался. — Ничего другого вам не оставалось, чтобы жидкостью не завладели цээршники и пентагоновцы. Но если судить по большому счету, то неизвестно, не нанесли ли вы человечеству невосполнимый ущерб.

— По-моему, ты бредишь, — без обиняков заявил Дик.

— Ничуть. Синяя жидкость — это великое открытие. И даже в руках парней из Лэнгли оно таковым и оста-

нется. Неважно, как его применять вначале. В конечном итоге любое открытие — это шаг на пути прогресса, очередной этап в достижении исконного стремления людей к счастью.

— Интересно, как вы понимаете в таком случае счастье? — усмехнулась Мэри. — Для моего отца, который сделал немало открытий, счастье заключалось в том, чтобы выгодно продать их. А наш садовник Умберто был безмерно счастлив, вылакав бутылку мексиканской пульки. У Тома свои понятия о счастье, у меня — свои. Как их совместить?

Кертис развел руками.

— Девочка, ты задала вопрос, на который все философы мира до сих пор не сумели ответить. Наверное, потому, что каждый человек понимает под счастьем исполнение желаний. Но ведь как только одно желание сбывается, наступает очередь другого... Я думаю, для человечества в целом счастье — это удовлетворение всеобщих потребностей в пище, одежде, крыше над головой, в возможности заниматься любимым делом. К этому и ведет нас прогресс.

— Только почему-то социальное неравенство не уменьшается с прогрессом, — заметила Джейн.

— Ну, это уже из арсенала коммунистической пропаганды. Не буду спорить — я ученый и далек от политики. Только не надо меня уверять, что научные достижения в руках милитаристов непременно ведут к войнам и угнетению, и приводить в пример атомную бомбу.

— А разве не так? — сказала Мэри, сдвигая брови. — Спросите японцев, они вам растолкуют.

— Но те же японцы строят атомные электростанции, избавившие человечество от призрака энергетического голода. А ведь все началось с Хиросимы... То же было бы и с синей жидкостью, я уверен: из военных лабораторий она в конце концов попала бы в руки ученых-гуманистов.

— А как бы вы сами распорядились синей жидкостью, попади она в ваши руки? — спросила Джейн.

Дик с интересом посмотрел на свою подругу. Удивительно, подумал он, еще до того, как она открыла рот, я был уверен, что она скажет именно это. Неужели я настолько изучил ее?

— Как биолог я бы нашел синей жидкости самое благородное применение, — ответил Кертис, и глаза его затуманились мечтой. — Ведь жидкость выполняет самые сокровенные желания человека. А какое у человека самое сокровенное желание? Быть здоровым. Это присуще каждому. Даже совершенно здоровый человек, искренне смеющийся над всякими там насморками и простудами, подсознательно боится заболеть. Что уж говорить о больном человеке... Вот я бы и создал препараты, помогающие людям обрести здоровье — самую большую ценность в жизни.

— А потом к тебе постучатся парни из ЦРУ и заставят выращивать людей с атрофированной моралью — без чести, без совести, без сострадания, — насмешливо вставил Дик. — В разведке и армии такие кадры неоценимы.

— Неправда, мистер Браун! — неожиданно для себя пылко воскликнул Том. — Мистер Оливер никогда не пойдет на это. Он создаст свои препараты, и столько людей станут счастливыми...

Это прозвучало так неожиданно, что все замерли и наступило молчание. Джейн побледнела, и Дик ощутил, какой хаос мыслей поднялся в ней. Кертис даже привстал с кресла, вцепившись в подлокотники. Потом он снова опустился на сиденье, позволив себе закинуть ногу за ногу.

— На этот раз прозорливость подвела вас, юноша, — усмехнулся он. — Для того чтобы создать препараты, мне нужно всего лишь подождать двести лет, пока синяя жидкость вновь выступит на поверхность. Правда, останется еще картина... Наверное, стоит мне попробовать позаимствовать ее, опираясь на ваш опыт. Кстати, после

этого расшифровка, очевидно, окажется для меня более легким делом.

Том растерянно пожал плечами.

— Я не знаю... Я вижу все это. И картину, и стеклянную трубочку с синей жидкостью — и все это у вас.

— Том еще ни разу не ошибался, — торжественно сказала Мэри. — За картину можете не беспокоиться: я сама украду ее у отца и привезу вам.

— А синюю жидкость получите сейчас, — вдруг решила Джейн. Она медленно поднялась с пола, вышла в соседнюю комнату. Через несколько минут, прошедших в ошеломленном молчании, Джейн вернулась. Она шла к Кертису, вытянув руки, и тот поднялся ей навстречу, не в силах произнести ни слова. Джейн раскрыла ладони, и все увидели заблестевшую голубизной пробирку.

— Возьмите, — сказала девушка. — Это последняя на земле. И постарайтесь, чтобы никто не узнал, что она у вас. Иначе...

Кертис не ответил. Бережно спрятав пробирку в нагрудный карман, он благодарно поцеловал Джейн руку.

— Неужели здесь хватит на всех больных? — усомнился Дик. — В этой пробирке граммов сорок, от силы пятьдесят.

Кертис уже пришел в себя.

— Ты здорово отстал, старина. Опустился до уровня полковников. Ну, не обижайся, не надо. Синяя жидкость — не лекарство. Она нужна для экспериментов — чтобы научиться управлять прыгающими генами. А лекарственные препараты я буду создавать из обычных веществ. И это будут совершенно особые препараты. Они будут не лечить болезни, а направлять организм на уничтожение их причин...

— Сколько же времени уйдет на это? — спросила Джейн.

Кертис на мгновение задумался.

— Учитывая, что я давно уже готовлю теоретическое обоснование этого направления, лет десять, не меньше.

Будем надеяться, что за это время наш безумный мир определит свою судьбу и похоронит ядерное оружие. Есть две ситуации, в которых медику нечего делать. Первая — когда все живы и здоровы. И вторая — когда лечить уже некого...

— Но ведь Том сказал, что вы будете лечить, — возразила Мэри.

...Все разошлись, и в номере наступило молчание. Джейн уселась в кресло, чинно сложив руки на коленях. Дик стоял у окна. Далеко внизу, по узкой расщелине улицы, бесшумно ползли разноцветные пятна автомобилей, колыхалось пестрое месиво людей. Дик не замечал их, мучительно подыскивая нужные слова. Это было как при написании репортажа, когда нужные слова вот здесь, где-то рядом, но ускользают, чуть только приблизишься к ним. А он знал, что девушка ждет этих слов. Он будто читал ее мысли: «Ну же, решайся, сейчас или никогда!»

Молчание затянулось. Джейн резко встала, скрипнув каблуками, прошла в соседнюю комнату и вернулась с сумочкой через плечо.

— Пора прощаться, — холодно сказала она. — Каждый из нас выполнил свою задачу, и теперь...

— Подожди! — Дик прикусил губу. Сейчас в мыслях девушки звучало явное презрение, больно ранившее его. — Я хочу тебе сказать...

И в этот момент грянул телефон.

— Мистер Браун? — донесся из трубки профессионально приветливый голос телефонистки. Джейн он тоже был слышен. — На проводе Оклахома-Сити.

Это был шеф. Дик отодвинул трубку от уха, так он орал через тысячи километров.

— Дик, ты молодчина! Мы утерли нос всей прессе мира. Сейчас верстается экстренный выпуск...

— Это прекрасно, — сухо прервал Дик. — А теперь я хотел бы получить отпуск.

— Что?! — Шеф будто проглотил свою кукурузную трубку. — Какой еще отпуск?

— Обычный, — пояснил Дик. — По договору. Я уже два года им не пользовался.

— А сейчас что, приспичило?

— Приспичило, да еще как. Я женюсь.

Джейн, тихо ойкнув, опустилась на пол. На другом конце провода шеф, судя по всему, сделал то же самое вместе со стулом.

— Твой юмор, парень, совсем не к месту.

— Какой уж тут юмор! — вздохнул Дик. — Просто я попал в кризисную ситуацию: или женюсь, или теряю прелестную умную девушку.

Шеф уже оправился, и в голосе его зазвучал металл.

— Дик, я тебя поздравляю. Прелестная и умная — такое редкое сочетание никак нельзя упускать. Извини за пошлый штамп. Держись за нее обеими руками. Передай от всей нашей конторы самые искренние поздравления миссис Браун. Босс выделил тебе премию, дай бог каждому! Сегодня же переведу ее в Бангкок.

— Какой Бангкок?! — взорвался Дик. — Я же в Маниле, дьявол бы вас всех утащил в преисподнюю!

— Завтра будешь в Бангкоке. Ты что, газет не читал?

— Не читал, — сознался Дик. — В последние два дня мне было как-то не до развлечений.

— Ну так прочитай. За два дня — вчерашние и сегодняшние. Заказывай билеты в Бангкок, благо туда пускают без визы, и поцелуй за меня супругу в обе щеки. Когда вернетесь в Штаты, я это сделаю лично.

И он повесил трубку.

— Ты слышала, дорогая, мы летим в Таиланд. Не знаю уж, что там стряслось, но свадьбу, судя по всему, придется сыграть в самолете.

Похоже, Джейн вполне устраивало сидеть на полу. Она подогнула под себя ногу и окинула Дика странным взглядом.

— Ты хоть представляешь, кого хочешь взять в жены?

— Нет! — Дик замотал головой. — Твое прошлое меня не интересует.

— Я не о прошлом, хотя не худо бы и им поинтересоваться. Я о настоящем и будущем.

Дик сел рядом с ней на ковер.

— По-моему, ты предводительница шайки пиратов. Что-то вроде мадам Вонг, может быть, даже ее дочь. Но это меня не пугает. Просто я не могу без тебя, ты мне нужна.

— И все же ты должен знать. — Джейн побледнела, глаза ее заметались, но она тут же взяла себя в руки и открыто взглянула на Дика. — Вас приговорили — тебя и молодого Бедворта. Вы разгласили тайну и должны были умереть. Но вам обоим повезло. За такси Бедворта, когда он ехал на аэродром, гнался грузовик. За рулем был... тот самый парень, который шел с нами в горы. Он бы раздавил такси, как яичную скорлупу, но... лопнуло переднее колесо и машина врезалась в столб. Хорошо хоть сам не пострадал. А к тебе пошла я. Помнишь, ты смеялся над забавной булавкой с шариком на конце в моих волосах? Достаточно было снять шарик, слегка уколоть и... И я не смогла. Ты был такой милый... И что-то еще меня остановило. Какое-то предчувствие. И вместо этого я... — она покраснела. — А потом мы решили: значит — судьба. И ты должен исправить дело: написать, предупредить человечество. Вот теперь и подумай: можешь ли жениться на женщине, способной на убийство?

— Все равно, — сказал Дик. — Ты мне нужна.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Джейн первая отвела взгляд.

— Я знаю, что нужна тебе, — тихо сказала она. — И сама я как-то привязалась... Но... но...

— Дорогая, ты ведь уже решила. И у нас нет сейчас времени на долгие разговоры. Надо заказывать билеты

и подобрать газеты — что там стряслось, в этом проклятом Таиланде?

Джейн согласно опустила веки. Дик легко вскочил на ноги, снял телефонную трубку. Кончив разговор, он повернулся к Джейн. В глазах его мелькнула растерянность.

— Странная вещь, малыш. Я знаю, о чем ты сейчас подумала.

Девушка подошла к нему, прижалась щекой к щеке.

— О чем же?

— Ты подумала, что у нас никогда не будет времени на долгие разговоры.

— Ну и жизнь нам предстоит! — сказала будущая миссис Браун.

...Мэри и Том, взявшись за руки, медленно брели по душным улицам Манилы. И в бурлящей разноцветной толпе, говорящей на всех языках мира, чувствовали себя как на необитаемом острове.

— Значит так, Том, — деловито наставляла Мэри. — Ты напрягись и рассмотри во всех подробностях, как я буду тибрить у отца эту картину, а потом мы как следует отрепетируем. Все должно пройти о'кэй. Понятно?

Вместо ответа Том коротко расхохотался и изумленно округлил глаза.

— Что это с тобой? — недовольно спросила Мэри.

— Да не со мной. Я про мисс Джейн и мистера Брауна. Вот умора! Представляешь, они всю жизнь будут скрывать, что умеют читать мысли друг друга. Этим их наградила синяя жидкость. Он знает все, что она о нем думает, а она — что он.

— Бедная Джейн! — сказала Мэри.

ДУЭЛЬ НЕРВНОГО ВЕКА

Фантастическая повесть

Нет на свете таких обстоятельств, которые нельзя было бы изменить в результате целеустремленных действий.

Герберт Уэллс

— Вы исчерпали мои возможности, — сказал Координатор. — И я уже перестаю понимать, с какой целью вы стремитесь в прошлое. Вам предложили самых интересных лидеров той эпохи. И в то время, как ваши коллеги...

— Мои коллеги заблудились в ваших кандидатурах, как в трех соснах. Кстати, это поговорка из той эпохи, —

усмехнулся Историк. — Они пали жертвой элементарного смещения попятий. Объективно оценивая роль личности в истории, они почему-то уверились, что только через личность можно и понять историю, познать суть эпохи, ее общественное самосознание. А что из этого получилось? Становясь попеременно тенью одного и того же лидера в расцвете его преобразовательской деятельности, они повторили все его шаги, зафиксированные документально. И разошлись в действиях, документами не отмеченных. Действиях локальных, не отразившихся на эволюции общества. И теперь ожесточенно спорят об этих мелочах: кто действовал адекватнее. Тратят время на чепуху. Так ли постигают эпоху?

— Несомненно, вы избрали лучший метод. — В голосе Координатора скользнула ирония.

— Да, я избрал лучший метод, — спокойно сказал Историк, игнорируя выпад собеседника. — Эпоха постигается через обывателей, не подозревающих о тайных политических пружинах и потому воспринимающих зигзаги общественного развития как нечто предопределенное. Стать средним, ничем не примечательным человеком, раствориться в его образе мышления, пережить его повседневные заботы — только так можно постигнуть эпоху. Через повседневность, адаптируясь к ее реалиям. А лидер к эпохе не приноравливается — он ее творит.

— Я предлагал то, что имел, — пожал плечами Координатор. — Большой Мозг проводит титаническую работу, воссоздавая человека по сохранившимся документам, воспоминаниям, видеокадрам. Знаете, сколько уходит энергии на синтез одной личности? Для корабля типа «Центурион» ее хватило бы, чтобы пересечь галактику. Но дело не в этом. Просто материальная память о ничем не примечательных людях на большом отрезке времени, как правило, не сохраняется. Вот почему в нашей мнемотеке одни исторические личности. Они тоже весьма обостренно воспринимают свою эпоху. Хотите артиста?

— Нет, артиста я не хочу, — отказался Историк, разочарованно поднимаясь. — Значит, больше вы ничего не можете предложить?

— Сядьте, — усмехнулся Координатор. — Вам повезло: есть один вариант. Средний чиновник, судьбу которого круто переломил поворот истории. Я бы сказал так: герой эпохи и ее жертва. Поэтому им и заинтересовался Большой Мозг. К сожалению, добытых нами сведений не хватило до адекватной пормы, степень вероятности крайне низка — девяносто восемь процентов. Но других вариантов нет. Возьмете?

— Пожалуй, — нерешительно протянул Историк. — Хотя чиновник, приученный к исполнительности и шаблонному мышлению, — это не совсем то, чего бы хотелось. Но поскольку других вариантов нет...

— Решено, — сказал Координатор. — Мы создадим для вас ситуацию. Только не забывайте: девяносто восемь процентов. Возможно, они не повлияют на адекватность, но скорее всего созданная вокруг вас действительность будет несколько отличаться... Какие-то события пойдут по иному руслу.

— Я всегда был слаб в физике, — рассмеялся Историк. — И до сих пор не могу понять, как можно исказить запрограммированную заранее ситуацию. Со школьной скамьи я знаю, что время, подобно свету, отбрасывает тень — не только предметов, но и явлений, — которые оказываются в его поле. Но ведь тень не может быть самостоятельной. Она полностью копирует оригинал.

— Не совсем так. Тень отбрасывается временем в параллельное пространство. Да, это копия оригинала, но отстоящая от него на кванты времени. И в определенных условиях получающая некую степень свободы. В данном случае это недостающие два процента, которых невозможно запрограммировать и которые могут ощутимо повернуть ход истории. В свою очередь, копия тоже отбрасывает тень в соседнее пространство, а та свою тень и так далее до бесконечности. Вот почему

можно попадать в прошлое. Время идет только в одну сторону, и двигаться против его хода невозможно — это поняли еще в древности. Но нет ничего более легкого, чем передвигаться в пространстве. Ходить, плавать, летать и, свертывая пространство, протыкать его силовым полем. Овладев переходом из одного параллельного мира в другой, мы стали передвигаться и во времени, попадая в любую нужную эпоху. Разумеется, только в прошлое. Путешествия в будущее, вы знаете, запрещены из моральных соображений.

— Не только моральных. Путешествия в будущее опасны для человечества.

— Я думаю, Большой Мозг сумел бы нейтрализовать любую опасность. Но это беспредметный разговор. Вернемся к делу. Имейте в виду: если переход в прошлое с выключенным сознанием проходит безболезненно, то возвращение, когда к теневому сознанию подключается ваше истинное «я», крайне тяжело. И если ваша генная наследственность не в порядке...

— В порядке, — сказал Историк. — Медики обследовали мои гены до седьмого колена, как положено, и дали «добро». Так что выдержу.

— Я обязан предупредить. Что ж, тогда готовьтесь. И не забудьте: в ваших интересах как можно скорее представить после возвращения отчет для Большого Мозга. Тогда мы полностью уберем теневое сознание, и вы войдете в норму. Две недели — оптимальный срок.

— А разве не вы будете читать отчет?

— Я читаю все отчеты, — вздохнул Координатор.

1

Что-то сдвинулось в сознании. Будто с треском лопнула черная завеса, и хлынувший свет стремительно швырнул мне в глаза незнакомое тесное помещение, заставленное неудобной, с острыми углами мебелью. И я невольно зажмурился и отступил на шаг, не в силах

принять эту действительность, которая ждала, чтобы я вошел в нее, растворился в ней без остатка. Будто навязывала мне правила жестокой игры, в которую — никуда не денешься — придется играть.

Так продолжалось мгновение. А потом откуда-то извне начала приходить память, поднимаясь, словно из глубокого колодца, и высвечивая деталь за деталью. Так, наверное, приходит в себя после тяжелой операции больной, медленно выплывая из наркоза и постепенно, явление за явлением, осознавая реальность. И шевельнулось спасительное удивление: как же это я не узнал... Ну конечно, моя квартира — с осени не мытые окна, проходя через которые свет, казалось, обретал тягучую плотность; дурацкая люстра с пыльными, торчащими вверх плафонами, в которых валялись дохлые мухи; лежащий на ковре мужчина... Труп!

Труп был ужасен. Не только лицо — в сине-багровых пятнах с закатившимися под веки зрачками, так что в глазницах тускнели белки, как несвежие облупленные яйца. Ужасна была и фигура — неестественно вывернутая, с выпирающими из-под задранной рубашки ребрами и вдавленным животом. Ноги были скручены, будто их кости размолотили в порошок. Руки, перевитые жилами, вцепились в горло, разорвав воротник. Каждая часть тела словно умирала сама по себе, постепенно теряя привычную форму. Казалось, на полу лежала грубо раскрашенная глиняная статуя, растоптанная взыскательным скульптором.

Мне и раньше приходилось видеть мертвецов. Правда, сейчас я не мог вспомнить ни одного, но твердо знал, как должны они выглядеть в гробу, после наведения приличествующего макияжа — с умиротворенным лицом и благопристойно сложенными руками. Такие мертвецы вызывают минорное почтение и не блещущие новизной мысли о бренности всего земного. Здесь же смерть выступила в своей обнаженной сути — не как логическое завершение бытия, а как торжествующая разрушитель-

ница, орудие безжалостного времени, покрывающего мглой забвения судьбы людей и народов.

Я философствовал от страха, потому что этот труп в моей квартире кричал об опасности. Опасности холодной и неотвратимой, как болотный туман. И, привалившись к телефонному столику, сжимая в руке трубку, которую так и не положил на рычаг с тех пор, как вызвал милицию, я упорно старался преодолеть отвратительную дрожь, от которой тошнит, слабеют ноги и чувствуешь себя голым и беспомощным.словно птенец, вывалившийся из гнезда в неведомый мир, где каждая секунда может оказаться последней. И ты пропускаешь их через себя, эти секунды, — одну за другой...

Я и был в неведомом мире. И одновременно в странно знакомом. Память продолжала выплескивать все новые и новые подробности. И я уже знал, почему так запущена моя квартира, хотя мне все еще казалось, что я впервые распахнул ее двери: из-за событий последних месяцев, полностью выбивших меня из колеи. А направлял события человек, лежащий на ковре. Я еще не мог вспомнить, кто он, этот мертвец, но уже твердо знал, что вся моя жизнь связана с ним.

Считается, что знакомая обстановка помогает обрести душевное равновесие. Но непривычное горизонтальное положение человеческого тела исказило геометрию комнаты. Я блуждал взглядом по стенам, будто и в самом деле впервые попал сюда. Квартира стала чужой, враждебной. Выпятилось неудачное расположение телевизора в углу, старенькой радиолы на табуретке от кухонного гарнитура (до сих пор не удосужился купить тумбочку), книжного шкафа рядом. Эта часть комнаты была перегружена вещами, поэтому противоположная, где был только диван и лежал труп, казалась до неприличия голой. «Надо бы переставить книжный шкаф», — мелькнула неуместная мысль.

Я старался не смотреть на мертвеца — естественная реакция здоровой психики после первого приступа любо-

пытства. Но, даже глядя в сторону, отчетливо видел его. А потом увидел и портрет... Как же я его раньше-то не заметил — карандашный набросок, сделанный бывшей приятельницей, студенткой художественного училища. Она рисовала, лежа на диване, на листе обычной писчей бумаги. Мы как раз окончательно рассорились, и я не мог скрыть облегчения. Это ее взбесило, и, на мой взгляд, без всякой логики, поскольку она пришла с твердым намерением объявить о нашем разрыве и усиленно демонстрировала, как рада от меня избавиться. Очевидно, ей хотелось, чтобы я сыграл сожаление, раскаяние или чего там еще, может быть, уговаривал ее остаться, словом, выдержал джентльменский стиль. Бросая на меня мстительные взгляды, она несколькими штрихами изобразила мое лицо. Строго говоря, это был не шарж — его всегда можно оспорить. Здесь же был вполне реалистический портрет. Но слишком безвольные губы-шлепанцы, слишком круглые наивные щеки, слишком самоуглубленное выражение глаз... Только женщина может так без промаха отомстить. Потом она приколотла листок к стене, оделась и ушла, чтобы больше не возвращаться. Кажется, через месяц или полтора я нашел за диваном какую-то часть женского туалета. Случайно или нет, но многие мои приятельницы после ссоры забывали у меня свои вещи, только никогда за ними не возвращались.

Рисунок мне не нравился. Но откалывать его я сначала поленился, а дальше привык и перестал замечать. И вдруг мне показалось, что они смотрят друг на друга — портрет и покойник. Затаенный взгляд одного в смятении погрузился в безумные, выскочившие из орбит глаза другого. Будто, прощаясь, подводят итог давнему спору... О чем они говорили, какое соглашение заключили между собой? Да и было ли соглашение?

Только они двое имели право находиться в этой комнате. Я был здесь лишним.

И словно мало было мне унижительного страха, так еще накинuloсь щемящее чувство бездомности. Никогда

больше квартира не станет той уютной раковиной, в которую прячешься по вечерам, чтобы снова стать самим собой. Я вдруг почувствовал, как она дорога мне с этой неудобной мебелью и дурацкой люстрой, которую пришлось купить, потому что ничего приличного в магазинах не было. А тут еще эти люди — следовательно, врач, фотограф и еще два-три человека, роль которых я не мог определить. То, что они делали, было знакомо по детективам, только действовали они как-то не по-книжному: медленно, будто нехотя, без четко видимого плана, без смелых гипотез и мгновенных решений. Так, исполняли рутинную каждодневную работу. Фотограф лениво пощелкал затвором из разных точек, а врач, совсем молодой парень в модных «варенках» и с модной бородкой, мельком оглядел труп, встав на колени, обнюхал губы мертвеца и отрешенно застыл на кухне. С лица его не сходила гримаса, обиженная и брезгливая одновременно. И он уныло барабанил пальцами по стеклу, трам-та-ра-рам, трам-та-ра-рам, как зубилом по нервам.

На меня они вообще не обращали внимания. Спросили, я ли их вызвал и являюсь ли хозяином квартиры, и тут же забыли обо мне. Впрочем, это к лучшему. Я начал постепенно успокаиваться. Исчезла наконец противная дрожь, и я представил, как глупо выгляжу с телефонной трубкой в руке, будто привязанный к столу. Это был уже признак самообладания, и я обрадовался ему, как хорошей примете. Чтобы еще больше самоутвердиться, не спрашивая разрешения, прошел на кухню, сел на табуретку и с наслаждением закурил. Здесь было легче — все знакомо и не видно мертвеца. Лишь бы унылый доктор перестал барабанить.

Следователь тотчас подошел ко мне, словно только и ждал, когда я расстанусь с телефоном. Был он невысок, худощав, лет под пятьдесят и больше всего походил бы на школьного трудягу-учителя, вечно озабоченного, как бы ребяташки лучше усвоили материал, если бы пиджак не сидел на нем как китель.

— Очухались? — доброжелательно спросил он, прикуривая от моей сигареты. Я кивнул, незаметно ущипнув себя за ногу, в которой опять появилась дрожь. — Ну и отлично. Такое зрелище хоть кого... — Он не закончил фразу и, затянувшись, показал глазами на стенку, за которой лежал труп. — Родственник?

— Избави бог, в первый раз вижу. Пришел вот с работы, а он лежит...

— Вот как! — Он был неподдельно заинтересован. Выдвинул из-под стола еще одну табуретку, плотно уселся на нее и сказал: — Прежде всего давайте познакомимся. Майор милиции Семен Николаевич Козлов.

— Корнев Юрий Дмитриевич, работник министерства...

— Так, так. — Он помолчал, неглубоко затягиваясь. На лицо его набежала тень, но уже через секунду оно не выражало ничего, кроме участливого любопытства. Облокотившись локтем на стол, он глядел мимо меня, но я чувствовал, что ни одно мое движение не остается незамеченным. И ощущение опасности не проходило, пронизывая мозг и сердце. — Так как же могло случиться, Юрий Дмитриевич, что незнакомый человек проникает в вашу квартиру, без взлома замков, заметьте, и гибнет от отравления?

Я пожал плечами.

— Надеюсь, вы мне это и объясните. На то вы и милиция.

Это было здорово сказано, и я обрадовался, что с ходу нашел такой великолепный ответ. Значит, со мной все в порядке.

— Так, так, логично. — Он улыбнулся, ничуть не обидевшись. — Тогда прошу проверить личные вещи. Возможно, просто кража со случайным отравлением...

Вот это он зря. Мне даже стало неловко: совсем дурачком меня считает? Но правила игры здесь устанавливаю не я. И я ответил в тон, по-моему, очень натурально:

— Какие у меня ценные вещи! Часы — на руке, фотоаппарат, пара костюмов — кому они нужны? А потом, мне кажется, грабитель не стал бы оставлять на память свой труп.

Майор засмеялся. Видно было, что он понимал и ценил юмор. Я с пиететом отношусь к таким людям, принимающим шутку в любой ситуации, даже если она направлена против них. И мне стало легко и свободно. Обычно с работниками органов невольно чувствуешь себя скованным, даже если ни в чем не виноват. Так уж воспитаны у нас честные люди, особенно если они прошли страшную школу культа личности. Впрочем, за кем не водится мелких грешков, хотя бы в мыслях! Да и работники правоохранения у нас, как правило, суровы и непреклонны, находясь «при исполнении»... А тут — широкое добродушное лицо, сеть ранних морщинок, маленькие голубые глазки под белесыми бровями, быстрый московский говорок... Ни дать, ни взять душа-мужичок, какой имеется в каждом доме, главный активист на жэковских субботниках, с которым все жильцы запанибрата. Наверное, если бы не этот его распростецкий вид, я не решился бы так лихо вернуть про труп на память.

— Преступник свой труп и не оставлял. Он оставил труп своего товарища.

— ?!

— Их было двое.

У меня, очевидно, сделался здорово обалделый вид, потому что майор невольно улыбнулся. Но тут же нахмурился: почему-то мое удивление ему не понравилось. Будто я его в чем-то обманул. Все это длилось несколько мгновений, а потом лицо его снова стало профессионально доброжелательным. Только взгляд изменился — начали в нем проскакивать колющие звездочки.

— Пойдемте, Юрий Дмитриевич, я вам объясню. Пойдемте, пойдемте, на тело можете не смотреть.

Он мягко потянул меня в комнату. Пришлось подчиниться.

— Видите? На столе бутылка коньяка, ваза с яблоками и одна рюмка. Одна, заметьте. Все обставлено так, будто ваш гость, — я вздрогнул, и майор ободряюще похлопал меня по плечу, — ...будто ваш гость выпил в одиночку и почил в бозе. Только этого никак не могло быть, и вот почему: если коньяк отравлен, а я уверен, что это так, то больше одной рюмки он выпить не мог — яд быстродействующий. А судя по бутылке, здесь выпито больше, как раз на одну рюмку больше. Значит, надо искать вторую рюмку.

— Вы уверены, что это единственный вариант?

— Абсолютно. Не будь вы так расстроены, что вполне естественно, вам не надо было бы объяснять, что в случае отравления, если оно не нечаянное, может быть только два варианта — убийство или самоубийство. В данном случае нечаянное отравление исключается, отраву в коньяк подмешивают только с намерением. Самоубийство тоже отпадает: кончать счеты с жизнью не приходят в чужую квартиру. Разве что хотят довести до инфаркта заклятого врага, чтобы вместе направиться на тот свет, но это уже из области фантастики. Поэтому...

— Поэтому ищите вторую рюмку, — согласился я. Конечно, это был абсурд. С таким же успехом можно искать единственное антоновское яблоко в вагоне. Но не спорить же с милицией.

Майор пытливо взглянул на меня и сказал очень просто:

— Уже нашли. Она в буфете на кухне.

Он повел меня на кухню, держа за руку, будто я не ориентировался в собственной квартире. Ладонь у него была теплая и неожиданно мягкая. Я вдруг вспомнил, как в детстве, испуганный и трепещущий, плелся в угол за воспитательницей детского сада. Не помню, что я натворил, но в память врезался этот бесконечный мучительный путь. А на самом деле всего-то было несколько шагов.

В дверях мы столкнулись с доктором. Тот направлял-

ся к мертвому, держа впереди себя потертый чемоданчик из тех, которые так и называют докторскими. По крайней мере, я так предполагаю, поскольку никогда таких чемоданчиков не видел, но в детективах они обязательно упоминаются. Еще двое сотрудников сосредоточенно рассматривали мебель — один в комнате, другой в кухне. Остальные куда-то исчезли. Не составляло особого труда сообразить, что они пошли по соседним квартирам.

— Вот где у вас хранятся рюмки, — майор потянул дверцу буфета. — Шесть штук в проволочной подставке. Одной нет, она на столе. А вот эта... — он достал рюмку. — Видите?

Да, разумеется, яблоко отыскать труднее. Не нужно быть Эркулем Пуаро, чтобы понять, в чем дело. Рюмка была недавно вымыта. Даже капля воды на донышке не успела высохнуть.

— Поскольку вы, придя с работы и наткнувшись на труп, наверняка не поддали для бодрости, то рюмку вымыл убийца. Одно только непонятно: убийца наполнил обе рюмки отравленным коньяком, но как сумел не притронуться к своей? Ладно, придет время — узнаем.

Черт побери, сколько же я проторчал в столбняке у телефона, раз они успели обшарить всю квартиру и даже построить версию драмы, разыгравшейся здесь!

— Сядьте, — майор пододвинул мне табурет, сам сел на второй. — Постарайтесь вспомнить, когда вы потеряли ключи от квартиры?

Я замотал головой.

— Исключено. Деньги терял, ключи никогда.

— Так, может, давали кому-нибудь?

Вот оно! Что ж, рано или поздно, он бы об этом спросил.

— Давал. Сегодня. Своему сослуживцу Борису Сергеевичу Гудимову, — и, предупреждая вопрос, который так и висел на языке майора, торопливо добавил: — Но это не он. Не он. И лицо, и рост... Он гораздо ниже.

Майор не сводил с меня взгляда. Это был спокойный, внимательный взгляд, уже ничем не напоминавший учительский. Я бы сказал, что это был гипнотизирующий взгляд, если бы наша официальная философия не относилась к явлениям сомнительным, ближе к метафизическим, а потому скорее всего ложным. И вообще майор уже не походил на простачка. Так в сказке Иванушка вдруг оказывается умнее всех. Глаза его вынырнули из морщин — уже открыто острые, пронизательные, и мне стало неуютно, как человеку в переполненном троллейбусе, забывшему взять билет и наравшемуся на контролера.

— Рост кажется больше, когда тело лежит на полу, — медленно проговорил он. — А лицо...

В кухню вошел доктор, все так же неся чемоданчик перед собой.

— Разумеется, отравление, — с гримасой сказал он. — Какая-то бытовая гадость. Работал дилетант таким количеством яда можно уничтожить роту десантников. Как только его не вырвало...

— Когда наступила смерть? — спросил майор, не отводя от меня взгляда.

— Пять-семь часов назад.

Майор выпрямился, все так же держа меня под прицелом.

— Ну что ж, Юрий Дмитриевич, пойдёмте посмотрим, что за птица залетела в ваше гнездо.

И пропустил меня вперед.

Вблизи мертвец был еще страшнее. Правая нога так неестественно вывернулась, что казалась тряпичной, приделанной от огромной куклы. Я как уставился на эту ногу, так и не мог оторваться. Майор ловко распахнул пиджак убитого, полез в карманы.

— Служебное удостоверение, — сказал он, глядя на меня снизу вверх.

И стремительно, будто пружина, распрямившись, на одном дыхании прочитал:

— Гудимов Борис Сергеевич.

Он глядел на меня, а я молчал. Перехватило горло. Я смог только через силу покачать головой. Потом, напрыгшись так, что шею свело судорогой, вернул себе голос.

— Не может быть! Это не он.

Майор сел на диван, у которого лежал мертвец, усадил меня рядом. Я поджал ноги, чтобы не коснуться трупа.

— Возьмите себя в руки, Юрий Дмитриевич, это, конечно, ваш друг. Не сослуживец, как вы сказали, а именно друг. Просто сослуживцу вы бы не дали ключи от квартиры. Но зачем понадобилось вашему другу находиться здесь, в этой квартире, да еще в рабочее время?

То, что он говорил, все было правда и все — ложь. Но не объяснять же ему...

— Видите ли, — я как можно шире развел руки. — Не знаю даже, как сказать, чтобы вы поверили...

— Да уж как-нибудь скажите, — добродушно отозвался он. Глаза его опять нырнули в морщины, но теперь я был настороже.

— К счастью, у меня есть свидетели... Гудимов попросил ключи, чтобы спокойно поработать. Так он сказал по крайней мере при сотрудниках.

— А что он сказал не при сотрудниках?

— Я проводил его немного по коридору. Он был чем-то расстроен. На мой вопрос только раздраженно махнул рукой и пробурчал: «Ох уж это бабье, свяжись только!» Дело в том, что у него была женщина на стороне. Очевидно, им нужно было увидаться в спокойной обстановке и выяснить отношения.

— Кто же эта женщина? — Похоже, майор ничуть не поверил мне. Да и я сам чувствовал, как глупо, по-детски, звучат мои объяснения.

— Понятия не имею. Я слышал о ней, но видеть не

привелось. Не настолько мы были близки с Гудимовым, чтобы он представлял мне своих любовниц.

Зря я это сказал, хотя все было правдой. Но такой правдой, которая ничего не объясняет.

— Так, так... — майор с хрустом потер ладони. — Женщина, говорите? Пришла в чужую квартиру и отравила любовника, вы ведь это хотите мне внушить. Что же, она со своим коньяком приходила? Хотя, конечно, современная женщина может... Она и курит, современная женщина. В пепельнице свежие остатки пепла, разных сортов, заметьте. Окурков, правда, нет. Очевидно, их выбросили в унитаз. Значит, курили оба, но... разные сигареты. А женщина не будет курить свои, если рядом близкий человек. Не ради экономии, просто ей так приятнее.

Он рассуждал неторопливо, будто сам с собой, но все это прямо относилось ко мне.

— Ну а мокрую рюмку тоже женщина поставила в буфет? Ведь полотенце-то кухонное рядом висит. А женщина, если она все продумала, такую мелочь не упустит. Это уже рефлекс. Нет, Юрий Дмитриевич, не было тут женщины. Придется вам...

— Семен Николасвич, — позвали из прихожей.

— Извините, — майор поднялся и вышел.

Вернулся он почти тут же, неся в руке носовой платок — маленький, розовый, с кружевами. И, словно чтобы не оставалось сомнений, посередине платка шла жирная полоса помады. Честное слово, майор был расстроен. Он явно заподозрил меня. Да и как не заподозрить — одна рюмка чего стоит. И вдруг — платок... —

— Значит, женщина все-таки была, — сердито сказал майор. — Придется вам, Юрий Дмитриевич, посидеть на кухне, пока мы займемся убиенным. Подглядывать не рекомендую: зрелище не из вдохновляющих.

Они возились около часу. Снова обыскали всю комнату, несколько раз перевернули труп (было слышно, как со страшным стуком ударялись о пол конечности),

сняли отпечатки пальцев с буфета, стола, дверных ручек. Потом молодой человек ловко и необходимо взял мои отпечатки и любезно проводил меня в ванную, где я долго отмывал пальцы.

Наконец Гудимова унесли на носилках санитары, вызванные майором по телефону. Потом ушли и работники розыска. На прощанье майор спросил:

— Кстати, Юрий Дмитриевич, вы сегодня с работы не отлучались? По служебным делам, разумеется.

— Абсолютно нет. Можете спросить сослуживцев: весь день был у них на глазах.

— Это уж позвольте нам судить, кого спрашивать, — буркнул он. Впервые ему изменила выдержка. — И последний вопрос: как часто вы устраивали из своей квартиры дом свиданий?

— Первый раз в жизни, — сконфуженно признался я. — И то, как видите, неудачно.

Я не солгал. Действительно впервые я дал Борису ключи от своей квартиры. Более того, он вообще впервые был у меня. Первый раз оказался и последним.

— Ну ладно, — сказал майор. — Отдыхайте, если сумеете. А еще лучше — сходите в кино или ресторан. Только ни в коем случае не надирайтесь дома, в одиночку. Это не для вас.

Совет пришелся тем более к месту, что мне и самому невольно было оставаться в квартире, где каждая вещь, казалось, причастна к преступлению. Особенно портрет... Как не обратили на него внимания сыщики? Впрочем, это я уже впадаю в тихое помешательство. При чем здесь портрет? Мало ли что померещится с расстройства. Надо взять себя в руки. Однако перед уходом я содрал рисунок со стены, разорвал в клочья и на лестничной клетке выкинул в мусоропровод. Милиция уехала в одном лифте, едва закрылись его двери, я вызвал другой и провожал взглядом «Волгу» с красной полосой, пока она не скрылась за углом. Весь дом уже знал, что произошло. Жестикующие у подъезда женщины разом замолкли

и вцепились в меня страждущими взглядами. Они показались мне незнакомыми, все на одно лицо, хотя раньше я с каждой здоровался при встрече. Они и были на одно лицо — одинаково одухотворенные смачным любопытством.

И улица тоже изменилась. Такой я ее не помнил. Что-то чужое, холодное появилось в ней. Вновь показалось, будто перешагнул я запретную черту и попал в злой мир зазеркалья, где все похоже на наше, но все — карикатура. Узкие тротуары, крутой изгиб мостовой, исчезающей за серым облупленным домом с колоннами, причудливый узор из трещин на асфальте — все это вдруг повернулось незнакомой стороной, обросло множеством новых деталей и стало неузнаваемым. Так иногда открываешь вдруг новое звучание в с детства знакомом слове, и оно становится совсем другим — загадочным и мудрым, будто пришло из другого, тысячи лет назад умершего языка, и ты мучительно ищешь в нем первозданный сокровенный смысл.

Нет, у меня просто не хватало сил идти по этой улице, как не хватает сил у осужденного пройти последние метры до эшафота. Я поспешно свернул в переулок, потом в другой. Лишь бы подальше отсюда, подальше от дома, где так неожиданно был разрублен клубок, в который сплелись судьбы пяти человек. Я не шел — бежал, размахивая руками и бормоча что-то про эти судьбы. Встречные провожали меня странными взглядами. Я чувствовал эти взгляды спиной и невольно спотыкался.

Выручил троллейбус. Он внезапно возник у кромки тротуара, и я кинулся в его двери, будто там ждало избавление. И действительно, как только машина тронулась, я сразу успокоился. Народу было много. Меня тискали, давили, просили передать на билет, и ощущение, что я растворен в толпе, окутывало призрачным облаком безопасности.

Но чем дальше двигался троллейбус, тем больше пустел. Я стоял на задней площадке, и пассажиры прохо-

дили и проходили мимо, исчезая за вечерними стеклами. Когда осталось всего несколько человек, я не выдержал и, подчиняясь внезапному импульсу, выпрыгнул на тротуар.

Около огромного, сверкающего огнями здания в форме раскрытой книги стояла толпа, по большей части молодежь. Наиболее нетерпеливые парочки тискались у всех на глазах, остальные чего-то ждали. Я забился в самую середину и тоже ждал, не зная чего, лишь бы не быть на открытом месте. Потом двери медленно разошлись, все куда-то двинулось, и я со всеми. И, только споткнувшись о ступеньки, я поднял голову и прочитал полыхающую в ультрамариновом небе надпись: «Арбат». Сколько раз я гулял в этом ресторане: почему-то приезжающие из провинции директора заводов предпочитали приглашать министерское начальство именно сюда, где все подавляло безвкусной помпезностью. Вот, значит, куда я бессознательно стремился — в толпу, в шум, в музыку, в вино...

Мне повезло: достался столик в самом углу, у окна. Правда, за стеклами сновали люди, но теперь это меня не беспокоило: все-таки между нами была хоть и призрачная, но преграда. Я тянул коньяк, почти не закусывая, пока перестал отличать полуголых танцовщиц варьете от их затянутых в трико партнеров. Потом напротив меня неизвестно как оказалась некая особа, на которой платья было еще меньше, чем на танцовщице, а прическа... Что-то знакомое. Ну да, Женя Левина пришла недавно на работу с такой прической и объявила, что сейчас это — самое, самое. А называется... Я напряг память. Точно: «Я упала с самосвала, тормозила головой». И лицо этой особы было мне смутно знакомо, где-то я определенно ее видел. Такое холеное лицо, капризное. Я пытался выяснить, где мы встречались, но язык у меня заплетался, и никак не удавалось связать слова в толковую фразу. А женщина была чем-то встревожена, что-то пыталась у меня узнать, очень важное

для нее, и в гневном отчаянии стучала по столу кулаками. Почему-то меня это очень смешило. Потом она исчезла, а меня будто током ударил ее взгляд, который она бросила, уже отходя от столика, — поток презрения. Я выпил еще немного и сам не знаю, как очутился в вестибюле. Швейцар ласково придерживал меня за плечи и уговаривал быть панькой, идти домой. И я потащился домой, держась для верности поближе к стенам и распевая на все лады прилипшую почему-то фразу «Шерше ля фам, мистер Шерлок Холмс, шерше ля фам».

2

Защитная реакция мозга — вот что такое эти мои внезапные провалы памяти. Оберегая себя от перенапряжения в экстремальной ситуации, мозг резко ограничивает приток информации... Я случайно прочитал это в газете, в репортаже о работах Бехтеревой, и мне сразу стало легко: значит, я не свихнулся. Наоборот, мой мудрый мозг делает все, чтобы я остался нормальным человеком. Потому и память до сих пор пошаливает. Нет-нет да и приходится мучительно напрягаться: кто же этот человек, что поздоровался со мной? А через пару секунд вспоминаешь: мой же сотрудник. Интересно, что каждого человека мне приходится вспоминать только один раз — дальше память работает бесперебойно.

Мое алиби доказано. Правда, я в этом не сомневался, но все же на душе становилось легче, когда сотрудники, кто раньше, кто позже, подсаживались к моему столу и, озираясь, шепотом сообщали, что некие посторонние товарищи очень и очень интересовались, не отлучался ли я с работы в тот день. И как эти товарищи упорно сомневались, что я действительно не отлучался.

Министерский коллектив — сложный конгломерат индивидуальностей, где каждый мнит себя личностью, которую судьба в чем-то обделила. Как в театральных труппах, только у нас нет антрактов. Придя в это серое

неуклюжее здание с огромных комбинатов и небольших заводов, с шахт и карьеров, мы очень скоро начали понимать, что променяли *дело* на видимость деятельности, а конкретное руководство производством, где многое зависит от твоих деловых качеств, на призрачную власть, в которой твоя личность не играет никакой роли. Производственники в нас не нуждаются, они свою работу делают. А от нас требуется только одно — дать. Или, если применять обтекаемую бюрократическую технологию, — обеспечить предприятия. Обеспечить всем — фондами на сырье, оборудованием, средствами... Считается, что мы проводим техническую политику в отрасли, финансовую политику, экономическую политику, только, с какой стороны ни глянь, все выливается в одно — дать, дать, дать... Конечно, чтобы правильно дать — кому нужно и сколько нужно, — необходим и опыт, и знания, и способности. Надо быть хорошим инженером или экономистом. Но такого значения, как на производстве, здесь это не имеет. Посидишь год-два в министерских стенах, и, если у тебя за плечами лет десять производственного стажа, ты уже можешь работать кем угодно — хоть старшим инженером, хоть главным специалистом. Может быть, я и ошибаюсь, но в таком случае ошибаются все в «департаменте», ибо это расхожее мнение. А оно определяет и взаимооценку людей, каждый из которых не сомневается, что справился бы и с более высокой должностью, поскольку на любом министерском уровне идет не дело, а видимость... В этом — ключ к нашим отношениям между собой.

Потому так и тронула меня доброжелательность сотрудников. Даже Головки, мой заместитель, а до этого заместитель двух моих предшественников, «вечный зам», как называли его за глаза, сказал мимоходом, криво усмехаясь (он всегда криво усмехался, когда говорил гадости):

— Спрашивали мое мнение о твоей личности, Юрий Дмитриевич. В частности, способен ли ты на поступок.

Не обижайся, но я сказал честно: не способен. Друг начальника — вот главное твое достоинство.

И хотя похвала эта звучала весьма двусмысленно, я был благодарен и Головки.

Но особенно умилил меня Иван Афиногенович, наш старейший работник, живая история министерства еще с наркоматовских времен. Родных он давно потерял и, кажется, решил работать до последнего вздоха. Да и что бы он делал на пенсии один-одинешенек? К тому же он страшно боялся перемен. На столе у него царил раз и навсегда установленный порядок, и если вечером уборщица нечаянно сдвигала календарь, то утром он, огорченно вздыхая, первым делом водворял его на положенное место. От любого самого незначительного изменения существующего порядка он ожидал самых ужасных последствий. В тридцать восьмом его привлекли по делу соседа, который что-то такое ляпнул на коммунальной кухне. Поначалу следователи и сами не определились, в каком качестве его привлекать: не то свидетелем, не то соучастником. Допрашивали его две сменные бригады двенадцать часов подряд, и все двенадцать часов он упрямо твердил в полуобморочном состоянии, что в этот вечер был в кино и при скандале на кухне не присутствовал. О чем бы его ни спрашивали — какой образ жизни ведет сосед, кто к нему ходит, не цитирует ли троцкистскую литературу, — он твердил про кино... Вряд ли он даже понимал эти вопросы. В конце концов измотанные следователи решили, что такого упорного врага народа лучше оставить свидетелем. Он и в суде на все вопросы твердил, что ходил в кино и ничего не знает. Не лучшие показания дали и другие жильцы, кроме одной стервы. Та твердо заявила, что сосед постоянно включает чужие лампочки в кухне и уборной (в коммуналках это бывало: каждый жилец имел свою лампочку в общественных местах и, разумеется, свой счетчик) и вообще он не наш человек, так как постоянно ворчит про очереди. Этого оказалось достаточным.

Сосед был полностью изобличен как клеветник на советскую действительность и получил десять лет (тогдашняя норма), а Иван Афиногенович так перепугался, что даже выбросил модное в то время пенсне, придававшее ему благородный, несколько старомодный облик. Страх не покинул его и по сию пору.

Когда объявили перестройку, мы боялись, что старику — конец. Ведь перестройка — это сплошные перемены. Но, к нашему изумлению, Иван Афиногенович явно воспрянул духом. Он стал быстрее двигаться, шире улыбаться, вступать в разговоры, не касающиеся работы, и даже выслушивать анекдоты. Раньше он делал каменное лицо и бочком, словно краб, отползал в сторону, едва кто-нибудь начинал: «А вот свежий анекдот...»

Когда на партгруппе обсуждали, как будем перестраиваться, Гудимов неожиданно попросил старика высказать свое мнение. Он любил иной раз выставлять людей на посмеище, а что путного мог сказать Иван Афиногенович о перестройке, раз никто из нас еще не знал толком, что это такое? Но ведь сказал ветеран, не ударил в грязь лицом. Выйдя к столу президиума, он помолчал немного, а потом неторопливо выдал:

— Я так понимаю, товарищи, перестройка — это когда общая цель становится для каждого личной, заветной. И каждый работает с полной отдачей, чтобы эту цель осуществить. Вот как мы работали в первой пятилетке...

Получилось так здорово, что все зааплодировали. Только Борис побледнел: понял, что остался в дураках. Но и он, помедлив, несколько раз хлопнул в ладоши — а куда денешься?

Вот такой человек работает старшим инженером в моем отделе. И его тоже расспрашивали некие вежливые товарищи. Старик долго крепился, жалобно помаргивая на меня из-за круглых очков в металлической оправе, перевязанной суровыми нитками. Такие носили передовые рабочие в довоенных фильмах. В этих очках

он походил на обиженную сову. Я, разумеется, понимал, в чем дело, и пошлейшим образом жалел, что не с кем заключить пари: решится старикан или нет. Все же он решился. Подобрался ко мне в коридоре по-крабьи, бочком, и, запинаясь, подхватывая ускользящие слова, исповедался:

— Есть для вас сообщение, Юрий Дмитриевич. Вот так, строго конфиденциально. С меня, конечно, не брали обязательства не разглашать, но я, конечно, понимаю, что нельзя... Вот так!

— Кажется, я догадываюсь, — сказал я, пожалев старика.

— Вот именно! — обрадовался он. — Я считаю, что вы должны знать, потому как не верю... Не верю... Ну, в это самое.

— В мою виновность, что ли?

— Ну да, ну да! Такой человек, как вы, не мог совершить такое ужасное... Ну, вы понимаете. Легкомыслие с вашей стороны — это да. Как можно было доверять Борису Сергеевичу! Ведь для него люди что винтики, он не жалел... — Старика даже передернуло от ужаса. — Впрочем, о мертвых ничего, кроме хорошего, хотя этого нынче не придерживаются. В общем, да простятся ему прегрешения! Но вы — это совсем другое дело. И я дал вам самую положительную... ээ... ну, вы понимаете.

— Дорогой Иван Афиногенович! — горячо сказал я, по-настоящему расчувствовавшись. — Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен!

Я чуть не расцеловал старика в морщинистые щеки, и он, видимо, это понял, потому что отошел счастливый и гордый. Он даже стал выше ростом, честное слово.

Итак, мое алиби доказано, и мне на мгновение даже стало скучно. Жизнь снова втягивала в привычную тусклую колею, где один день отличался от другого только по количеству вызовов к руководству да по степени нервотрепки, с этим связанной.

Таню я увидел только на похоронах. До этого не мог заставить себя пойти к ней, хотя это было, конечно, свинством. Лучший друг мужа оставил вдову без моральной поддержки... Но ведь я был и ее другом. Я знал ее вдвое дольше, чем Борис. Да, точно, вдвое. Двадцать лет назад в тесный класс маленькой деревянной школы уральского городка вошла девочка с синими глазами и смело уселась на единственное свободное место. А оно было рядом со мной...

На кладбище она пришла в черном, как и положено вдове. Но не пролила ни слезинки. Ее глаза, уже не ярко-синие, как в детстве, а скорее серо-голубые, прятались за ресницами, лицо было спокойное, вернее, застывшее и какое-то отрешенное. На все сочувственные фразы она только наклоняла голову и стискивала переплетенные пальцы. Увидев меня, подошла, постояла минуту, касаясь плечом, и молча отошла к могиле.

Странное, почти сомнамбулическое состояние овладело мной. Я стоял в толпе сотрудников, не подходивших близко к гробу, отмечал выражение их лиц, ловил обрывки разговоров, запечатлевая все как на видеопленку, и в то же время созерцал со стороны это скопление разных людей, колышущихся в тесном проходе между оградами и постепенно, по каким-то сложным, никем не регламентируемым, но психологически обоснованным траекториям подтягивающихся к яме. Даже видел, как осторожно они переступают с места на место, чтобы тише был чавкающий звук, с которым жирная кладбищенская земля отпускает ногу. Разумеется, мне только казалось, что я вижу их со стороны. Скорее, я представлял, как это выглядит, но представлял настолько отчетливо, что не мог отличить реальность от воображения. Наоборот, старался укрыться в воображении от реальности. На меня поглядывали с удивлением, а кое-кто и с брезгливостью: почему это близкий друг покойного не приближается к гробу? Впрочем, не все удивлялись. Некоторые упорно держались мнения, что я и не на такое

способен. Я сам вчера слышал через неплотно прикрытую дверь, как наш инспектор Лидия Тимофеевна, исполняющая за полставки еще и обязанности секретаря-машинистки, а совершенно бесплатно — главной сплетницы объединения, которую ненавидели и боялись, кажется, все сотрудники, так вот эта Лидия Тимофеевна с наслаждением вещала набившимся в приемную и млевшим от пикантной ситуации женщинам: «Немудрено, что от него ушла жена. Кто же допустит бордель в доме даже для начальника? Вот так-то устраиваются сильные мира сего, а попробуй кто из нас, маленьких... Ох уж эти мне друзья юности! Знают, с кем дружить и как дружить. Так и пролезают в люди...» Тут я распахнул дверь, и она разгневанно замолчала.

Вот до чего дошло: я уже и карьерист! Удивительно, сколько человек слышало, что Борис просил ключи именно, чтобы спокойно поработать, как ни странно выглядела такая просьба. Да и майор, разумеется, не распространялся о женском платочке с полосой губной помады, а здесь уже все знают. И глазают на меня еще более бесцеремонно, чем женщины у подъезда моего дома. Сказать, что мы распространяем сплетни — значит, ничего не сказать. Просто мы живем в такой особой атмосфере, где не может быть ничего тайного, и ни в какой другой жить уже не можем. Недаром в своей среде мы не говорим «министерство», а употребляем всеобъемлющее и полупрезрительное «контора».

«...Хоть бы приличия ради поближе подошел, друг тоже!» — услышал я за спиной пронзительный шепот, явно предназначавшийся для моих ушей. Ну конечно, это Лидия Тимофеевна, блистающая в похоронной процессии шикарным импортным костюмом ярко-алого цвета. Вот стерва! Все объединение с наслаждением проголосовало бы, чтобы ее пинком под задницу. Только ведь у нас не так просто выгнать мерзавца. Тут и профсоюз, и народный суд... А в Законе о трудовых коллективах о таких — ни слова. Руководителя можем прокатить на

вороних, а подонка — тронуть не могли. Пор-рядочки! Даже если бы вдруг захотел начальник объединения... Но начальник уже ничего не хочет. Он лежит в гробу, и лицо его прикрыто цветами, потому что врачи так и не сумели придать ему благопристойное выражение для перехода в лучший мир — выражение, которое он носил при жизни, мой лучший друг Борис Сергеевич Гудимов.

...Борис нагрязнул на наш завод внезапно. Когда его референт позвонил нашему директору, чтобы подготовили гостиницу, Гудимов уже катил на аэродром. Он любил такие налеты — чтобы не успели подготовиться, причесать документацию, навести глянец. И это работало на его репутацию — самый молодой в министерстве главный инженер главка (тогда еще были главки) внушал не только почтительное удивление своей молниеносной карьерой, но и страх. Он был беспощаден к руководителям, допускающим ошибки, но всегда точно определял виновного. Если авария произошла, скажем, по вине главного механика или главного энергетика, то летели с работы только они — ни директор, ни главный инженер даже выговора не получали. «Здесь не детский сад, где за всех отвечает воспитательница, — говорил Гудимов. — Здесь взрослые люди со всей полнотой ответственности». Так он отвечал секретарю обкома или горкома, жаждущему заслушать директора на бюро, чтобы «отреагировать», «принять меры». И это тоже работало на его популярность. И в министерстве, и на предприятиях многие были уверены, что у Гудимова могучая рука в верхах. В самом деле, еще нет тридцати, а уже забрался на такую вершину, держится независимо, строг, но справедлив... Лет через двадцать станет зам-министром, а то и в министерское кресло сядет — кто бы мог возразить против такой перспективы? Только в министерском кресле ему уже не бывать, а через двадцать лет и память о нем сотрется... Отдадим ему справедливость: не было у него руки. Только за счет своих

личных качеств так стремительно взлетал он по служебной лестнице.

Вряд ли он помнил, что я работал на этом заводе. Уже лет пять, как прекратилась наша переписка, хотя в институте мы были очень дружны. Но, увидев меня в конструкторском бюро за кульманом, Гудимов даже бровью не повел.

— А, Юра, рад тебя видеть. — И, обернувшись к свите, пояснил: — Старый друг по студенческой скамье.

— Товарищ Корнев у нас на хорошем счету, — мило улыбнулся директор завода, чудом вспомнив мою фамилию.

— А иначе и быть не может, Юра очень талантливый человек, — так же мило улыбнулся главный инженер главка и двинулся дальше, бросив мне уже на ходу: — Зайдешь вечером в гостиницу. Часиков в девять.

Не спросил, свободен ли я в это время, хочу ли встречаться с ним. Отдал приказ и не усомнился в его исполнении.

И я пошел. Приказ есть приказ. Гостиница в нашем городе одна, так что ошибки быть не могло. И тем не менее администратор лишь пожала плечами, когда я спросил, в каком номере остановился Гудимов.

— Нету такого.

— Как же нет? — удивился я. — Сегодня прилетел из Москвы. Посмотрите получше.

— Нечего мне смотреть, — обиделась она. — Я всех постояльцев знаю. Говорю нет, значит, нет.

Ситуация получалась дурацкой, и это, должно быть, отразилось на моем лице, потому что женщина что-то сообразила.

— Где он хоть работает, твой Гудимов?

— В министерстве. Главный инженер главка.

— А, чтоб тебя, неграмотный! Да нешто такие люди у нас стоят? В горкомовскую иди, на Кленовую, пять, второй этаж.

До сих пор я и не подозревал об этой гостинице.

Да и не гостиница это была — трехкомнатная квартира в доме для партийных работников. Борис ждал меня в том же костюме, в котором ходил по заводу, даже галстука не снял. Была у него такая замечательная черта: при посторонних, хотя бы это был близкий друг, не появлялся иначе как в полном параде.

— Задерживаешься, — коротко бросил он.

— Извини. Искал тебя в обычной гостинице.

Сказал я это с подковыркой, но до него не дошло. Или он сделал вид, что не дошло. Не умел он сразу отвечать на насмешку, терялся.

— Я так и думал. Наивняк ты, Юрка. Ну да ладно, посмотрим, чем нас батюшка Урал привечает.

Он открыл холодильник, битком, как я заметил, набитый, достал бутылку, другую.

— Смотри-ка, «Белый аист»! Ну, молодцы!

— А что это такое — «Белый аист»?

— Не знаешь? Молдавский коньяк, очень мягкий. Надо же, пронюхали, что я предпочитаю молдавские коньяки. Небось досье на каждого министерского чина ведут... Тут и водка есть, но мы ее трогать не будем. Иначе завтра... Ты как насчет этого дела, не пристрастился в провинции?

— Умеренно.

— Молодец! И вообще ты здесь в цене — толковый, трудолюбивый, исполнительный... Исполнительный — это хорошо. Вот только насчет инициативы ничего не сказали, но это не суть важно — инициативы у меня с лихвой хватает.

Он ловко накрывал на стол, резал колбасу, сыр, полисовал на дольки лимон, вскрывал банку шпрот, и все это молча, сосредоточенно. А я ждал, когда он продолжит разговор. За этой фразой об инициативе многое стояло — но что? Долго ждать не пришлось. После второй рюмки он буднично, будто между прочим, сказал:

— Есть у меня вакантное место: начальник техотдела. Думаю, ты мне подойдешь.

Вот так, без подготовки, без расспросов о житье-бытье, сразу в лоб, сразу о деле. В этом был весь Гудимов: дипломатии он не признавал.

— Шутишь, Борис, — пожал я плечами. — Какой из меня начальник техотдела? Рядовой конструктор...

— А мне и нужен рядовой. Зачем мне личности? Я и сам личность. Главное — исполнительный, все остальное придет. Я из тебя еще такого начальника сделаю...

— Но я не собираюсь киснуть в конторе, мне и на заводе хорошо. — Я старался, чтобы голос звучал спокойно. Коньяк уже начал действовать, и меня так и подмывало оборвать этого сноба, поставить его на место, чтобы не распоряжался моей судьбой. Достаточно и того, что он отнял у меня Таню.

— Ну что ж, — согласился он. — Не хочешь киснуть в конторе, кисни за кульманом. Но сначала взвесь все «за» и «против». Во-первых, Москва, где ты получишь отдельную квартиру. Во-вторых, работа — интересная, ответственная, с кругозором. В-третьих, я буду рад принимать тебя дома. И Таня будет рада. Иногда она тебя вспоминает.

Как ни мало я тогда знал Бориса, нового Бориса, каким он раскрылся в министерстве, но понял, что он лжет: не могла Таня вслух вспоминать меня.

А он, словно спохватившись, начал расспрашивать, как я живу. И только вскидывал брови, слыша, что живу в общежитии для молодых специалистов, в комнате на двоих, оклад сто двадцать, премии почти не бывают, так что с удовольствиями туго.

— Девушка хоть есть?

— Откуда? Здесь же староверский край, демидовские места. И старинные традиции в большом почете. Ты не обратил внимания: лето, жара, а ни одна женщина простоволосой из дома не выйдет? А насчет девушки... Пройдешься с ней по улице, даже не под ручку, и уже жених, иначе ее репутация пропала. А если у нее еще

братья есть... В общем, тогда от женитьбы не отвертись, хоть под поезд ложись.

— Не затаил на меня зла за Таню?

Только Гудимов с его отношением к людям мог задать такой опасный вопрос. И коньяк здесь был ни при чем. Как бы ни был он пьян, никогда не терял головы. И сейчас глядел на меня холодно, испытующе, будто эксперимент на лягушке ставил. Я старательно пожал плечами и ответил строчкой из модной тогда песни:

— Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло.

— Молодец, Юра, хорошо сказал. Неизвестно, кому повезло... Да, брат, неизвестно...

Он помолчал, нахмурившись, вспомнив что-то невеселое. Молчал и я. Мы опрокидывали рюмку за рюмкой, курили сигарету за сигаретой и не пьянели. Или нам казалось, что не пьянели. Бутылка кончилась. Борис достал из холодильника еще одну. И опять мы молча опрокидывали рюмки.

— Да, Таня, — внезапно сказал он, когда и эта бутылка подходила к концу. — Она изменилась. Стала спокойная, плавная, строгая. Ты поразишься, когда увидишь.

Обмолвился он или действительно был уверен, что я пойду к нему работать? Лицо его расплылось, отяжелело, взгляд ушел внутрь, губы кривились. И я понял, что он не обмолвился: был уверен, что я возобновлю старое знакомство.

— Как у тебя с Таней? — Коньяк придал мне решимости, выплеснул то, что уже несколько лет копилось в душе. И он будто понял, как все эти годы я беспокоился: хорошо ли ей с ним? На мгновение потеряв выдержку, он зло глянул на меня.

— Все хорошо. Она счастлива, — твердо ответил он совершенно трезвым голосом. — Очень счастлива. Даже детей не хочет, чтобы ничего не менять.

И снова мне стало ясно: он лжет. Весь вечер лжет. Во всем. А Тане плохо, очень плохо.

— Хорошо, Борис, я принимаю твое предложение. Буду у тебя работать.

— Вот и чудесно, — спокойно ответил он, закуривая очередную сигарету. — Я знал, что ты согласишься.

И разлил остатки коньяка.

— Ляжешь в соседней комнате. Нечего в таком виде твоих староверов дразнить — это прозвучало как приказ.

Через два месяца пришел вызов. Собирался я легко: чемодан да дорожная сумка — вот и все пожитки. И уже через неделю Борис привел меня в технический отдел главка.

— Знакомьтесь, товарищи, ваш новый начальник. Отличный работник. Мой старый и хороший друг.

Сотрудники переглянулись. Мне стало неловко. Ни для кого, разумеется, не секрет, что каждый начальник приводит в руководимые им подразделения своих — друзей, родственников, просто верных людей. Но зачем же так афишировать? Неужели не понимает, что ставит себя и меня в ложное положение? Тогда я еще не знал, что Гудимов ничего не говорит и не делает зря.

Можно ли называть другом человека, которого боишься, как боится умную, отлично отрегулированную, но беспощадную в слепой рациональности машину? Тем более машину, имеющую над тобой власть, хотя по-своему и расположенную к тебе. Называть не вслух, не на людях, а мысленно для самого себя. Не знаю, Бориса я давно перестал называть другом. И не по моей вине приклеилась ко мне эта кличка — «друг начальника», определяющая для многих мое положение в главке. Положение, прямо скажем, двусмысленное. Ни разу на людях не переходил я грань служебных отношений. Зато переходил он. Чем дальше, тем больше. Дошло до того, что, заходя в отдел, он обнимал меня за плечи — начальник всесоюзного производственного объединения! —

и громогласно, чтобы все слышали, вопрошал: «Юра, дружище, в мизере ты сумел меня посадить на пять взяток, а заставить северный завод освоить проектные мощности не можешь. Давай подтягивайся». Получалось фальшиво до неприличия, но Борис абсолютно не обладал музыкальным слухом. Впрочем, он и сам чувствовал, что перегибает палку, но лез напролом, и я знал, в чем дело: отношения у него с Таней не ладились. Разрыв был неминуем. Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло... Мне не повезло, это точно. Тане тоже не повезло. Но больше всего не повезло Борису. Он сделал не тот выбор. Я знал Таню с детства, знал, какая она... Борис тоже знал, только слишком понадеялся на себя и ошибся. Лишь недавно начал он понимать, к каким последствиям может привести эта ошибка, и чем больше понимал, тем ярче демонстрировал нашу дружбу. Теперь почти каждый вечер он буквально силой затаскивал меня в свой дом. И почему-то это тут же становилось известным в объединении. У людей создавалось впечатление, что я сам набиваюсь к нему. Не знаю, как Таня, но недавно я разгадал его замысел...

Перестроение закончилось, и теперь все расположились у могилы, как предписано на официальных похоронах. Впереди вдова, ее родители, руководство министерства и объединений. За ними начальники отделов и дальше все остальные. Родных у покойного не было, и ничто не вносило разлада в этот канонизированный церемониал.

«Во как больших людей-то провожают: сам министр... Некролог в «Вечерке»... А нас, грешных, свалят в яму, и поминай как звали», — шепотом позавидовал кто-то позади. «А червям один черт, кого жрать», — насмешливо отозвался другой. Его, видимо, подтолкнули, и он умолк. У изголовья гроба встал министр. По привычке вытащил из кармана бумажку с текстом, но,

вспомнив, что наступили другие времена, сунул ее обратно.

— Товарищи! — приличествующим случаю голосом сказал он. — Ушел от нас отличный работник...

Да, тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Работником Борис был великолепным. Он был рожден для руководящей роли, потому так ошеломляюще быстро выдвинулся. Он мог работать сутки, двое, трое без отдыха, работать горячо, весело, с азартом, заражая своей энергией подчиненных. И это доставляло ему наслаждение — пусть трудности громоздятся одна на другую, пусть прорыв за прорывом, пусть... Когда все шло гладко, он снижал. И не только сам мог работать, но и организовать труд других. А это важнее всего для руководителя. Потому-то в таком бешеном, инфарктном темпе работало объединение. Все воспринимали это как должное: само собой разумелось, что Гудимов иначе не умеет. Один я знал, чего это ему стоило, недаром два года прожил с ним в каморке студенческого общежития. На моих глазах он готовился к руководящей роли, не сомневаясь, что все его далеко идущие расчеты сбудутся. Вот только на Тане он женился не по расчету, о чем и жалел в последние годы... И в том, что я стал хорошим начальником отдела, — его заслуга. Приучил меня работать и, думаю, ни разу не пожалел, что доверил мне, рядовому конструктору, этот пост. Хотя тогда, в уральской гостинице, сам вопрос, подхожу ли я для такой роли, показался ему несерьезным. Он представить себе не мог, что кто-то не находит в административной работе того, что находил он сам.

Недаром министр с этого начал. Впрочем, что он еще мог сказать? Не будешь же превозносить моральные качества покойного, раз такая история... А сказать надо: не куда-нибудь, в последний путь провожаем. Интересно, как он выкрутится?

Я недооценил министра. Головастый мужик. Заговорил о справедливости и принципиальности покойного.

Что ж, и тут, пожалуй, никто не возразит. Борис был справедлив и принципиален во всем, что касалось работы. Каждому точно отмерял по заслугам. Не боялся признать и свои ошибки, причем не на трибуне, где вроде бы положено каяться и никто это особо всерьез не принимает, а в рабочей обстановке, перед подчиненными. Не стеснялся любому работнику, хоть заместителю министра, сказать, что он думает о том или ином решении. И очень редко ругал подчиненных на людях, чаще в своем кабинете, с глазу на глаз. Уважал, или, вернее, понимал, что надо щадить самолюбие человека. Спокойно выслушивал и критику в свой адрес, даже поощрял ее. Впрочем, ошибки начальника всегда почему-то оказывались незначительными, не влияющими на конечный результат, а подчиненные... Подчиненные иногда уходили с работы. У Бориса была замечательная черта: он никогда не пытался задержать сотрудника, подавшего заявление на расчет. Подписывал с ходу. И рассуждал вполне здраво: если человек не хочет здесь работать, то он уже не работник. Так что никто, пожалуй, не скажет, что на работе Гудимов был несправедлив или непринципиален. Впрочем... Я невольно обернулся, ища в толпе Гришу и Женю Левиных. Они могли бы сказать... Но я тут же забыл о них, потому что за мной стоял... майор Козлов. Вот уж кого я не ожидал увидеть! Очевидно, он понял, что я сейчас вскрикну, потому что быстро приложил палец к губам, а потом повернул меня лицом к могиле.

Сколько раз читал, как у людей от неожиданности мысли вихрем кружатся в голове, и если допускал такой факт, раз пишут, то всегда с поправкой на то, что авторы-то сами этого не испытывали, а знают с чужих слов, если просто не придумали. А тут у меня самого мысли закружились в таком хороводе, что я вынужден был на кого-то опереться, чтобы не упасть. Это были даже не мысли, а растерзанные обрывки, и судорожные попытки остановить их дикую пляску, разложить все по

полочкам причиняли самую настоящую физическую боль. Но все же мне это удалось, хотя я весь покрылся потом. Почему я раньше не заметил майора? Зачем он здесь? Ведь мое алиби доказано. Неужели все-таки подозревает? Вот сейчас возьмет за плечо, шепнет на ухо: «Следуйте за мной», а там допросы, допросы, допросы... Ледяная волна безнадежности окатила меня с ног до головы. Если бы в этот момент майор действительно взял меня за плечо, я бы грохнулся в липкую кладбищенскую грязь и забился в истерике. Но момент прошел, и та же ледяная волна заострила мои нервы, и только что отошедшие страхи показались детски смешными. Ну почему обязательно я? У меня алиби... Прошло то время, когда можно было безнаказанно сажать невинных, чтобы повысить процент раскрываемости преступлений. Он наверняка ищет ту женщину. «Шерше ля фам, мистер Шерлок Холмс, шерше ля фам», — вспомнилось вдруг. Знать бы, кто она. Но Борис только раз мельком обмолвился, что у него «шикарный романец с дочерью такого человека!». Помню, как меня это удивило: почему-то я думал, что он равнодушен к женщинам. Да и как можно думать о ком-то, если рядом Таня! Я это на себе испытал: два года прожил с женой и каждый раз, когда обнимал ее, обнимал Таню... Потом я сообразил, что Борис не зря сказал мне про свой роман. Неужели он хотел, чтобы я сообщил это Тане? Только я не стал ей ничего говорить. Не знаю, причинил бы этим ей боль, но себе — это уж точно.

Однако такая неопределенность невыносима. Майор за спиной, как гвоздь под лопаткой, — мешает дышать. Я резко обернулся, чтобы покончить с неопределенностью. Он дружески подмигнул.

— Каково разливается, а?

Фраза неожиданно получилась двусмысленной, потому что как раз в этот момент на старой рябине, под которой вырыли могилу Гудимову, громко запела какая-то

птица. Министр сбился и недовольно оглянулся, будто хотел приказать референту навести порядок.

— О мертвых, конечно, плохое не говорят, — продолжал майор, — но все-таки... Кое-кто здесь, — он повел головой на задние ряды, — определенно не разделяет такого радужного мнения о покойном.

Смотри, какой глазастый, уже подметил! Я подумал, что мое дальнейшее молчание может быть неверно истолковано.

— Начальник не может угодить всем.

— А угодить не надо, — быстро отозвался он. — Начальник должен вызывать уважение. Это обязательно. Я знал начальников, больших руководителей, на которых подчиненные смотрели с обожанием, даже когда те в пух и прах разносили их. А девушка, которая стоит позади нас, взявшись за руки с молодым человеком, черненькая такая, только что от души вздохнула: «Есть бог на небе!» И паренек кивнул.

Это он о Левиных. Я стиснул зубы. Не хватало еще, чтобы я рассказал ему эту пакостную историю, воспоминания о которой до сих пор ложатся на мою душу как плевок.

— Я вот все думаю: вдруг в этой толпе между могилами стоит и убийца, такой же, как все, с таким же траурным лицом, — доверительно продолжал майор. Он все-таки положил мне руку на плечо, но так, мимоходом, что я сначала даже не заметил. — Кстати, убийцам очень легко дается траурный вид. Представляете: стоит, слушает, и никаких угрызений совести. А ведь должны быть очень серьезные причины, чтобы совесть молчала. Так в чем же эти причины — в личности убитого? В трагическом стечении обстоятельств? Или человек, подмешавший яд в коньяк, был уверен, что выполняет свой гражданский долг?

Я с изумлением уставился на него. Следовательно, карающий меч... и философия. Философствующий меч!

Что-то противоестественное. А он, будто не замечая, продолжал:

— Впрочем, все это домыслы. Искожу из древней теории, что преступника тянет на место преступления. К сожалению, преступники нынче образованные, теорию знают, заранее ходы следствия рассчитывают. И приходится под них подстраиваться. Идти их ходами, чтобы потом сделать неожиданный поворот. Так что, дорогой Юрий Дмитриевич, нам предстоит кропотливая работа.

Я только открыл было рот, чтобы спросить, кому это «нам», как он оборвал сам себя: «Тс-с, последний акт».

Началось прощание с покойным. Кто-то предусмотрительно сдвинул цветы, обнажив лоб, чтобы вдова могла запечатлеть на нем последний поцелуй. Я затаил дыхание: поцелует или... Не поцеловала! На какой-то миг я ужаснулся верности моего предвидения. Вот характер! Подошла, наклонилась низко-низко, но губы подобрала внутрь и не коснулась голубовато-фиолетовой кожи. Девочка с синими глазами никогда не умела прощать. Неужели она тоже догадывалась... Я быстро взглянул на майора: заметил, дьявол. Определенно заметил. Что-то блеснуло в его глазах.

Гроб опустили в могилу, все бросили по комку земли, возложили венки и потянулись к выходу. Министр посадил Таню в свою «Чайку», члены коллегии нырнули в «Волги», остальные, соблюдая приличествующую степенность, полезли в автобусы. В один — кто поедет на поминки, в другой — кто уклонился от приглашения. Списки составлялись заранее. Я направился ко второму автобусу. Пусть болтают, что хотят, но пить за то, чтобы земля была ему пухом...

— Есть к вам разговор, Юрий Дмитриевич, — сказал майор, шагавший рядом. — Я отвезу вас домой, по дороге и поговорим.

Я растерялся, и, пока придумывал, как бы отказаться, он аккуратненько провел меня мимо автобуса и так ловко посадил в машину, что я опомнился, только когда

уткнулся носом в ветровое стекло. К счастью, машина была без красной полосы, обыкновенная бежевая «Волга», иначе завтра на работе наверняка собирали бы мне на передачу. И больше всех старалась бы, разумеется, Лидия Тимофеевна.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал майор, вырывая на дорогу и обгоняя автобусы. — Дело это необычное, специфическое, мотивы преступления, очевидно, очень сложны. Короче говоря, чтобы отыскать убийцу, необходимо знать жертву. В каждой версии надо безошибочно определять, могли ли события разворачиваться именно так, а не иначе. Я прошу вас принять самое активное участие в следствии. С руководством министерства вопрос согласован.

— Ну, коли так... — только и смог я сказать, захлебнувшись острым подозрением, что он просто морочит мне голову. Нашел помощника! А может, я должен сыграть роль подсадной утки или это настолько ловкий ход, что мне нипочем сейчас не догадаться, а когда пойму, будет поздно? Как бы то ни было, я замолчал с открытым ртом, а он, ничуть не смущаясь, продолжал:

— Кстати, вам не приходилось видеть, чтобы кто-либо из ваших знакомых курил американские сигареты «Кэмел»?

— Представьте себе, приходилось, а что?

— Помните пепел в вашей пепельнице? Так вот, он был от сигарет «БТ» и «Кэмел». Что касается «БТ», то их курите вы, курил Гудимов...

— Я курил и «Кэмел» месяц назад, на дне рождения у Гудимова. Угостила какая-то девушка.

— Что можете сказать о ней?

Голос его оставался на удивление спокойным, а я-то думал, что от такого известия он, во всяком случае, возликует. Но вопрос задан, надо отвечать.

Я покачал головой.

— Боюсь, что очень мало.

Я действительно не запомнил ее. На торжестве у Гу-

димова было много людей, почти все высокого полета — из Совмина, Госплана. Из старых друзей остались только я и двое наших заместителей министра, явно чувствовавших себя не в своей тарелке: ранг остальных был выше. Я слышал удивленные возгласы гостей, привыкших встречаться друг с другом на ответственных совещаниях и вдруг столкнувшихся здесь. И они уже по-новому глядели на хозяина, сумевшего собрать их под одной крышей. Впрочем, удивлялись не все. Некоторые гости молча обменивались рукопожатиями, будто не сомневались, что встретятся здесь. Однако я заметил, что они тут же расходились по разным углам и друг с другом почти не разговаривали.

Впрочем, мне было не до этого. Я ухаживал за Таней. Ухаживал по просьбе ее мужа.

— Старик! — сказал он, дружески стиснув мне плечо. — Татьяне будет очень трудно. Она почти никого не знает, к тому же у нее неприятности на работе, до веселья ли сейчас. Постарайся быть почаще возле нее. Ей это поможет.

Признаться, сначала я встретил его просьбу с недоверием. Тогда у меня возникали уже подозрения насчет его замысла. Но, увидев Таню, я убедился, что он прав. Она казалась какой-то потерянной. Хлопотала на кухне, разносила тарелки, накрывала на стол — все это со спокойным, приветливым лицом. И для каждого гостя находилось у нее нужное слово. Но в глубине ее глаз стыла растерянность и тоска. И по временам она на мгновение замирала, будто наталкивалась на невидимую преграду.

Я и сам чувствовал себя неважно, как бедный родственник на барской свадьбе. Представляя меня гостям, Борис говорил только одно: мой старый друг. Для опытных людей большего не требовалось. Женщины мне еще улыбались, но мужчины равнодушно отводили глаза. И меня все сильнее тянуло к Тане, как и ее тянуло ко мне.

Удивительно, но я почти не помню застолья. Какие тосты провозглашались, какие разговоры вели — все изгладилось из памяти. Очевидно, и вспоминать было нечего: застолье всегда одинаково. Но два момента врезались в память: непростые это были ситуации. Первый — тост Теребенюко, хозяина одной из оборонных отраслей. Низенький, расплывшийся, с багровой рожей, он был уже здорово пьян, когда, толкнув соседку толстой задницей, встал с рюмкой в руке. И кое-кто из гостей поморщился: Теребенюко здесь хорошо знали. Вот у него действительно была рука, и не где-нибудь, а на самом верху: он был женат на племяннице какого-то лидера. И хотя то время давно уже осудили как застойное, Теребенюко прочно сидел в министерском кресле.

— Кажу, громадяне, тост, — гаркнул он, раскачиваясь и мучительно подбирая слова забытого родного языка, об этой его слабости в наших кругах ходили анекдоты. — Здесь усе казали за именинника, найкращего нашего Бориса Сергеевича, окромя найважнейшого. А я кажу: примем по чарке за майора Гудимова.

— Я не майор, — сдержанно улыбнулся Борис.

— Бреешь, хлопец, майор ты, — упрямо боднул головой Теребенюко. — Уси великие дела вершили майоры. Кто первый полетел у космос? Майор. Кто на этом... как его? А, острове Свободы пинком под зад лидера? Майор. А в этой, в Южной Америке, кто все переворачивает? Опять же одни майоры...

Вроде ничего особенного не сказал пьяный, но почему некоторые гости побледнели и обменялись тревожными взглядами? Я буквально кожей ощутил, что вот-вот взорвется каменная тишина, обрушившаяся на праздничный стол.

— Ладно, Трофим, выпьем за майора, — улыбнулся Борис. — Только обижаешь, начальник, мало даешь. Я бы и от генерала не отказался.

— Генерал — это чутко погода. Когда дело сделаешь. Тогда мы тебе не то что генерала — генералисси-

муса навесим. — Теребенко вдруг уронил голову на грудь и как-то осел. И стало ясно, что он не просто пьян, а пьян смертельно — в лоскуты.

Не слова его меня поразили. В конце концов чего ждать от пьяного, которого даже собственные референты за глаза обзывают. Но когда один с острым как топор лицом и злыми, глубоко посаженными глазами, уронив стул, кинулся к нему и буквально на руках вынес из комнаты, а большинство присутствующих сделало вид, что ничего не произошло, и наперебой заговорили кто о чем, вот тогда мне стало не по себе. И особенно когда по телефону срочно вызвали машину Теребенко и его тут же отправили на дачу — я сам слышал, как в дверях Гудимов жестким голосом давал наставления водителю: домой не заезжать, мигом на дачу — и под холодный душ.

И второй момент отпечатался в памяти — разговор между мной и Таней на кухне.

Она стояла возле стола, заваленного грязной посудой. Надела белый, с кружевами, фартук, хотела, наверное, мыть тарелки, но руки опустились, и на лице дрожала гримаса. Именно дрожала — гримаса отвращения. Очевидно, Таня хотела согнать ее, натянуть маску доброжелательной хозяйки, но сил уже не было. Увидев меня, она отвернулась к окну: не хотела, чтобы я понял ее состояние.

— Помочь вымыть посуду? — предложил я.

— Спасибо, Юра, не к спеху. Посиди со мной.

Я сел. Она закурила сигарету, отошла в противоположный угол. Ее волосы были безукоризненно уложены, длинное платье с разрезом сбоку подчеркивало изящество фигуры, сохранившей девичью грацию при сложившихся формах зрелой женщины. Ей было тридцать пять — возраст, когда женщина дает беспощадную оценку достигнутому и четко прогнозирует свою дальнейшую судьбу. Таня защитила кандидатскую диссертацию, жила в полном достатке, включая «Жигули», на кото-

рых лихо гоняла по московским улицам, но не имела детей... И я уверен: она была несчастна.

— Скажи, Юра, ты доволен своей жизнью?

Я не заметил, как она повернулась ко мне. Теперь в глазах ее горели огоньки — то ли отражался свет люстры, то ли она решилась на поступок, который давно вынашивала. И сейчас в этой роскошной кухне, облицованной багровой плиткой в тон импортному гарнитуру, в который был вмонтирован мягко урчащий «Розенлев», определялась ее судьба.

— Что значит доволен, — сказал я, понимая, что за этим вопросом стоит гораздо большее. — Работа есть работа, а личная жизнь... я уже потерял надежду ее устроить.

— Но все же... Ты занимаешь неплохой пост, с Гудимовым у тебя прекрасные отношения. Есть ли причины для недовольства?

— А ты считаешь, этого достаточно, чтобы быть счастливым?

Что-то в моем тоне придало ей решимости. Что-то, чего она ждала. Она сделала несколько шагов ко мне и теперь стояла совсем близко. Мы почти одного роста, я чуть повыше, и ее губы были где-то рядом с моими.

— А решился бы ты все бросить? — я скорее угадывал, чем слышал ее шепот. — Ради другого человека... Пошел бы простым инженером на завод, на рядовую зарплату?

Я хотел ответить и не мог. Комок застрял в горле. Но она поняла. Закрыв глаза, прикоснулась щекой к моей щеке, постояла так минуту. А когда отступила, была уже прежней Таней — спокойной, холодноватой, выдержанной.

— Сейчас намелю кофе, настоящего, из Аргентины привезли, попьем с тобой. А эти, — она кивнула на комнаты, откуда доносились звуки магнитофона и голоса, — перебудутся растворимым.

Дальше мы говорили о пустяках, пили кофе, улыба-

лись друг другу, будто между нами все было уже решено. А потом она прогнала меня и занялась кофе для гостей. Я вышел на лестничную площадку покурить. Там было много народа, мужчин и женщин. У всех — безмятежные, довольные лица. Инцидент с Теребенюко будто бы прочно забыт. Вот здесь меня и угостили «Кэмел». Какая-то девица протянула пачку и сказала, нагло улыбаясь:

— Угощайтесь по-родственному. Пора бы нам и познакомиться.

Не ручаюсь, что до меня сразу дошел смысл этой фразы: так был занят Таней. И не стал уточнять, что значит «по-родственному»? Да и на нее почти не обратил внимания. Помню, что была она слегка навеселе, в прекрасном настроении, высокая, худая и совсем без бюста, будто его тщательно спрятали. Очевидно, так и было — сейчас в моде плоская грудь. Прическа у нее тоже была какая-то взлохмаченная, но я особенно не приглядывался. И забыл о ней, как только вернулся в квартиру. Пустили пленку, и я танцевал с Таней — один танец, другой, третий... Наверное, это было неприлично: танцевать все время с хозяйкой дома, кое-кто из женщин понимающе перешептывался. Ну и черт с ними! Тем более что Борис в конце вечера пожал мне руку и шепнул:

— Спасибо, старик, ты и не представляешь, как много сделал для меня сегодня.

Только глаза у него были при этом непривычно тревожные.

Это я и рассказал майору. Разумеется, не все — про Таню ни слова. И рассказ получился куцей, в несколько фраз.

— Вот видите, ниточка есть, — сказал майор без особого, впрочем, энтузиазма. — Женщина потеряла платок, женщина угощала вас сигаретами, которые бывают далеко не у каждого, и эта женщина хорошо знала убитого, была в числе приглашенных.

— Шерше ля фам, мистер Шерлок Холмс! — вдруг выпалил я. Получилось здорово глупо, но майор только засмеялся.

— Найдем! — сказал он.

3

Таня позвонила дня через три после похорон. Я за своим рабочим столом делал вид, будто читаю документ, составленный Гришей Левиным, а сам исподтишка наблюдал за ним. Он тоже делал вид, что работает, уткнулся в бумаги, усердно водил ручкой. Но по тому, как колпачок ручки кивал в разные стороны, словно поплавок на волне, было ясно, что все это — лина. Временами он вскидывал взор к потолку, как бы обдумывая текст, и открывались его глаза — до краев наполненные скорбью. Иногда его взгляд скользил по мне, и я поспешно опускал ресницы: до сих пор не прошло это ощущение боли и бессильный ярости — ощущение червяка, попавшего под безжалостный сапог.

Гришин взгляд бередил душу, будто водил по ней тупой бритвой. Уже который день меня не оставляло ощущение, что теперь, когда Гудимова нет, нужно немедленно куда-то бежать и что-то делать, чтобы отвести то страшное, гнетущее, что нависло над человеком. Неожиданно я вспомнил, что видел уже такой взгляд. Да, точно такой же. И он так же меня разбередил.

Это было месяца три или четыре назад. Я возвращался на метро с работы. Пришлось задержаться на совещании, и в это время, сразу же после часа «пик», в вагоне было относительно свободно. Люди входили и выходили на остановках, молчаливые, озабоченные своими делами, а я, прикорнув на сиденье, блаженно расслабился. И вдруг меня резанул взгляд, как вопль о помощи. У дверей, раскачиваясь, стоял человек. Интеллигент, это было сразу понятно. Не по одежде: он был очень скромно одет. Но было в его лице что-то такое,

что сразу выдавало человека, живущего одухотворенной жизнью. Даже то, что он пьян, не могло стереть эту печать одухотворенности. А пьян он был здорово, но водка не заглушила душевную муку этого человека. Когда эмоции доходят до взрыва, алкоголь действует прямо противоположно: обостряет их. Но какие-то тормоза у него отключились. Он плакал, как плачут дошедшие до предела мужчины, не замечая этого. Слезы катились по его лицу, искаженному страданием и, как мне показалось, ужасом перед чем-то страшным, необъяснимым... Он хватал окружающих за руки, за плечи и что-то говорил, говорил, вхлипывая и давясь от слез. Ничего нельзя было разобрать, водка все же сковала его язык, понятна была только одна фраза, которую он все время повторял: «Товарищи, где же правда, где же правда? Ее же обещали...» Очевидно, это больше всего мучило человека. Люди отворачивались, отходили. Не так, как отворачиваются от обычного пьянчуги, а как-то растерянно, с сочувствием. Черт побери, когда же мы научимся открыто сочувствовать человеку? А он снова и снова пытался что-то рассказать, еле ворочая языком, что-то страшно важное не только для него — для всех. Но отчетливо звучал лишь настойчивый рефрен: «Товарищи, где же правда?»

Мне пора было выходить. Я пошел к дверям, мимо него, повернувшись к нему лицом. Я просто не мог пройти отвернувшись, как другие. Он схватил меня за рукав и забормотал, и глаза у него были такие, что я неожиданно для себя погладил его по редким, с густой проседью волосам, как обиженного мальчика, и начал уговаривать успокоиться. Но он не слушал. «Они же обязаны, обязаны, ведь перестройка...» — всхлипывал он, и его расширенные ужасом глаза видели за моей спиной что-то страшное, наползающее, как зловещая тень. И я ощутил, что до боли в сердце понимаю этого человека, раздавленного чудовищным несоответствием между тем, как должно быть, и тем, как есть еще на самом деле.

Точно такой же взгляд — затравленный, потрясенный чудовищной несправедливостью — был у Гриши, и я спрятал его в сердце. В тот затаенный уголок, где копил всю боль и обиду в сладостной надежде когда-нибудь выплеснуть все это в глаза людям, которые в этом виноваты.

Эта мерзкая история произошла два месяца назад. Министерство построило дом, и на наше объединение выделили три квартиры — как водится, однокомнатную, двухкомнатную и трехкомнатную. Левины в нашей очереди стояли третьими. Детей у них не было, и однокомнатная представлялась им волшебной пещерой Али-бабы. У них были жуткие жилищные условия. Коренные москвичи, они практически не имели жилья. И у его, и у ее родителей ютились по две семьи в квартире, но санитарной нормы как раз хватало, чтобы райисполком не ставил на очередь. Женя и Гриша снимали в коммуналке комнату у богомольной старухи, промышлявшей свечами на Ваганьковском кладбище. Какие уж тут дети! А Женя страстно мечтает о ребенке, она создана для материнства. Только время проходит, ей уже под тридцать, еще несколько лет, и будет поздно. Так вот, четвертой в списке была старший инспектор Лидия Тимофеевна.

Меня охватило тревожное удивление, уже когда наши женщины стали оживленно обсуждать перекупку Лидией Тимофеевной у кого-то очереди на кухонный гарнитур. Забеспокоилась и Женя. Лицо ее заострилось, каждая черточка стала резче, взгляд черных глаз сделался колючим и злым. Лишь идеалист Гриша ничего не почувствовал. Да и я недооценил эти зловещие намеки, был занят своими сердечными делами. Иначе, конечно, предупредил бы Гришу, чтобы он был осторожнее. Но кто мог подумать, что он совершит такую вопиющую глупость, которая, теперь я в этом уверен, была хладнокровно инспирирована.

...Все было как положено. Райком прислал разнаряд-

ку на овощную базу. Партком министерства распределил ее между подразделениями. Секретарь нашей парт-организации по согласованию с Гудимовым раскидал количество людей по отделам. Мне досталось выделить трех человек.

— Кого пошлешь? — спросил меня Борис накануне.

Помню, я удивился: раньше он никогда не интересовался такими мелочами. Но в конце концов какое это имеет значение?

— У нас трудовая повинность по строгому графику, — рассмеялся я. — Завтра пойдут Головки, Женя Левина и Пискарева.

— Не годится, — мотнул головой Борис. — Что это вы все на бабах выезжаете? Работа тяжелая, тут мужики нужны. Да и Левина завтра будет занята: повезет письмо в Госстандарт. Замени ее мужем, чтобы никому обидно не было.

Вот и все. Что можно было заподозрить из этого разговора? Письмо в Госстандарт составляла Левина — ей и проталкивать его. А о том, что произошло на базе, передаю со слов Гриши.

— У меня и в мыслях ничего такого не было, — сто-нал он, хватаясь за голову. — Еще в метро встретились с Головки, проехали две остановки, почти не разговаривали — о чем с ним говорить? Выходим из вагона, а он вдруг: «Левин, ты как насчет того, чтобы нарушить Указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом?» Я говорю, что вроде бы неудобно, только вчера, мол, собрание провели по этому поводу, в общество трезвости записывались, а он только ухмыляется: «Если у тебя нет при себе пятерки, я тебе, так и быть, займу». И правда, часа через два подходит ко мне с деньгами. «Левин, общественность делегирует тебя как самого молодого и шустрого. Шесть бутылок водки и закусь минимальную сообрази. Да в темпе, очередь надо заранее занимать. Только насчет закуси не проявляй широту натуры: у каждого есть с собой, да и я в соседнем складе бочку с солеными огурца-

ми присмотрел. Кстати, здесь и твоя пятерка, завтра отдашь». Я еще удивился, что это он вдруг с юмором заговорил. От такого дуболома даже приятно было слышать.

— Идиот, как же ты не насторожился? Ведь Головки в жизни никому денег не одалживал, да и пил до Указа всегда на халяву.

— И в голову не пришло, — Гриша чуть не плакал. — Все выглядело так естественно: на складе холодно, сыро, картошка мокрая, склизкая, перебираешь ее, и тошнит... Я и пошел.

Короче говоря, он пошел и купил водки. И вся команда нашего объединения, пятнадцать человек, с удовольствием выпила — мужчины побольше, женщины поменьше. Гриша говорил, что и остальные команды — а там было не только наше министерство — втихую пили, и я ему верю. Нельзя же быть ханжами в конце концов. Ну, записались мы накануне в общество трезвости, но бывают же обстоятельства... А после работы на овощной базе полстакана водки — как дар божий.

А на другой день было заседание профгруппы, где утверждалось распределение квартир. Так, формальность, которую давно следовало провести, но почему-то оттянули на последний момент. И перед самым голосованием вдруг слово взял Гудимов.

— Позвольте не согласиться с вами, товарищи, по поводу кандидатуры Левина, — говорил он, и слова его падали на притихших людей глыбами серого шлака. — Квартиры даются не только тем, кто плохо живет. У нас еще, к сожалению, определенный контингент трудящихся обитает в стесненных условиях. Квартиры даются тем, кто вместе с нами самозабвенно работает на перестройку, кто разделяет наш образ мыслей, не держит камня за пазухой. А сегодня я убедился, что Григорий Львович Левин не наш человек.

Наступила жуткая тишина. Такая, наверное, бывает в мрачных глубинах океана, где колоссальное давление

расплющивает все живое. Сотрудники со страхом переглядывались. Именно со страхом, я не оговорился: на их глазах крушили гласность и демократию. Все понимали, что Гудимов уничтожает Левина, чтобы не дать ему квартиру. И все знали, кому он хочет ее дать.

— Каждый из нас знает, какое значение придает партия борьбе с пьянством и алкоголизмом, — продолжал Гудимов. — Совсем недавно мы провели собрание на эту тему, многие из нас вступили в общество трезвости. Левин тоже записался и что же? Вслед за этим осуществил прямую провокацию.

Мертвую тишину вдруг прорезали хриплые, задыхающиеся звуки. Это пыталась что-то сказать и не могла Женья.

— Не мешайте проводить собрание, Левина! — обрушился на нее начальник. — Вы, конечно, попытаетесь обмануть общественность, оправдать вашего распоясавшегося супруга, который во время перестройки тянет нас назад, к застойным временам, бросает тень недоверия на новый этап общественного развития, в который вступила наша страна. Не выйдет! Здесь собрались честные люди, настоящие патриоты, и они не позволят вам... Впрочем, не все еще знают, что сделал Левин. А сделал он вот что: дискредитировал важнейшее общественно-политическое мероприятие, каким является участие горожан в осуществлении Продовольственной программы. Во время работы на овощной базе устроил коллективную пьянку. Организовал сбор средств, лично принес водку и сагитировал всех напиться. Я не буду давать оценку этому поступку, она вам ясна. Так же вам ясно, каким должно быть наказание за пьянство на рабочем месте — а овощная база являлась в тот день рабочим местом. Я перечислю виды наказаний, принятые повсеместно, — лишение квартальной премии, лишение тринадцатой заработной платы, перенос отпуска на зимнее время, перенос очереди на улучшение жилищных условий в конец списка. Поскольку ни квартальной премии, ни тринадцатой зар-

платы мы не получаем, а отпуск за этот год Левины успели отгулять, у нас осталась одна мера воздействия — квартира...

Он на мгновение замолчал, и все затаили дыхание, пораженные неслыханным бесстыдством, торжествующим на наших глазах. Не знаю, как другим, но мне было невыразимо стыдно, будто весь цинизм, все пренебрежение к людям канувшей в прошлое эпохи вырвались из небытия и сконцентрировались в этом человеке, стоящем перед нами. Казалось, шевельни рукой и все начнет рушиться и разбиваться вдребезги и некуда будет укрыться от зазубренных осколков. Вскрикнула ли в этот момент совесть в Борисе или он просто перевел дыхание? Очевидно, все-таки совесть или страх, потому что он побледнел и глаза его остановились. Но это продолжалось очень короткий миг.

— У нас есть еще один претендент, всеми уважаемая Лидия Тимофеевна. Простая советская труженица, скромно и самоотверженно делающая свое незаметное, но крайне важное дело. Ей квартира нужна больше, чем Левиным, потому что у тех есть семья. А Лидия Тимофеевна одинока. Ей надо создавать семью, и я уверен, что это будет настоящая советская семья. Поэтому предлагаю отдать квартиру ей.

И отдали. Борис никому не дал рта раскрыть, как топором отсекал каждое слово против. На меня цыкнул так, что я ахнул. Он рисковал, здорово рисковал, только с таким железным характером можно было решиться на эту авантюру. К сожалению, это было не профсоюзное собрание, голосовали только члены профгруппы, и когда они в первый раз не подняли рук, их по настоянию Бориса вызывали поименно...

Я догнал Гудимова у дверей его кабинета. Только сейчас я понял, как ненавижу его — режиссера, поставившего спектакль из отринутой историей эпохи. Господи, какими наивными мы были, когда полагали, что те осужденные времена канули в прошлое! Что в наше вре-

меня невозможно вот так, нагло, идти по трупам. И мы оказались совершенно не подготовленными к торжеству бесчеловечности. Мы просто не знали, как надо бороться с явлением, считавшимся навеки похороненным. И сейчас, схватив Бориса за плечо, я в первую минуту растерялся. Он кинул на меня недобрый взгляд. Знакомый взгляд. Будто он репетировал в уме обвинение, которое так и не успел использовать.

— Немедленно, сейчас же иду в партком, — задыхаясь, сказал я.

— Отлично! — Он испугался, я уверен в этом, только виду не подал, лишь угрожающе прищурился. — За друзей в огонь и воду? Похвально! Только с чем ты пойдешь в партком? Сейчас за пьянство из партии выгоняют, с должности снимают, а уж квартира-то... Считай, что Левин дешево отделался. — Он вдруг схватил меня за галстук, рывком втащил в кабинет, резко хлопнул дверь. — На этом деле меня не подловишь, а вот ты... Ты будешь бегать по Москве, высунув язык, искать работу. И не скоро найдешь, ручаюсь. Или же, еще лучше, тебе предложат почетное право возглавить какой-нибудь задрипанный заводик в глуши, вывести его из прорыва. И я тебя в этой глуши закопаю на веки вечные.

И опять это был монолог из старого репертуара, который мы считали навеки похороненным. И я с трудом нашел, что ему ответить.

— Не те времена, Гудимов. Отстал ты от жизни. Сейчас такие фокусы не проходят. И надо быть последним идиотом...

— Не кричи! — Он грудью оттеснил меня в глубь кабинета. — Сядь. Давай покурим и разберемся. — Он говорил быстро, без передышки, и вся моя воля уходила на то, чтобы поймать, усвоить смысл его слов. — Левин твой подчиненный, и ты за него цепляешься. Он прекрасный инженер, не спорю, но таких много. Только свистни, из провинции тысячи набегут. А Лидия одна.

Мне нужно — понял? — мне, чтобы она получила квартиру.

— Конечно, кто же еще будет шпионить за нами...

Он досадливо поморщился.

— Любишь ты обличительные определения! Да не шпионит она, пойми это. Неужели я бы унился до вульгарного доноительства! Но сейчас, когда гласность, перестройка, ускорение... Да еще этот призыв мыслить по-новому... Ты представляешь, до чего может додуматься рядовой инженер, не подозревающий, на каких тонких нитях, каких сложных, зачастую личных связях держится управление отраслью? Так ведь додумываются уже. Вспомни, на последнем партсобрании выступил Куторгин из планово-производственного управления: зачем вообще нужно министерство с его огромным штатом, если отрасль фактически неуправляема? Каково? Крикун, демагог, и такому предоставили трибуну...

— Да, но как зал ему аплодировал!

— Вот это и страшно. Сколько у нас еще безответственных работников, готовых рубить сук, на котором сидят! Не понимающих, что перестройка — это не ломка аппарата. Наоборот, при перестройке аппарат надо всемерно укреплять, потому что появляются новые тенденции, которые необходимо вводить в русло единой политики. А когда любому развязывают язык... Вот здесь и нужен человек, который вовремя предупреждает тебя, в какую сторону понесло Иванова, Петрова, Сидорова, чтобы ты мог остановить, поправить их, а то и уволить... Да, и на это придется пойти, не считаясь с рангами. Потому что вся эта игра в перестройку, в ускорение в конце концов кончится провалом, и к нам же прибегут: помогите ввести жизнь в нормальные рамки. И тогда нам — тебе, мне, другим здравомыслящим работникам — придется восстанавливать разрушенное. Так вот, чтобы меньше было разрушений, мне и нужна Лидия. А подобрать такого человека потяжелее, чем десяток

толковых инженеров. Ну и приходится с ним расплачиваться...

Он говорил доверительно, будто искал моего сочувствия и не сомневался в нем. Словно я вместе с ним состою в каком-то тайном обществе, для которого наша справедливость и наши законы не дороже бумаги, на которой написаны, и которое в конце концов повернет эти законы в нужную ему сторону. И, как всегда, безошибочно выбрал тональность.

— До чего ты докатился! — только и смог сказать я и понял, что проиграл. Понял это и он.

...Страх! С него я начал осмысливать жизнь. Я родился в пятидесятом и через полгода осиротел. Мои родители, медики, попали под гребенку «врачей-убийц»: наши местные чекисты решили не отставать в бдительности от московских коллег. Они арестовали лучших врачей области. Некоторые потом вернулись, моих родителей и многих других посмертно реабилитировали.

Меня воспитала тетка. В ее доме царили бедность и страх. Она боялась всего — соседа, с которым двадцать лет здоровалась на улице, и незнакомого человека, случайно шедшего за ней два квартала, боялась громкого смеха и тихого слова. Особенно она боялась слова. Ее отец и ее муж сгнули в тридцать седьмом, и оба — за недостаточно патриотичные выступления на собраниях: мало восхваляли вождя. С тех пор она почти не раскрывала рта. Если бы было можно, она бы объяснялась жестами, как глухонемые. И этот свой страх она передала мне с первыми каплями молока, которое для меня сцеживали две сердобольные женщины с нашей улицы.

Я начал лицемерить раньше, чем прочел первую страницу в букваре. Тетка сделала страшное дело, заставив меня скрывать мысли и желания. И всю жизнь страх окутывает меня, как комариное облако. Разумеется, я прячу его лучше, чем Иван Афиногенович: научился соразмерять потенциальную опасность с действи-

тельностью. Я сжился со страхом, привык к нему, как привык аплодировать ораторам на трибуне, хотя только что в коридоре они говорили совсем обратное, как привык не задумываться, почему некоторые живут совсем не по тем идеалам, которые они пропагандируют...

— Хватит! — Борис плотно уселся в свое кресло, хлопнул ладонью по столу. Хлопнул уверенно, по-хозяйски. — В будущем году построят еще один дом. Даю слово, что Левины получают там квартиру. А месячишка через два, когда все уляжется, я им персональных подкину, чтобы они могли снимать квартиру получше. Договорились? Не пойдешь в партком?

И я не пошел... Не пошел! И не только потому, что испугался. Не смог справиться с безнадежностью. Уверенный тон Бориса будто околдовал меня. Он высился надо мной, как гранитный монолит, который не прошибешь лбом... Ходили другие. Борис и здесь оказался прав: перестройка изменила людей, и простые инженеры стучали кулаками по столу в парткоме, требуя поставить на место начальника объединения. Еще недавно это было бы немыслимо. Но пока что стучание кулаками действия не возымело. И не только потому, что, покуда разобрались, осмыслили, Лидия Тимофеевна уже получила ордер. Борис и тут организовал все блестяще, как умел только он. Нет, но пьянство на овощной базе! На парткоме разбирали этот случай. Я присутствовал, так как Левины мои подчиненные. Какие были смущенные лица у членов парткома! Особенно у тех, кто был вынужден выступать, а значит, клеймить... И клеймили бы до выговора, если бы не Романов, секретарь парткома.

— Ладно, товарищи, давайте кончать, — сказал он, покусывая губы. — Левины наказаны более чем сурово, не будем усугублять. Наоборот, считаю необходимым отметить неправильное поведение товарища Гудимова. Что это за ярлыки: не наш человек и тому подобное? Не надо из простого недомыслия делать политическую

акцию. Предлагаю, товарищи, не наказывать ни Гудимова, ни Левина, просто предложим им осознать свои ошибки.

Ох как разозлился Борис! Романов одним словом высек его прилюдно, и нельзя было даже уйти, хлопнув дверью. Зато это сделала Женя. После парткома Романов оставил их и тоже пообещал, что они вселятся в первую же квартиру в новом доме.

— Отнимите ордер у этой стервы, — потребовала Женя.

— Не могу, — Романов развел руками. — Было бы что другое, но пьянство... Сама понимаешь, время сейчас такое...

Вот тут Женя и хлопнула дверью. Романов только сокрушенно вздохнул, провожая ее глазами, а тюфяк Гришка вместо того, чтобы уйти с ней, жалобно протянул:

— Ладно, подождем. Только уж сделайте так, чтобы первая квартира не оказалась на первом этаже.

И вот с тех пор я ломал голову, как помочь Левиным получить квартиру. Знал, что не успокоюсь, пока не добьюсь этого.

...Документ был составлен ужасно. Автор не только не сумел ясно и четко изложить технические идеи, но даже путался в падежах, будто кончил церковноприходскую школу. Нечего и думать посылать этот лепет в Госплан. Я свирепо схватился за красный карандаш, чтобы перечеркнуть документ крест-накрест и вернуть Грише, как зазвонил телефон.

— Юра! — услышал я, и все важные и неважные дела сразу уплыли далеко-далеко. Голос у нее был такой же, как всегда, — спокойный, тихий, только чуть печальный.

— Таня! — сказал я и замолчал. Горло у меня перехватило.

— Юрий Дмитриевич, к руководству, — проскрипело вдруг издалека. Я беспомощно оглянулся. Лидия Тимо-

Феевна неодобрительно взирала на меня из распахнутой двери.

— Танечка, меня вызывают к начальству. Я сам повзвоню тебе через полчаса.

— Хорошо, — сказала она и повесила трубку.

Я встал, и все вокруг изменилось. Солнце заливало комнату, загнав под столы черные тени. Вокруг меня были хорошие добрые люди. Даже Лидия Тимофеевна... Нет, только не она. Эта стерва способна притушить любое светило. И не поможет ей отдельная квартира. Никто на ней не женится, самоубийство нынче не в моде. Я зашагал к дверям, потом, вспомнив, вернулся и забрал со стола письмо, которое так и не успел перечитать.

— Думай, голова, думай, на работе это иногда рекомендуется, — и, бросив бумагу ошеломленному Гришке, выскочил в коридор. Там я несколько раз глубоко вздохнул, чтобы прийти в себя, и машинально одернул пиджак. Перед руководством надо являться в подобающем виде, особенно если в первый раз тебя вызывает новый начальник объединения.

Собственно, не такой уж он новый — бывший главный инженер, отличный парень, с которым я был на короткой ноге. Сколько раз в былые времена забежали после работы в близрасположенную «Рыбную», где водился весьма приличный коньячок, или расписывали у меня дома пульку. Впрочем, весь коллектив, кажется, был с ним на короткой ноге. Как главного инженера мы его и не чувствовали: Гудимов всех подминал под себя. Его дьявольской энергии хватало на всю руководящую работу. Даже уходя в отпуск, он решал дела на месяц вперед. Некоторых это устраивало, но не всех. Я сам много раз чувствовал себя оскорбленным ролью механического исполнителя при умном начальнике. Так же и главный инженер, работавший ранее директором крупного завода, чернел лицом и скрипел зубами, когда Борис с ходу отменял его распоряжения. Каким-то теперь

окажется Леонид Ефимыч? Сколько раз мне приходилось с горечью наблюдать, как власть преобразует человека.

Я знал, зачем он меня вызвал. Происходило естественное перемещение. Главный инженер стал начальником объединения, я как начальник технического отдела котировался на главного инженера. Но... эта история с убийством в моей квартире. Тем более что следствие еще не закончено, убийца не назван, и общественность, которая, по идее, должна негодовать, не получила морального удовлетворения. А с другой стороны, без главного инженера тоже нельзя. Как-то они выкрутятся? С утра замминистра, курирующий наше объединение, секретарь парткома Романов и новый начальник обговаривали эту пикантную ситуацию, искали тонкий ход. Конечно, проще пригласить какого-нибудь директора провинциального завода, но прописка... Сейчас с этим туго. Лимит в Москву закрыт. Да и тенденция нынче другая: смело выдвигать молодых и энергичных. А я как раз в том счастливом возрасте, который считается самым перспективным для выдвижения. Впрочем, какое мне дело. Я вовсе не рвуся в Наполеоны.

— Привет, Леонид, — сказал я, решив не менять привычного обращения. Оборвет, так оборвет.

— Привет, — буркнул он, не поднимая глаза от бумаг. — Садись.

Я сел. Леонид черкнул размашистую подпись на документе и поднял на меня хмурый взгляд.

— Значит, так, Юрий Дмитриевич, прошу к пятнице изложить в письменном виде мнение о перестройке нашей работы.

Так вот зачем он меня вызвал. Вовсе не для того, чтобы поздравить с новой должностью. На миг я почувствовал разочарование и здорово разозлился на себя за это.

— У нас же было партсобрание по перестройке. Два часа говорили, вроде бы все решили.

— А что решили? Ты почитай протокол, вот он, вникни. По сути же, ничего не решили. «Повысить требовательность к руководителям подведомственных предприятий», «Принять дополнительные социалистические обязательства», «Добиться стопроцентного выполнения плана...» — Он с отвращением отбросил бумагу. — Перестройкой здесь и не пахнет. Нужна была Гудимову перестройка, как зайцу, — он фуркнул. — А нам нужна. Сейчас вопрос стоит просто: по какую сторону баррикады ты определяешь свое место. Так вот, наше место — не на той стороне, где был Гудимов. Лицемерить я не буду и вам не дам. Поэтому будем считать, что партсобрания не было, а в пятницу устроим мозговой штурм. Ты, я, начальники отделов будем думать, с чего начать, какие цели поставить. Иначе говоря, начнем с нуля. И тебе здесь — главная роль.

— Это почему же мне?

— Да потому, что испачкан ты с ног до головы и надо отмываться. А отмыться можно только работой. Как тебя угораздило в такую помойку лезть? Баба-то хоть стоящая была, а то, может, зря погиб человек?

— Иди ты к черту! — в сердцах сказал я.

— Нет, вы только посмотрите на этого неблагодарного! — он развел руками. — Почтенные люди два часа ломали заслуженные головы, как бы увеличить ему зарплату, не оскорбляя стыдливого целомудрия общественности, и если бы не Скважина...

Скважиной мы втихомолку называли нашего куратора за преклонный возраст и дотошность, доводящую подчиненных до иступления.

Об этом человеке стоит сказать несколько слов хотя бы потому, что, где бы он ни работал, о нем непременно слагали легенды. Он пришел в промышленность с фронтов гражданской войны и навсегда остался лихим кавалеристом, нацеленным на мировую революцию. Начал с простого рабочего и быстро выдвинулся благодаря острому уму и отличному знанию дела. Но не это отличало

его от других руководителей, выросших в годы первой пятилетки. И даже не то, что он не признавал авторитетов — одно время это стало модным. Кстати, в это время он уже начал их признавать. Но то, что в каждой ситуации он поступал так, как считал правильным, не поддаваясь условностям, создало ему репутацию неуживчивого, опасного чудака. Эта репутация и помешала ему продвинуться дальше заместителя министра, хотя по своим деловым качествам он был способен на гораздо большее.

Когда он был еще начальником цеха передового в стране гигантского комбината, директор прислал ему ордера на пальто и костюм. Высокое начальство, приехавшее из центра, собирало производственное совещание, из тех, которые в печати именовались «новоротными», и Скважина, как начальник ведущего цеха, обязан был выступить. То было трудное время, когда все выдавалось по ордерам. Директор получил ордера обратно с запиской, что такие премии выдаются только по решению профсоюза за отличную работу и получение их каким-либо другим путем незаконно. Скважина выступил на совещании в старой выцветшей гимнастерке, другого костюма у него не было. Говорят, он произнес самую толковую речь, но в газетах она не цитировалась, и его фамилия даже не попала в репортаж.

Став директором этого же комбината, он первым делом велел заколотить особый «директорский» вход в комбинатууправление, а ковры и статуи оттуда передал в детский сад.

Через полмесяца после его назначения заместителем министра, еще в старом министерстве, секретарь со значительным видом положила перед ним плотный конверт.

— Что это? — не понял Скважина.

— Конверт, конечно.

— Вижу, что конверт, не слепой. Что в нем?

— Деньги, конечно, — удивилась она.

— Какие деньги? За что деньги? — нехорошим го-

лосом спросил Скважина, и в глазах его появился блеск, тот самый, что испугал некогда директора комбината.

Секретарь чуть не плакала.

— Ну деньги же! Полагается вам.

Скважина протянул руку, шепетильно сложив пальцы. Брезгливо оттолкнул конверт на край стола.

— Отнесите обратно и скажите, что мне вполне хватает зарплаты.

У него были неприятности из-за этого. Его вызывали, втолковывали и наконец обязали брать конверты. Он вынужден был подчиниться, как подчинялся многому.

Года два назад он ездил в Японию, ознакомился с промышленностью. С собой взял группу работников министерства, в том числе Бориса. Я тоже должен был ехать, уже оформил документы, но как раз развелся с женой (она потребовала после пятилетнего фактического разрыва), и меня не пустили. По приезде Скважина собрал всех руководителей министерства, директоров заводов и сделал великолепный доклад. И хотя говорил он о Японии, о ее блестящих успехах, у каждого слушателя возникали горькие аналогии. Под конец Скважина что-то вспомнил и неловко, с натугой, сказал:

— Ну и, разумеется, товарищи, не следует забывать, что Япония капиталистическая страна и империалисты жестоко эксплуатируют рабочий класс.

Не знаю почему, мне стало его жалко. Я вдруг ясно увидел, что Скважина уже старик. Нудный, брюзжащий и, в общем, не такой уж счастливый старик.

И вот теперь Леонид сообщил, что Скважина нашел выход, как сделать меня главным инженером, «не оскорбляя стыдливого целомудрия».

— Ну, при его-то опыте... — сказал я.

— Вот-вот. Мы с Романовым и так и эдак крутились, как бы тебя преподнести. Сам понимаешь: обсуждать на парткоме надо? Надо. Выговор будет? Как пить дать, иначе какая же это воспитательная работа! Как же повышать с выговором? Конечно, можно сначала по-

высить, а потом выговор, но ведь не поймут... Скважина думал, думал, кряхтел, сопел, всю лысину отшлифовал сначала левой рукой, потом правой. Обматерил и нас, и все эти условности, и министра, и повыше... Наконец просветлел ликом, вздохнул душевно и проканючил: «Вы того, братцы, попроще. Мы его повышение в наказание превратим. Так бы мы его повысили, и все. А в данной ситуации нет, недостойн. Так в приказе и отметим, что за проступок делается он врио».

— Ловко! — вырвалось у меня.

— То-то и оно! Суровое наказание: временно исполняющий обязанности вместо постоянной должности. Полгодика покантуешься, а там по закону постоянно утвердим.

Я нервно рассмеялся. Полгода! Хорошо, если так.

— В общем, подчищай дела, — бодро продолжал Леонид. — Приказ сегодня будет подписан.

— А кому дела-то сдавать?

— Это уже твоя забота. Техотдел — вотчина главного инженера. Но раз ты врио, то с периферии приглашать нельзя: по идее, можешь вернуться на старое место. Значит, кого-то из своих, тоже временно исполняющим.

И тут меня осенило.

— Левин.

Леонид недоуменно поднял бровь, потом нахмурился.

— Ты это брось. Нехорошо! Я знаю твое к нему отношение, но тут надо по-деловому.

Ага, прорезался-таки большой начальник. По-деловому! Ему можно двигать приятелей...

— Левин прекрасный инженер, — настойчиво сказал я.

— Знаю. Но не лучше Головки, Свидригайло, Тарутина.

Это правда. Но у меня в запасе еще козырь. Держись, начальник, начинается первый экзамен!

— Левин, конечно, не лучше, но и не хуже, — медленно, сдерживая дыхание, заговорил я. — Но, во-первых, у него перспектива роста, остальным вот-вот на пенсию. А, во-вторых, у этих всех есть квартиры...

На какой-то миг в кабинете наступила нехорошая тишина. Потом Леонид достал сигарету, сосредоточенно закурил.

— Помнишь, значит. А я, честно говоря, уже забыл. Чужая беда не тянет. Только какая будет атмосфера в отделе? Ведь он самый молодой. Нас просто не поймут.

— Поймут! — убежденно сказал я. — Ну, может, подуются недельку, а жаловаться никто не пойдет. В конце концов преподнесем как выполнение постановления о выдвижении молодых на руководящие должности. Лишняя «галочка» для отчета.

— Да, это, брат, ты в корень копнул, — будто не слыша меня, протянул Леонид. — Конечно, с квартирой это ему мало поможет, хотя чем черт не шутит. А вот атмосферу в конторе мы очистим. И совесть свою очистим: покажем наше отношение к этой истории. А, черт! — он двинул кулаком по столу. — Попробую!

Дверь кабинета приоткрылась, и медовый заботливый голосок, я даже не сразу понял, что это голос Лидии Тимофеевны, промурлыкал: «Леонид Ефимович, чайку с лимончиком».

Леонид побагровел и подпрыгнул, будто в кресле лопнула пружина. Кажется, он еле удержался от искушения запустить в нее телефоном.

— Закройте двери! — рявкнул он великолепным начальническим басом. — Когда захочу чаю, пойду в буфет.

Дверь испуганно захлопнулась, а начальник объединения вытер лоб и шумно задышал.

— Вот тоже, понимаешь, проблема... Работать надо, из-под бумаг стола не видно, а я только и думаю, как бы избавиться от этой... — он с наслаждением выругался.

— Безнадежно, — сказал я.

— В том-то и дело. Тут и местком, и суд... Все понимают, а как до дела дойдет — в кусты. Что вы, что вы, скажут, ей общественность квартиру дала, за хорошую работу морду ее поганую на Доску почета вывесили... Ну да черт с ней! Все равно уволю. Подыщу ей место с окладом побольше, пусть другие помучаются. — Он швырнул недокуренную сигарету в пепельницу и поднялся. — Пойду к Скважине. Он сейчас в благодущии от того, что тебя пристроил, авось согласится на Левина. Ему-то с его высоты начальник отдела — это чуть ли не старший инженер, простой исполнитель. В крайнем случае покаюсь про квартиру. Мужик отзывчивый... Да, вот еще что. Тут тебя угрозыск затребовал в Шерлоки Холмсы. Сам понимаешь, отказать мы не можем, убийцу отыскать надо. Бог ему простит... Но ты смотри, не увлекайся, работы непроворот. Мы с тобой не гудимовы, необъятного не обойдем.

Когда я вернулся в отдел и взглянул на часы, оказалось, что прошло ровно тридцать минут. Надо было звонить Тане.

Это был странный разговор. Будто не было той встречи на кухне и фраз, определяющих нашу судьбу. И мига ошеломляющей близости, когда наши лица встретились и я обнимал ее за плечи. Нет, конечно, все это было, потому что сейчас произносились одни слова, а что-то мятущееся в подсознании подставляло на их место другие. И ни я, ни она не были уверены, правильно ли понял собеседник. О том, почему я не зашел к ней после смерти мужа и уклонился от поминок, не было, разумеется, ни слова, но мне постоянно чудились эти вопросы. Я напряженно ловил интонации ее голоса, стараясь угадать, что скрывается за той или иной внешне незначительной фразой, и, судя по ее напряженному тону, она так же ловила мои интонации. Разговор направляла она. «Как живешь?» — «Ничего». — «Чем занят по вечерам?» — «Как обычно». — «Заходи как-ни-

будь». — «Спасибо». — «Когда в отпуск?» — «Не думал еще, работы много». — «А я совсем одна, все оставили. Заходи». — «Хорошо, зайду сегодня». — «Часиков в семь, ладно?» — «Ладно».

Однако пришел я к ней не в семь, а гораздо позже. Меня вызвал майор Козлов. Он позвонил минут через десять после разговора с Таней.

— Юрий Дмитриевич, вы не смогли бы забежать ко мне после работы?

— Вообще-то я занят вечером. Но если ненадолго...

— Отлично. Жду без четверти семь. Пропуск вам выпишут. Познакомьтесь с дамой, которая угощала вас сигаретами.

— Уже нашли?! — ахнул я.

Он от души рассмеялся.

— Вы же начитанный человек. Неужели не сообразили, что это очень легко?

Тьфу, черт! Майор, оказывается, ехидный мужик. Действительно, все сейчас читают детективы. Насколько милиции, наверное, стало труднее работать, когда авторы художественно показывают преступникам, какие ошибки нельзя совершать. А найти ту девицу, разумеется, пустяковое дело. Спросил, кто был на торжестве, и по ниточке добрался. Стоило ахать!

Опять затрещал телефон. Что за напасть, не дают работать! Я рванул трубку. Это был Леонид.

— Зайди ко мне, — приказал он.

Я даже вздрогнул: так всегда вызывал Борис.

Леонид был все такой же хмурый, как и час назад. Но в его глазах, против воли, светилось торжество.

— Согласился! — сухо сказал он, и я сразу понял, о ком речь. — Сначала было заартачился: молодой, мол, нас не поймут, это только в газетах, мол, хорошо призывать молодым дорогу, и так далее. А я ему все толкую: перестройка, мол, инженер, мол, замечательный, неординарный ум. Он ведь любит, чтобы в каждом было что-то эдакое, необычное. Вижу, задумываться начал, уже так,

для формы, возражает, чтобы его переубедили. И вдруг смотрю, у него по лысине разводы пошли: вспомнил. Это не тот, спрашивает, кого Гудимов с квартирой обвел? Я, конечно, говорю: тот самый. Как он на меня посмотрел! Со мной, говорит, хитрить не надо, можно в открытую. Ну, если вы, говорит, утверждаете, что это неординарный ум... В общем, все в порядке. Даже с квартирой обещал подтолкнуть, есть у министра пять резервных, да ты знаешь. Эх, теперь только бы эту стерву, которая в моей приемной, выжить!

И я от души пожелал ему успеха в этом хорошем деле.

4

Выходит, Гришина история задела не только меня и не только работников нашего объединения, непосредственно с ней соприкоснувшихся. Многих в министерстве она выбила из колеи. Вот и Скважина, заместитель министра, живущий совсем другими категориями, отозвался на несправедливость. Впрочем, почему другими категориями? Те времена прошли, сейчас идет стремительное выравнивание уровней. И если подумать, то перестройка не причина, а следствие нынешних процессов в обществе. Неверно связывать ее с волей одного человека. Это историческая неизбежность, наступившая, когда общественное самосознание доросло до необходимого уровня. Долгий это был путь и мучительный, пока люди осознали, что в своем обществе они должны иметь не только равные обязанности, но и равные права. Реальные права, а не на бумаге. И что за эти права надо драться, иначе люди вроде Гудимова быстро сведут их к пустым декларациям. Недаром перестройка немыслима без гласности. Еще года три назад подобная история сошла бы Гудимову с рук: можно ли подрывать авторитет должности? Теперь — нет. Не настигни его смерть, то через месяц, другой, третий к этому бы вернулись и по-

требовали ответа. Пресловутый авторитет должности рухнул: сколько уж высокопоставленных лиц, как оказалось, необходимо стало выдернуть из руководящих кресел и, как простых смертных, отправить в места не столь отдаленные за «использование служебного положения в личных целях». А ведь то, что сделал Гудимов, неизмеримо хуже примитивного воровства.

Я размышлял об этом по пути на Петровку, 38 — адрес, знакомый каждому москвичу, как бы далек он ни был от всяких темных дел. Но, увидев массивное серое здание, сразу забыл обо всем. Итак, началось. Найдена первая из серии возможных преступников. Интересно, скольких придется майору перебрать?

— А вы точны, — одобрительно сказал майор. — Это хорошо. Садитесь рядом со мной за этот стол, вот сюда. Только не воображайте себя следователем и избави вас бог допрашивать. У нас не допрос, не очная ставка, а просто откровенный разговор без протокола, хотя вроде бы такая форма общения с подозреваемым в наших стенах ни в каких инструкциях не отражена. Но в деле Гудимова я постоянно и причем сознательно нарушаю инструкцию. Некоторые мои коллеги, узнав об этом, сурово осудят меня, потому что они давно изобличили бы убийцу. Я действую иначе. Почему — расскажу через некоторое время. А пока подождем нашу знакомую незнакомку. Она придет через четверть часа. То есть она явится раньше, но впустят ее ровно в семь. Между прочим, интересная деталь: женщины к нам всегда приходят раньше, а мужчины запаздывают. Вот всех остальных случаях бывает наоборот. Почему бы это, а?

Я пожал плечами.

— Эх вы, а еще руководитель! Женщина всегда рассчитывает на личное обаяние, даже пожилая. А обаяние исчезает с волнением. Вот она и спешит, чтобы меньше волноваться. Кстати, знаете, чем отравили вашего друга?

Ох уж эти мне неожиданные следовательские пере-

ходы! Я невольно вздрогнул, но, кажется, он этого не заметил.

— Крысиный яд с тиофосом. Представляете смесь? Недаром он, бедняга, так мучился.

Я чуть было не спросил, кто бедняга — Борис или убийца.

Чего-то не хватало в этом сухом, неудобном, подчеркнуто казенном кабинете. Стол, магнитофон, стул для допрашиваемого, еще три стула у стены... Ага, лампы. Той самой пресловутой лампы, свет которой направляется в лицо преступнику.

— Лампу я убрал, — как бы мимоходом пояснил майор. — Не тот случай.

Я опять вздрогнул. Чтоб его... Читает в мыслях и еще улыбается, доволен!

В дверь просунулась голова молоденького милиционера.

— Товарищ майор, впускать?

— Давай. — И когда голова исчезла: — Запомнили, Юрий Дмитриевич? Вы не следователь. Вы просто собеседник. Не вздумайте допрашивать, иначе все испортите. Разговор должен быть доброжелательный и доверительный...

Закончить он не успел: она вошла. Я сразу вспомнил ее, вспомнил даже, в чем она была — в коротком и широком, как ночная рубашка, платье, переливающимся, словно отполированная кольчуга. Эффектная женщина, ничего не скажешь. Архисовременная, самоуверенная и наглая, это уж как пить дать. Сейчас ее наряд гораздо скромнее, но выглядит она все равно великолепно. Потом появилось ощущение, что мы встречались не один раз. Я пытался вспомнить, но обстановка была не из тех, чтобы можно было сосредоточиться.

— Садитесь, — пригласил майор. — Очевидно, вы догадываетесь, в связи с чем вас попросили о встрече.

— Догадываюсь, — холодно процедила она. — Гудимов.

Эту фамилию она будто выплюнула. Я буквально кожей почувствовал, как майор насторожился, подо-
брался.

— С этим гражданином знакомы? — кивнул он в мою сторону.

До этого она меня словно не замечала. Теперь по-
лоснула взглядом и демонстративно отвернулась.

— Знакома. Дважды встречались. Это любовник же-
ны... в смысле вдовы Гудимова.

Ничего себе выдает! У меня даже дыхание пере-
хватило.

— Вы что, с ума сошли?

— Спокойнее, Юрий Дмитриевич, — майор тронул меня за рукав. — Очевидно, у Вероники Петровны есть основания утверждать это. Другое дело, верные ли ос-
нования.

Она дернула плечом, стремительно распахнула сум-
ку и вытащила пачку сигарет «Кэмел». Нервно, ломая
спички, закурила:

— Я не желаю копаться в этой грязи. И вообще не
вижу, чем могу помочь следствию.

Майор вышел из-за стола, придвинул от стены стул и
сел рядом с ней. Прodelал он это не спеша, благодушно
улыбаясь, с эдаким отеческим видом, от которого просто
неудобно было нервничать и горячиться. Теперь я был
один на месте следователя и чувствовал себя крайне
глупо: впечатление было такое, будто эти двое объеди-
нились.

— Ваша помощь может оказаться неоценимой, —
мягко сказал майор, касаясь ее пальцев. Он вообще,
как я заметил, любил дотрагиваться до людей, с кото-
рыми разговаривал. И эти касания, и стереотипная за-
тасканная-перезатасканная фраза казались неожидан-
но уютными, домашними в этом казенном кабинете. —
Я знаю, вы перенесли тяжелое горе, потеряли отца, и
поверьте, если бы не крайняя необходимость... — Она
нетерпеливо дернулась. — Что касается грязи, так вы

все равно прикоснулись к ней, и волей-неволей надо очищаться. Но сначала я должен сказать вам: это не вопрос. Мы будем задавать вопросы, это неизбежно. Но вы не свидетель, а так, собеседник. Мы должны расспросить вас, чтобы понять, в какой стороне лежит истина. И на суде, когда найдем убийцу, вы не будете фигурировать, даю слово. Юрий Дмитриевич, — обратился он ко мне, — у вас, очевидно, есть вопросы?

— Да, — я не во время закашлялся. — У меня есть два вопроса к Веронике... э...

— Петровне, — подсказал майор.

— К Веронике Петровне. Вы сказали, что мы встречались два раза. Один я помню: на торжестве у Гудимова. Когда же еще?

Она по-прежнему не глядела на меня, и голос ее был жестким, как наждак.

— В ресторане. Я увидела вас сквозь витрину, еле добилась, чтобы меня пропустили, а вы... Вы были пьяны, как тюлень. Бормотали страшные вещи. Вам мерещилось, что кругом одни трупы. Живые мертвецы. Потом начали кому-то доказывать, что в наше время убийство — это дуэль. Способ восстановить справедливость. За соседними столиками оборачивались, официант наклонился ко мне и спросил тоном, каким говорят с девушками известного пошиба, не пора ли вас увести, будто я имела к вам какое-то отношение. А вы тем временем стали описывать труп со всеми подробностями. Он стоял у вас перед глазами, и вы тщетно пытались его прогнать — стискивали веки, мотали головой, били себя по лбу кулаками... Мне стало страшно, и я убежала. А на другой день узнала, что убит Гудимов.

Да, видно, здорово я тогда нализался. Что девушка подсаживалась — помню. А вот что болтал...

— Второй вопрос, — напомнил майор.

— Второй вопрос, Вероника Петровна. Вы сказали, что я любовник Тани, жены... вдовы Гудимова. Это, конечно, чудовищная ложь, но кто вам ее сказал?

— Сам Гудимов, — отрезала она.

Я кивнул. Это было ясно с самого начала.

— Вероника Петровна, может, у вас есть тоже вопросы? — сказал майор. — Мы готовы ответить на любой. Вам ведь тоже важно знать истину.

— Я воздержусь, — она скользнула по нему сухим взглядом. — Эта истина больше напоминает копание в нижнем белье.

— Тогда у меня тоже два вопроса, — продолжал майор. — Я задам их сразу. Что вам было нужно от Юрия Дмитриевича, когда он сидел в ресторане, и почему Гудимов посвятил вас в столь интимные отношения своей супруги и лучшего друга?

Вероника Петровна молчала. Щеки у нее пошли пятнами, глаза сузились, веки набрякли. Судорожно вздохнув, она порылась в сумочке, вытащила платок, торопливо промокнула глаза и, не глядя, бросила платок обратно в сумочку.

— Простите, вы уронили платочек.

Майор нагнулся, крихтя: «Ох, годы, годы!», и подал ей платок. Я сразу узнал его. Это был тот самый платок, который нашли в моей квартире.

— Спасибо.

Она схватила платок, хотела было бросить в сумку и лишь тогда разглядела.

— Ой, нет, это не мой. У меня таких сроду не было. Мой вот, в сумке.

Конечно, ошибиться было невозможно. Ее платок и тоньше, и изящнее, и совсем другого оттенка.

— А может, все-таки ваш? — спросил майор самым простодушным тоном. — Больше вроде ронять некому. Мои милиционеры в такие лепестки не сморкаются.

До чего же здорово он разыграл эдакого простецкого мужичка. Я похолодел: ведь в два счета обведет вокруг пальца, и не заметишь.

— Да нет же, нет, — она нетерпеливо развернула

платок. — Я уж как-нибудь знаю. У меня и помада совсем другая, французская. Вот посмотрите.

— Ну ладно, ладно, не хватало мне еще в ваших помадах разбираться, — проворчал майор, и платок исчез из его рук, как у фокусника. — Так как с моими вопросами, а?

Она сразу сникла. Но атмосфера уже изменилась. Не то чтобы доверие, просто какое-то деловое спокойствие наступило в кабинете, майор сумел-таки установить контакт.

— Я была в плохом настроении, — как-то сконфуженно выдавила Вероника Петровна. — Хотелось с кем-нибудь поцапаться. Увидела его в окно и решила, что вот прекрасный случай отвести душу.

— Какие у вас могли быть ко мне претензии? — удивился я.

— Гудимов спрятался от меня в вашей квартире, и я решила, что вы все знаете и с ним заодно. Так сказать, бескорыстная дружба мужская...

— Кто снабдил вас такой исчерпывающей информацией? — быстро спросил майор.

— Моя школьная подруга Женя Левина.

Я почувствовал, что еще один такой сюрприз и я грохнусь со стула. Ничего себе клубочек завязывается!

— Нет, так дело не пойдет! — вдруг решительно сказала Вероника Петровна. — Мы все время кружим вокруг да около. Давайте начнем с главного. И вы все поймете, и для меня, возможно, кое-что прояснится. Так вот, дело в том, что я была невестой Гудимова.

У меня вырвался изумленный возглас. Майор осуждающе приподнял бровь, а женщина бросила на меня раздраженный взгляд.

— Вот именно, невестой. Он обещал развестись с женой, потому что уличил ее в неверности... с вами, — ехидный кивок в мою сторону. — А может, и не уличил, теперь не знаешь, чему верить. Во всяком случае, я была приглашена на семейное торжество, чтобы убедиться,

как его жена у всех на глазах кокетничает со своим любовником. Она сразу поняла, что у нас с ее мужем особые отношения: женщин в таких вещах не проведешь. И тем не менее они целовались на кухне. Гудимов сам показал мне это в зеркале в прихожей. Теперь я думаю: а не нарочно ли она это сделала?

Я схватился за голову. И было от чего. Я ведь инстинктивно не поверил Борису, когда он попросил меня побольше уделять внимания Тане, и все же попался. А ее поведение на кухне... Да, она могла знать, что Гудимов видит нас в зеркале, и все же.. Нет, у меня не хватало духа осуждать ее. Неужели я дважды сыграл роль простака из старинного водевиля?

— После этого вечера я дала согласие стать его женой. Вы понимаете, дочь высокопоставленных родителей должна осмотрительно выбирать мужа, чтобы не нарваться на карьериста или проходимца. Ведь нам, как любой женщине, хочется быть искренне любимыми.

— Простите, я вас перебую, — вмешался майор. — Юрий Дмитриевич не знает, что вы дочь Огородникова.

Так вот это кто! «Шикарный романец с дочерью такого человека». Огородников работал у нас первым заместителем министра, и его внезапная смерть поразила и опечалила многих. Это был один из тех редких работников, которые великолепно знают всю отрасль и могут решить любой вопрос. Да и его огромные связи в самых высоких инстанциях помогали ему много сделать для отрасли: он мог протолкнуть самое безнадежное дело, пробить фонды, средства, кадры. Недаром его называли вторым министром, а по справедливости надо было бы называть первым.

— Гудимов очень ловко повел себя, ума ему было не занимать. Не стал уверять, что, будь я даже круглой сиротой, он все равно бы на мне женился. Нет, сказал прямо, что я заинтересовала его именно как дочь крупного администратора, имеющего обширные связи.. ну и как обаятельная женщина. Сказал, что талант его про-

падает зря, что он задумал переворот в промышленности, настолько смелый и необычный, что даже прогрессивных руководителей это поначалу отпугивает. Что же говорить о рутинерах! А будучи женат на мне, сумеет вместе с папой пробить эту идею в Совмине. Но вместе с тем он по-настоящему полюбил и никогда от меня не откажется, что бы ни случилось. Ну, еще он говорил, что я рождена быть женой большого человека, сумею помочь его целям.

Я вспомнил, как лет пять назад Таня обмолвилась, что Борис заставляет ее улыбаться совершенно несимпатичным людям и из-за этого у них, как она выразилась, недоразумения. Я невольно подумал, что с Огородниковой у Гудимова недоразумений бы не было.

— Он увлек меня грандиозностью своих проектов, смелостью, способностью перешагнуть условности, а в его положении это непросто. Большие люди рабы условностей. И я... я... Ну, да, впрочем, неважно. Понимаете, я росла в семье, которая всегда как-то возвышалась над другими. Я привыкла, что всегда одета лучше сверстниц, имею больше возможностей, что везде, даже в школе, меня отличают от других, причем не за мои способности, весьма средние, а за то, что я дочь... Что запросто разговариваю с гостями, имена которых то и дело мелькают в газетах. И как-то не мыслилось, что можно выйти замуж за рядового... труженика, что ли. Потому и за сиделась, чуть ли не до тридцати. — Она усмехнулась и быстро моргнула несколько раз, сдерживая внезапную слезу. — Само собой разумелось, что мой муж должен входить в тот же круг людей, имеющих... дополнительные блага, скажем так.

И вдруг умирает отец, вернувшись из заграникомандировки. Какую речь произнес Гудимов на похоронах! Я плакала. Все думали, что я скорблю по отцу или по тем привилегиям, которых лишаюсь с его смертью, а я плакала от счастья, что меня любит такой человек. Меня удивило, что он не поехал на поминки, но тогда я не

придала этому значения А потом... потом он стал избегать меня. Мне так необходимо было иметь его рядом, а он отговаривался то совещаниями, то ангиной.

Я отказывалась верить: у кого станет сил вынести самой себе приговор? А ведь приходилось еще поддерживать мать, которая совсем опустила крылья. Наконец я не выдержала, позвонила ему и сказала, что сейчас приеду и начну выяснять отношения прямо в его служебном кабинете. Он что-то протестующе залепетал, но я бросила трубку.

Время я выбрала неудачное. Мы собрались с мамой на кладбище устанавливать ограду на могилу, которую сделал один из заводов отрасли. Министерство выделило рабочих и предоставило машину, бывшую папину персональную. В последний раз мы пользовались этой машиной. Ведь мы теперь уже не члены семьи крупного руководителя, — она зло усмехнулась, — и в нашем распоряжении все виды общественного транспорта, включая такси. Шофер торопился и был совсем не так любезен, как раньше, но я уговорила его заехать на полчаса в министерство и, оставив маму в машине, кинулась к Гудимову. Задрыга-секретарша не хотела меня пускать, кричала, что Гудимова нет. Я отпихнула ее, ворвалась в кабинет и убедилась, что она не соврала. Тогда я зашла к Жене Левиной. Она рассказала, что Гудимов взял ключи от квартиры своего друга и ушел к нему писать доклад, а то на работе отвлекают звонки и посетители. Удрал, как провинциальный Дон Жуан! Женя была в курсе моих дел, и я могла говорить с ней свободно. Она, как умела, утешила меня. Мы забежали в туалет — извечное убежище расстроенных женщин — закурили, поплакались. Я подарила ей пачку «Кэмел», я их всем дарю, и немного успокоилась.

Начальник отдела, вот этот самый Юрий Дмитриевич, был на кинопросмотре, и Женя предложила проводить меня к нему на квартиру, где я смогла бы свободно высказать Гудимову все, что я о нем думаю. Иногда

женщине это очень нужно, чтобы не потерять к себе уважения. Если бы было время, я, пожалуй, так бы и поступила. Но внизу стояла машина с нетерпеливым шофером и мамой, которая уже у министерства начала плакать, и я поехала на кладбище. Женя проводила меня до машины.

Вернувшись с кладбища вечером, я отправилась бродить по улицам, потому что иначе сошла бы с ума в пустой квартире с мамой. Проходя мимо ресторана, увидела Юрия Дмитриевича, и вот, собственно, и все.

— Еще вопрос, — сказал майор. — Откуда у вас эти сигареты?

— Последний папин подарок. Правда, невольный. Возвращаясь из Японии, он заехал по делам в Америку и привез целый ящик. Не для себя, он не курил, а для иностранцев, которые часто приходили к нему на работу. Ну и мне подарил несколько упаковок, хотя его коробило от того, что я курю. А теперь вот весь ящик достался мне. Закуривайте.

— Благодарю, — майор закурил и расписался на пропуске. Вероника Петровна торопливо провела пуховой по щекам, тронула помадой губы.

— Так помогла я вам хоть немного в поисках истины?

— Помогли, и очень сильно. Огромное вам спасибо.

— А вот для меня все остается, как в тумане, — она жалко улыбнулась. — Не могу поверить, что я была для него лишь ступенькой на служебной лестнице.

— Не мне вас утешать, Вероника Петровна, — сказал майор. — Это сделает время, простите за избитую истину. Но ключ к разгадке я вам дам. Сумейте только им воспользоваться. Так вот, Юрий Дмитриевич не был любовником Татьяны Вениаминовны.

Она холодно пожала плечами.

— Теперь это не имеет значения.

И все же она поняла. Как женщины быстро разбираются в таких вещах! Уже подойдя к дверям, она вздрог-

нула и резко бернулась. Щеки ее стремительно заливала краска. Ей стало так стыдно, что слезы навернулись на глаза.

— Боже, — сказала она, — какая мерзость!

И кинулась вон, хлопнув дверью.

После ее ухода мы довольно долго молчали. Я пытался как-то увязать ее рассказ с обликом того Гудимова, которого знал. Конечно, все было так, как она говорила, и все было не так. Беспринципный карьерист, готовый шагать по трупам... Сказать так о Борисе — все равно что пытаться понять сложнейшие явления современной физики, читая школьный учебник. Все было гораздо сложнее... и страшнее. Отнюдь не престиж должности и связанные с этим персональная машина, государственная дача, поликлиника, спецраспределитель составляли Бориса любыми способами карабкаться по служебной лестнице. К бытовым благам он как раз был равнодушен и пользовался ими постольку, поскольку они помогали работе, помогали не отвлекать мысли и силы от дела.

Дело! Вот единственное, что занимало его в жизни, что наполняло его с утра до вечера и даже во время сна. Некоторые самые смелые и удачные решения приходили к нему во сне. Частенько мне казалось, что Борис не живой человек, а собирательный образ, сошедший с пожелтевших газетных страниц.

У нас почему-то укоренилось мнение, что надо работать на износ, до инфаркта. Чтобы после смерти непременно подчеркнули: «сгорел на работе». И никто еще не осмелился высказать вслух, что цель жизни вовсе не в этом. Не для того создан человек, чтобы, как битюг, тащить на себе непосильный груз. Не жить, чтобы работать, а работать, чтобы жить, — вот нормальное состояние человека. Но сколько лет мы воспевали романтику трудностей — честное слово, у меня даже в юности вызывали недоумение и неосознанную брезгливость трафаретные газетные репортажи со строительных площа-

док. Жить в палатках при лютom морозе, без элементарных удобств, производить вручную непосильную работу, потому что кто-то не удосужился организовать в достаточном количестве производство механизмов, бить рекорды выносливости, чтобы всю остальную жизнь проводить под наблюдением врачей, — это, по-моему, не героизм. Это унижает человека. К счастью, в последние годы такие репортажи исчезли с газетных страниц. Поняли, что человек создан для легкой, приятной жизни, в которую обязательно входит труд. Но труд разумно организованный, на уровне эпохи, доставляющий удовольствие, а не гнетущий с мрачной неотвратимостью, как пудовые вериги религиозных фанатиков.

А Гудимов был фанатиком труда, ибо больше ни к чему не был пригоден. Не знаю, что его таким сделало, мы познакомились, когда он был уже сложившейся, несмотря на молодость, личностью с твердым взглядом на жизнь. И намертво оторвал от себя все, что, по его представлениям, мешало успеху, мешало стать энергичным руководителем — бытовал довольно долгое время такой термин. Быть энергичным руководителем — значит идти напролом, выполнять задания любой ценой, в том числе и ценой человеческих жизней. Ничто не ценилось в то время так дешево, как человеческие жизни. Тогда твердо помнили, что ручной труд, рабский труд самый дешевый, но забывали, что и наименее производительный. И Гудимов добился своего — стал идеальным руководителем по тем меркам... Но в том-то и была его трагедия, что к тому времени, когда он стал идеальным руководителем, мерки изменились. А к новым требованиям он не сумел приспособиться, да и не захотел. И заплатил страшную цену за то, чтобы мечта стала судьбой. Потому и карабкался с такой одержимостью по служебной лестнице, что сознавал свою ущербность, неполноценность, глухоту души ко всему тому, чем так легко и свободно упиваются другие. Он завидовал им мрачно, до ненависти, и яростно искал наслаждений в единственно

доступной ему сфере — административной. Как тот одержимый из древнего мифа, что никак не мог схватить золото, проскальзывающее между пальцами. Успехи в административном кресле были необходимы ему для самоутверждения, что он хоть в чем-то превосходит других. Потому и бросил дочь Огородникова, что не могла она уже помочь в той коренной перестройке отрасли, которую он придумал. Придумал для того, чтобы завалить себя и других напряженной организаторской работой на многие годы вперед. Я знал этот проект — смелый, грандиозный и... абсолютно бесчеловечный. Вот в тридцатые годы его бы, пожалуй, приняли. А сейчас перестройка пошла по другому пути.

Свое мнение я не раз высказывал ему, упирая на то, что условия для осуществления его проекта у нас еще не созданы, да и вряд ли когда-нибудь будут созданы: после разрушительного удара по экономике в застойный период понадобится не один десяток лет, чтобы накопить необходимые ресурсы...

— Да что условия! — отмахивался он. — А у Петра Великого были условия? Одной железной волей перевернул Россию.

— И костями голодных мужиков.

— А, брось! Мы не на собрании. Ты думаешь, домны Магнитки на фундаментах стоят? На костях они воздвигнуты. А уж про Волгобалт и говорить нечего. Иностранцы удивлялись не только тому, как быстро мы строим, но и какой ценой... Русь все выдержит.

— Но зачем жертвы, если можно без них? Твой план предусматривает огромные капиталовложения, которые надо откуда-то взять. Значит, где-то в чем-то людям опять станет хуже. И это будут неоправданные жертвы, поскольку экономические законы неумолимы, зря ты уверен, что их можно обойти, повернуть туда, куда хочется. А главное, ты стремишься возродить снова командный стиль руководства, который сейчас с таким трудом пытаются изжить. И я думаю, ты даже не представляешь

себе всех последствий. Ведь если одна отрасль вырвется вперед, возникнет диспропорция, нарушится плановость, некому будет потреблять нашу продукцию, которой мы завалим рынок. Придется подтягивать всю остальную промышленность — отрасль за отраслью пойдет по цепной реакции, — а это значит на долгие годы посадить страну на голодный паек, потому что на группу «Б» уже средств не хватит.

— Ну и что? Мы работаем для потомков.

— Но ведь ты и потомков обездолишь. На несколько поколений вперед страна не сможет войти в нормальную колею. А уж про наше поколение и говорить нечего — что же, оно по гроб жизни должно существовать от получки до получки? Люди не винтики... — у меня больше не оставалось аргументов. Это был не человек, а лавина, слепая и неукротимая. Однако моя последняя фраза разозлила его.

— Не винтики, говоришь? — Он встал передо мной, широко раздвинув ноги и скрестив руки на груди, словно монумент. — Ишь, как вы любите опираться на эту фразу! Мол, вся суть культа вылилась в ней. А если это правда? Если все-таки винтики? Каждый на своем месте делает дело. Незаменимых нет. Если какая-то деталь сломалась, ее выбрасывают и заменяют другой, с конвейера. Бесчеловечная, скажешь, философия? Да нет, именно такая, какая нужна нашему народу с его врожденной неприязнью к дисциплине, к порядку, к повиновению. Ты думаешь, вождь был таким недоумком, каким его сейчас изображают: полуграмотным азиатом, жестоким дикарем, шизофреником, вечно боявшимся заговоров? Нет, брат, он предвидел нынешние времена и сделал все, чтобы максимально отдалить их... И страна должна идти по тому пути, что проложил он, иначе она погибнет.

Нет, не так все это однозначно, как представляет Вероника Петровна.

Голос майора прервал мои размышления.

— Так как, по-вашему, Юрий Дмитриевич, могла она убить?

Я сделал усилие, чтобы вернуться в обычное настороженное состояние.

— Думаю, что нет. К тому же у нее алиби.

— Ах, алиби! Поменьше верьте всяким алиби, Юрий Дмитриевич. Многие из них при внимательном исследовании — увы! — лопаются, как гнилой орех, кажущийся снаружи совершенно здоровым. Так что старайтесь понять суть человека. Способен он по своей натуре на убийство или нет? В данном случае все внешние признаки не в пользу Огородниковой. Единственный ребенок ответственного работника, донельзя избалованная, с детства не знающая предела желанием. Помните, как это она: «Теперь мы не члены семьи...» Трудненько ей будет привыкать... И вот такую женщину оскорбили страшно, жестоко. Может она убить? Нет, категорически нет. Вероника Петровна сильный человек, в отца. Не каждая женщина решится выяснять отношения с любовником на его службе. Гудимов ведь потому и спрятался в вашей квартире, что знал: она может и домой к нему прийти и устроить скандал при жене.

— Что-то я не понимаю: сильная личность как раз и может...

— В том-то и дело, что не может. Не та ситуация. Это убийство, неожиданное, импульсивное, было совершено личностью слабой, безвольной или, лучше сказать, застенчивой. Удивлены?

Я осторожно пожал плечами.

— Нет, отчего же. Очевидно, у вас есть основания для этой теории.

Получилось совсем как у майора недавно. Не только строй фразы, но даже интонации. Что за дурацкая привычка копировать собеседника!

— Не теория это, дорогой Юрий Дмитриевич, а чистейшая практика. Ход событий не допускает иного толкования. В данном случае убийство — способ устране-

ния источника зла. Отсюда и будем исходить. Есть два пути бороться со злом, — задумчиво продолжал он. — Первый, тяжелый, изнурительный — вскрывать зло, предавать его гласности. Осаждать партийные и общественные организации, писать в газеты, копить изобличающие факты, выдерживать клевету и месть, прослыть склочником, завистником или идиотом-идеалистом, прошибающим головой стену, и все же через год, два, три... через десять лет, если не посадят в психушку, где подонки-врачи сделают из вас законченного идиота... Через десять лет переломить всех, кто обязан заниматься этим делом, доказать свою правоту так громко, что уже нельзя не отреагировать, и все же покарать мерзавца. И опустошить этой борьбой свою душу, вычеркнуть эти годы из жизни. Это путь сильных людей. И второй путь — для слабых. Взорваться неожиданно для самого себя, поскольку на долгую борьбу сил не хватает, и совершить поступок, который еще минуту назад казался немыслимым. Впрочем, об этом мы еще поговорим.

Так вот, я с самого начала знал, что не Огородникова убийца. Сами понимаете, не так просто вызываешь человека, готовишься к встрече. Всегда надо быть более готовым, чем он. Я и про алиби знал, железное алиби, ничего не скажешь. Я ведь ее по обязанности пригласил, так полагается. А она взяла да и указала убийцу. Вот ведь как бывает. И сама не подозревает об этом. Так что можно считать следствие законченным.

Холодная скованность разлилась по моему телу. Будто вместо крови в жилы накачали бетон.

— Слушайте внимательно, Юрий Дмитриевич. Убийца — человек не сильного характера, несправедливо обиженный Гудимовым, считающий, что этим поступком он восстанавливает справедливость не только по отношению к себе, но и к другим. Так вот, этим человеком может быть только...

Я невольно зажмурился.

— ...Евгения Михайловна Левина.

Так бывает, когда глубоко нырнешь и рвешься к поверхности, а воздуха не хватает. Уже смертельный ужас подбирается к сердцу, уже губы помимо воли готовы распахнуться, чтобы выдать предсмертный вопль, и в этот момент по глазам бьет спасительный свет и все твое существо ощущает жизнь. Вот так и со мной: была названа совсем другая фамилия. И если в первое мгновение я был весь во власти животной радости, то во второе, перегнувшись через стол, орал дурным голосом на майора Козлова:

— Да вы что!.. Да как вам такое в голову!... Это самоуправство! Я буду жаловаться!

Он смотрел на меня, как всегда, спокойно, и было в его взгляде что-то такое понимающее, доброжелательное, что я сразу обмяк и, шлепнувшись обратно на стул, только развел руками.

— Н-да! — протянул майор. — Вот, значит, вы как, Юрий Дмитриевич. Самоуправство! Видно, что-то другое ожидали услышать. Невыгодно вам так сейчас себя вести, и вы это знаете. А все же за друзей... Похвально! Но почему, позвольте вас спросить, Левина не может быть убийцей?

— Перестаньте, Семен Николаевич, — взмолился я. — Вы прекрасно знаете, что это не так.

Впервые я увидел на его лице жесткие складки от носа к губам.

— Знаю? Я ничего не знаю. Я обязан найти преступника и найду его. А на Левиной круг смыкается. Были у нее причины ненавидеть Гудимова? Несомненно. Была ли убийцей женщина? Очень вероятно: платок... Кстати, у Левиной, как установлено, такие же. Не замечали? Ну, конечно, вам же не надо было, а мы в первую очередь всех женщин объединения проверили, и у троих — такие платки. Могла Левина носить яд в сумочке до

удобного момента? Отнюдь не исключено. В приемной Гудимова постоянно кипел чайник, за день он выпивал по десять-двенадцать стаканов: у него постоянно пересыхало в горле. Чего проще подловить момент, когда секретарша выйдет... Но это опасно: будут искать среди сотрудников. И вдруг такое везение — начальник один в вашей квартире. Шерше ля фам, сказали вы когда-то. Вот она и найдена!

Он не давал слова вставить, говорил и говорил, резко взмахивая рукой, будто вбивал гвозди в мой раскрывшийся для возражения рот. Так на ринге беспощадные удары раз за разом припечатывают к настилу слабейшего, только он соберет силы, чтобы подняться.

— Давайте детально восстановим ход событий. В одиннадцать сорок пять Гудимов берет у вас ключи, заявляя во всеуслышание, что будет в спокойной обстановке работать над докладом. В коридоре он доверительно сообщает вам, что его преследует женщина. В двенадцать вы уходите в конференц-зал на просмотр технических фильмов. В это время приезжает Огородникова, и Левина предлагает проводить ее на вашу квартиру. Выходит, она знает, где вы живете. Огородникова отказывается и уезжает на кладбище. Заметим, что они старые подруги и горе Огородниковой не могло оставить Левину равнодушной. Это горе да плюс своя обида — вот вам и условия для взрыва. Всегда нужен какой-нибудь маленький дополнительный факт, как детонатор. В двенадцать пятьдесят вы возвращаетесь с просмотра. В тринадцать тридцать раздается телефонный звонок. Вы снимаете трубку и говорите: «Привет, Борис. Ничего, все в порядке, а ты как? Ну давай, давай работай... Ладно, сделаю». Этот разговор слышали все сотрудники и запомнили, потому что впервые вы при посторонних говорили с Гудимовым на «ты» и просто по имени, без отчества. — Вы положили трубку и сообщили Левиной, что Гудимов приказал срочно отнести заяв-

ку в Союзглавкомплент. В тринадцать пятьдесят Левина ушла с заявкой. Все правильно?

— Да, но...

— Подождите. Подведем итоги. Итак, в тринадцать тридцать Гудимов был еще жив, что не противоречит заключению медэкспертов. Где находились в это время возможные подозреваемые? Вы не покидали кабинета, Огородникова утешала мать на кладбище, жена Гудимова — да-да, приходится думать и о ней — жена Гудимова выступала на ученом совете своего института. А где была Левина?

— В Союзглавкомпленте, — почти закричал я.

— Черта с два! Туда она явилась только в пять вечера, была чем-то расстроена, поскорее отдала заявку и убежала. Что она делала эти три часа?

— В магазине торчала, конечно.

— В каком еще магазине?

— В универмаге, в каком же еще. Простояла в очереди за кофточками или импортными бюстгалтерами, — я старался говорить как можно более убедительней. — Ей не досталось, вот она и расстроилась. Левина известная тряпичница.

— Неубедительно, — майор покачал головой. — В магазин, в рабочее время...

— Да все женщины так делают. А потом врут напропалую, что два часа ждали нужного человека. Что же делать — женщины есть женщины, перестройку они воспринимают по-своему. И мы к этому привыкли: им ведь надо хозяйство вести, а когда? Поэтому закрываем глаза на то, что обедают они в неурочное время, а в обеденный перерыв «законно» бегают по магазинам...

— Нет, — сказал майор, — я буду придерживаться своей версии. — Можно только предполагать, как развивались события. Возможно, она закатила истерику и, пока Гудимов бегал за водой, подмешала яд в коньяк, который принесла с собой и каким-то образом заставила Гудимова выпить. А может, коньяк купил он или вы,

ведь на другой день, если не ошибаюсь, у вас было намечено забить пулю в постоянной компании. В общем, все это детали, которые раскроет сама Левина.

Никогда еще не ощущал я в себе такой ярости и решимости биться до последнего. Кого-кого, а Женю Левину я ему не отдам. Впрочем, ей, собственно, ничто не угрожает, но не хватало еще, чтобы ее вызывали, трепали нервы... Да и как это повлияет на получение квартиры?

— Все, что вы здесь нарисовали, — чистейший домysel, построенный на случайном совпадении фактов, — холодно сказал я. — Евгения Михайловна порядочный человек...

— А вы думаете, Гудимова убил не порядочный человек? — быстро перебил он.

Я возмущенно развел руками.

— Ну, знаете!

— Думаете, порядочный человек не может быть убийцей? Или, наоборот, убийца автоматически перестает быть порядочным человеком? А если он не видит для себя иного пути бороться со злом? Если у него слабая воля, об этом мы уже говорили, и он знает, что не выдержит ожесточенную многолетнюю борьбу, когда противник к тому же не будет сидеть без дела? Он тоже будет доказывать свою правоту, и у него это получится лучше, потому что он сильнее, наглее и не особенно разбирается в средствах. Законы-то он не нарушает, а что можно сделать с полноправным гражданином без соответствующей статьи кодекса? Что, например, можно было сделать Гудимову за то, что он не дал квартиру Левиным? Или на долгие годы отравил жизнь Огородниковой? У него на все найдется убедительный ответ. Квартиру не дал потому, что, как начальник, имеет право и даже обязан установить, кто из работников ценнее. Ошибся? Ну что ж, с кем не бывает. Да и ошибку найдут не в том, что не дал квартиру Левиным, а в том, что не подготовил заранее общественность. Списки-то

утверждал он лично когда-то. Поставил бы сразу Левиных на четвертое место, никто бы слова не сказал. Это вот действительно его ошибка. А Огородникова... Решил остаться с семьей. Опять ошибся? Так у кого поднимется рука ударить за это? Работник-то он отличный, а это главное. Нет, Юрий Дмитриевич, гудимовых голыми руками не возьмешь. И что делать порядочному человеку, когда для него и личное, и общественное, и все мировое зло слилось в одной личности? Ох уж эти мне борцы-одиночки за правое дело!

Он метнулся со стула и зашагал по кабинету, часто затягиваясь сигаретой. Впервые я видел его таким взволнованным.

— Вот вы в ресторане что-то такое о дуэли рассуждали, если Огородникова не напутала. Не знаю, что вы имели в виду, но мне это слово тоже приходит на ум, когда здесь, напротив меня, сидит порядочный человек. Редко, к счастью, но сидит. И я не считаю, что он перестал быть порядочным человеком, когда совершил преступление ради других. Чтобы помочь обиженному, отвратить беду от ближнего. Конечно, раньше куда как проще было: дал мерзавцу по морде — и к барьеру. Кто кого. Кровь все смывает. Сейчас сложнее. Дашь по морде, а тебя — на пятнадцать суток. И к барьеру не вызовешь — не поймут. Век не тот, нервный век, а у барьера надо стоять с крепкими нервами. Да и оружие носить запрещено, не на мясорубках же драться. И все-таки дуэли происходят и в наше время. Тихие дуэли, страшные, когда один из противников даже не подозревает, что стоит на смертельном рубеже, а другой постепенно осознает, что для него собственная судьба уже не первостепенное в этом мире. Что он должен, обязан пресечь зло. Как в войну — грудью на амбразуру. Черт побери! — Он с размаху швырнул окурок в пепельницу. — Мы ищем таких людей, мечтаем о них. Нам, в органах, так нужны работники, у которых от рождения заложено чувство справедливости, как у других музы-

кальный слух. К сожалению, находим их зачастую, когда ничего уже нельзя поправить.

— А вы не ищите, — сказал я. Почему-то мне захотелось созорничать.

Он ошарашенно посмотрел на меня и вдруг рассмеялся. Его лицо опять сделалось спокойным и доброжелательным.

— А помочь им надо, как вы считаете? Кто же это сделает, кроме нас? Ведь угар проходит быстро. В первые день-два у них в душе колокола благовестят, как в первопрестольный праздник. Георгиями-победоносцами себя мнят, хоть икону рисуй. Зато потом... Знаете, что бывает потом?

Я пожал плечами. Откуда, мол, мне знать?

— Потом начинаются муки. Цель-то ведь не достигнута. Мало покарать негодяя, надо еще, чтобы его смерть послужила предостережением другим, чтобы народ одобрил... А его, наоборот, безвинной жертвой считают, сокрушаются, над гробом прочувствованные речи произносят. И вот тут-то происходит переоценка ценностей. Оказывается, жизнь человеческая — она дорого стоит. Дороже, чем, может быть, причиненное этим человеком зло. Теперь уже не кажется, что этот выход был единственно наилучшим. Ночи-то длинные, и сколько за них передумаешь! Значит, надо себя реабилитировать, в глазах своей совести оправдать. А как? И опять человек идет на крайнюю меру: признаться, покаяться, чтобы все знали — за что... Чтобы пожалели, оправдали в душе. Чтобы в зале суда какая-нибудь старушка крикнула: «Правильно, сердешный, туда ему, извергу, и дорога!» Ох, как много значит иногда такой выкрик! А ежели этого не будет, он, пожалуй, руки на себя наложит. Справедливость... Ведь к нам иногда через двадцать лет после преступления приходят. Каются, грех с души снимают. Но ведь эти двадцать лет человек, считай, из жизни собственной рукой вычеркнул. Наказал себя страшнее, чем ему по закону положено. Вот чтобы

этого не случилось, мы и помогаем таким людям. Для них наказание как кислота: всю накипь с души снимает. И не спешим мы сразу их арестовывать. До последнего момента даем шанс явиться с повинной: срок меньше. Если уж не созреет, тогда... Поэтому, Юрий Дмитриевич, я и не буду недельки две вызывать Левину. Пусть подумает, попереживает. Сегодня у нас что? Среда. Так вот, я арестую ее через две недели, в четверг. Прямо у дверей министерства.

Не помню, как вышел от него, как отдавал пропуск дежурному. Очнулся только у Эрмитажа, где какой-то бородатый шалопай больно двинул меня под ребра гитарой. Часы показывали десять. По улице ползла сиреневая мгла, и было дико смотреть на джинсовую молодежь, торопливо вливающуюся в сад, будто они боялись куда-то опоздать. Акселераты в потертых куртках небрежно обнимали длинноногих девчонок. Девчонки улыбались и прижимались к ним... Не так, как в наше время — смелее и откровеннее. Как мне сейчас была необходима женская улыбка! Женщина-утешительница... Плохо, когда некого обнять в такой момент.

И тут я вспомнил про Таню. Она ждала сегодня. Поздновато, но у меня уже разомкнулись сдерживающие центры. Поймав такси, я торопливо назвал адрес.

Она не удивилась, словно была уверена, что обязательно приеду. Молча распахнула дверь, приглашая в свою комнату. Они давно уже с Борисом жили в разных комнатах. Я повесил пиджак на стул и с наслаждением возвращенного к жизни повалился на диван.

— Кофе, коньяк?

Коньяк, конечно, лучше, особенно сейчас, но... в доме повешенного не говорят о веревке.

— Кофе, пожалуйста, и покрепче.

Она кивнула, скрылась в кухне и минут через десять принесла две чашки и вазочку с печеньем на маленьком подносе.

Пока ее не было, я пытливо оглядывал комнату, ища

изменений. Мне казалось, что со смертью Бориса что-то обязательно должно измениться. Но все вросло в привычные места, будто здесь жил совершенно чужой покойному человек. Впрочем, так оно и было.

Нелегко ей достались эти десять лет. Вот и детей не заимела. Сначала не хотел Борис, боялся, что дети будут отвлекать от работы, помешают служебному росту. А может, боялся оказаться банкротом: ведь детям надо отдавать душу, то эмоциональное богатство, которого у него не было. Потом не захотела она.

А внешне она ничуть не изменилась после похорон. Такая же ровная, спокойная. Наклеенные ресницы, тщательно замаскированные морщинки у глаз... Неужели Борис умер напрасно? Я затряс головой, отгоняя вставший передо мной синий труп. Нет, нет, конечно, не напрасно. Какой дикий клубок развязала эта смерть! Интересно, знает Таня или не знает?

Я исподтишка разглядывал ее, стараясь, чтобы она не заметила. Но она, разумеется, заметила. Взглянула сначала недоуменно, потом сердито и наконец улыбнулась.

— А ты не очень-то тактичен.

Я не нашелся что сказать. Действительно, хорош друг! Нашел когда глазеть на вдову. Мало тебе, что впустили в дом в такое время. Но все же, знает она или не знает?

— Помнишь, как у меня оторвался каблук?

Конечно, помню. Это было после того, как мы окончили второй курс. В парке культуры было традиционное весеннее гулянье, и мы, взявшись за руки и опьяненные восхитительным чувством свободы, протискивались сквозь толпы гуляющих, стараясь из озорства идти против течения. Покачались на качелях, полюбовались Москвой с высоты «Чертова колеса» и, выполнив «обязательную» программу, побежали на массовое поле танцевать под духовой оркестр. Какое это волшебство — летние сумерки! Редкие фонари, парящие над головами

светлыми воздушными шариками, залитые огнями пароходики, скользющие по черной воде, и над всем этим могучие, плотно сбитые звуки вальса... Вдруг какой-то увальень саданул ей по каблуку, и я полчаса колотил тупфлей о парашет, пока не преисполнился глубочайшего уважения к сапожникам, которые за две минуты сварили бы эту немудрую операцию. Пришлось потащить ее к себе в общежитие на Шаболовку, где можно было достать гвозди и молоток. В тот вечер она и познакомилась с Борисом... Ну конечно, это было в тот вечер. Я окончил второй курс, а он корпел над дипломом, и, когда она появилась в нашем пенале, независимо вздернув носик, он остолбенел. Потом отобрал у меня молоток и моментально поставил каблук на место. А через минуту они уже ожесточенно спорили о какой-то симфонии какого-то француза из прошлого века, которой кто-то где-то с блеском дирижировал. Я никогда не любил и не понимал серьезную музыку и не стыдился в этом признаться. Но знала бы она, что Борис в искусстве вообще ничего не смыслил. Просто он регулярно читал рецензии в газетах.

— Современный руководитель должен быть интеллектуалом, — поучал он меня, уже тогда не сомневаясь, что будет крупным руководителем. — Времена красных директоров от коня и шашки, которые, кроме как через матюки, мир не воспринимали, канули. Теперь требуется поддержать любой разговор, на любом уровне, в том числе и на уровне образованного иностранца. А поскольку ходить на все эти культмассовые мероприятия нет ни охоты, ни денег, читай, брат, рецензии. Тут тебе все разжевано согласно моменту. Главное, не ошибешься.

Теперь Таня, конечно, знает ему цену... Ах, так вот почему она вспомнила тот вечер! Окажись у меня более умелые руки, не произошло бы этой встречи и она была бы моей женой, а не его.

— А помнишь?..

И опять, и опять:

— А помнишь?.. А помнишь?.. А помнишь?..

И каждый раз вспоминала те случаи, когда я мог быть более решительным, встать на пути Бориса, не отдать ему любимую девушку.

И каждый раз я еле сдерживался, чтобы не закричать: да знаешь ли ты, что мы чуть не стали мужем и женой? Еще вчера, позавчера, месяц назад... Борис со страшной целеустремленностью толкал нас друг к другу. Воспитанный на десятилетиями культивировавшемся лицемерии, мыслящий ушедшими в историю категориями, он хотел воздвигнуть еще одну ступеньку своей карьеры моими руками. Он панически боялся пересудов, разговоров, пятен на мундире. И если бы ты сама ушла ко мне, он был бы чист. Только чтобы обязательно ко мне, чтобы все было на виду у общественности. Тогда он даже подал бы заявление в партком, что я разрушил его семью... Потому и демонстрировал так упорно нашу дружбу. Кто же и сделает пакость, как не лучший друг? Тем более друг, который разошелся уже с одной женой, а значит, по недавним понятиям, навеки аморальная личность. И он бы добился своего, он всегда добивался... И это было бы полное торжество зла.

Но я ничего не сказал. Она потому и вспоминала, что знала это.

6

Гриша Левин сидел напротив меня и бойко излагал положение дел. За две недели он неплохо освоился с ролью руководителя. Мне, например, понадобился больший срок. У Гриши и самостоятельное мышление появилось, и способность быстро решать стихийно возникающие текущие вопросы. И атмосфера в отделе, что более всего беспокоило меня, оставалась, кажется, нормальной. Из-за этого и стараются взять начальника со сто-

роны: трудно подчиняться тому, кто еще вчера был равным тебе. Однако сотрудники довольно спокойно восприняли назначение их молодого товарища. Если и были недовольные, то по крайней мере вслух они не высказывались, и ни одна анонимка не постучалась еще в двери парткома. Только Головкин, «вечный зам», очень знающий инженер, заметил мне с горечью:

— Вот ведь, Юрий Дмитриевич, что значит попасть в неудачную полосу. Когда я был в годах Левина, ценились зрелость и опыт. А теперь, когда добрался до руководящего возраста, — дорогу молодым.

Что я мог ответить? Отделался шуткой.

За эти дни, на редкость спокойные, произошло два события, заслуживающие внимания. Во-первых, уволилась Лидия Тимофеевна. Каким образом Леониду удалось сплавить ее в подчиненный нам трест — его тайна. Но она подала заявление, которое тут же было подписано, и в три дня ей оформили перевод. Разумеется, ни о каких товарищеских проводах не могло быть и речи. Она тихо и незаметно исчезла из нашей жизни, и не один сотрудник вздохнул с облегчением.

Во-вторых, ко мне заходил майор Козлов. Представительный, в роскошном сером костюме, похожий на директора периферийного завода, вызванного в столицу, он невозмутимо прошествовал мимо новой секретарши, и та постеснялась спросить, кто он и по какому делу намеревается беспокоить главного инженера.

Удивительно, ничто не дрогнуло во мне, когда он вошел. Разумеется, я не забыл о нем, как не забывают о занозе, загнанной глубоко под кожу и потихоньку нарывающей, но я уже привык к этой боли или, может быть, оступел от нее.

Он зорко оглядел стенды с образцами продукции, фотографии заводов, диаграммы, графики, кучу бумаг на столе, и в его глазах, показалось мне, мелькнуло удовлетворение.

— Хороший у вас кабинет, — сказал он, усаживаясь. — Деловой. Настраивает на работу.

Я промолчал. Не за этим же он пришел, чтобы хвалить обстановку. Он закурил, пододвинул к себе пепельницу. Я тоже вынул сигарету и демонстративно поставил пепельницу точно на середину стола. Он не мог сдерживать усмешки.

— Я обещал, Юрий Дмитриевич, держать вас в курсе. Вот зашел ознакомить с последними новостями.

— Вы обещали две недели не беспокоить меня, — сказал я сквозь зубы. — Так что еще неделя в запасе.

— Не вас, не вас, а Евгению Михайловну. Так я и не беспокою ее. Правда, не мог отказать себе в удовольствии заглянуть в отдел, куда ее перевели, когда муж стал начальником технического, полюбовался на нее еще раз. Очень симпатичная женщина. Проводила меня до вашей приемной, так мило разговаривала...

Я молчал, еле сдерживаясь, чтобы не запустить в него пепельницей.

— Кстати, Юрий Дмитриевич, вы, помнится, уверяли, что мои подозрения против Левиной вызваны несчастным стечением обстоятельств, роковыми совпадениями фактов. Не так ли?

Я кивнул.

— Прибавьте к этим обстоятельствам еще одно. У вас тут появляются иногда женщины в серых халатах, травят мышей, которые, как это ни прискорбно, весьма ценят деловые бумаги. Так вот, у одной из этих женщин Евгения Михайловна за три дня до убийства Гудимова купила крысиный яд. А?

— Ну и что? А вы знаете, в каких условиях она живет? Дом дореволюционной постройки, там мыши в кастрюли прыгают, хотя деловых бумаг, насколько я понимаю, дома она не держит.

Майор развел руками своим излюбленным жестом мужичка-простака.

— Вы сделались очень нервным, Юрий Дмитриевич.

Я ведь просто собираю факты, которые мы потом вместе с вами попросим Евгению Михайловну объяснить. А насчет мышей... Так их, знаете, не рекомендуется выводить собственноручно, можно и отравиться не умеючи. Полагается сообщить в санэпидстанцию, и к вам пришлют специалистов.

Я не ответил. Все это пустые разговоры. До Жени он не доберется, и она никогда не узнает, кого проводила ко мне.

Он посидел еще немного, спросил, чем занимаюсь. Я ответил, что готовлю доклад на коллегия о работе наших заводов в этой пятилетке. И это совсем не тот доклад о перестройке отрасли, который не закончил Гудимов.

— За неделю управитесь?

— Постараюсь.

Это было неделю назад, и сейчас Гриша как раз докладывал мне о подготовке к коллегии. Хорошо поработал парень, ничего не скажешь.

— Постой, постой, ты что-то зарапортовался, — спохватился я, отгоняя невеселые воспоминания. — С каких это пор станки исчисляются в квадратных метрах?

— Ну? Вот черт! Штуки, конечно.

— Ясно с тобой, — сказал я. — Показывай ордер.

Как он расцвел! Бросил доклад, будто это простая писулька, и торопливо завозился над карманом, откалывая булавку. Из самой глубины бумажника бережно вытаскил обернутый в целлофан голубой листок.

— Вот! Двух... — у него перехватило дыхание, — ...комнатная. Целых двадцать четыре метра! И три десятых. Кухня, понимаешь, кухня шесть и шесть! Санузел раздельный. Комнаты смежно-изолированные, одна десять метров, другая четырнадцать.

Ему пошли навстречу: не дали первый этаж, дали последний, двенадцатый.

— Самый лучший! — убежденно сказал Гриша. —

Никто не будет гроыхать над головой и не зальет из испорченного унитаза.

Вот и все, подумал я. Справедливость восстановлена, а контора потеряла хорошего работника. Через несколько месяцев Женя наверняка уйдет в декрет.

Что-то горячее затопило сердце, жгучим комком стало в горле. Я прижал ладонь к глазам, но предательские слезы все равно находили себе дорогу.

— Юрий Дмитриевич, ты что... Что с тобой?

Перепуганный Гриша тщетно пытался наполнить стакан из заткнутого пробкой графина. Кончилось тем, что пробка вылетела и ему залило брюки.

— Ничего, — сказал я, судорожно напрягаясь, чтобы успокоиться. — Просто я рад за тебя, дурак.

Он неловко отряхивался, не глядя на меня. Лицо его побагровело. Стыдно стало, что забыл поблагодарить.

— Понимаешь, — забормотал он, не зная куда девать глаза и руки. — Мы с Женькой решили, что ты будешь самый дорогой гость на новоселье.

— Ладно-ладно, что-что, а новоселье я отпраздную, — я расхохотался. Все, что еще мучило и пугало, вышло вместе со слезами. — А теперь, Григорий Львович, вернемся к нашим баранам. Я имею в виду членов коллегии, которые будут бодать нас на обсуждении доклада. Вот тебе данные по другим отделам, обобщи все за меня. Боюсь, мне некогда будет этим заниматься.

— Новое срочное задание? — догадался он.

— Вот именно. Новое задание, и даже срочное. Только вот срок неопределенный.

Затем я вызвал по одному начальников отделов, распахнул им все дела, входящие в их компетенцию, и остаток дня провел в праздном ничегонеделании, размышляя, зайти или не зайти к Тане.

Мы встречались каждый день. Я приходил к ней домой, и она была рада. Мы всегда сидели в ее комнате, не заходя в остальные, пили кофе, смотрели телевизор,

если было что смотреть, неторопливо переговаривались. Того, что произошло когда-то на кухне, больше не повторялось. Мы, словно по взаимному уговору, делали вид, что забыли об этом. Но все равно меня охватывало теплое чувство домашнего уюта, чувство семьи. Я уже упоминал, что в моей холостяцкой квартире бывали женщины, здоровый мужчина без этого не обойдется. Но их посещения вносили струю чего-то скороспелого, недозванного, чуть ли не ворованного. О том, как было у нас с женой, не хотелось и вспоминать. А у Тани было совсем другое. Если бы Борис мог видеть нас, он бы решил, что его план осуществляется... Но сегодня я не пойду к ней. Сегодня мне нужна вся моя воля.

Разумеется, я не выдержал и позвонил ей в институт перед концом работы. Хоть голос ее услышать. Но какой-то стариковский фальцет ворчливо сообщил, что Татьяна Вениаминовна находится на теоретической конференции.

Ну и ладно. Так даже лучше. Я вышел из министерства, помахал группе сотрудников, украдкой, по одному, просачивающихся в «Рыбную», и, не заходя домой, отправился на Петровку.

— Пропуск для вас выписан, — сообщил дежурный в окошечке.

Значит, майор ждал меня. Головастый мужик, все рассчитал.

Я начал медленно подниматься по лестнице. Каждый шаг будто год — один, другой, третий... Брр, не стоит считать. Вот и эта дверь, ничем не примечательная, похожая на десятки других в коридоре. И однако за ней начинается новая жизнь... или существование? Я поднял руку, чужую, тяжелую, будто из чугуна. Постучал.

— Входите, входите, Юрий Дмитриевич, — благожелательно закивал майор из-за стола. — Присядьте пока на диванчик. Я быстренько закончу одно дельце, и мы с удовольствием побеседуем.

«Кто с удовольствием, а кто и нет», — подумал я, забиваясь в угол дивана.

Майор кончил писать и блаженно откинулся.

— Вы небось думаете, когда читаете про сыщиков, что они всю дорогу только тем и занимаются, что бегают за преступниками. Бешеная гонка на автомобилях, из пистолетов пиф-паф... Знаю, что не думаете, в детективах теперь наша деятельность отражена более-менее реалистично. И все равно вы не представляете, сколько у нас писанины. Побольше, чем у вас в министерстве, честное слово, и мыши у нас тоже водятся. И ведь не за себя приходится писать — за других. Вот полюбуйте, какой эпистолярый я сотворил.

Он перебрал мне лист бумаги и с любопытством следил за выражением моего лица. Я физически ощущал его взгляд и с неожиданным злорадством удержал невозмутимость, хотя это было написанное от моего имени признание в убийстве Гудимова.

— Если подпишите, будет явка с повинной, — сказал майор.

— А если не подпишу?

Он пожал плечами.

— Зачем же вы тогда явились? Вы же знали, что я не буду арестовывать Левину.

— А все-таки: если не подпишу?

— Тогда придется вас изобличать.

— Сумеете ли?

— Нет! — Этот неожиданный ответ заставил меня вздрогнуть. — Представьте себе, Юрий Дмитриевич, не сумею. И никто не сумеет. Чисто вы провели это дело. Бывает такое везение у дилетантов: ни единой зацепки не оставляют. Мелькнула у меня идея тогда на квартире: подвести вас к труп, гаркнуть: «Признавайся, мерзавец!» Кстати, мой коллега за стенкой так бы и поступил. В двадцать четыре часа отписался бы по вашему делу, быстренько передал бы вас следователю прокуратуры, а если бы и тот такой же дуболом попался, было

бы вам совсем плохо: загремели бы на косвенных на всю катушку... Что делать, у нас, как и везде, разные люди работают. Для меня важен весь комплекс — кто убил, за что убил, как созрел для этого. Важно понять человека. Может, есть в нем что-то такое, ради чего стоит и на риск пойти. Посмотрел я тогда на вас у трупа и понял: зациклились вы, не признаетесь. А сказав сразу «нет», будете стоять до конца: совестливый вы человек, неудобно вам от своего слова отказываться. Вот и решил я дать вам время одуматься и этим лет пять свободы сберечь. Более того, ведь я ради вас на служебное нарушение пошел. И других уговорил. Не должен я ваше дело расследовать — это обязанность следователя прокуратуры. Он, кстати, и расследует потихоньку... И будут еще у вас с ним долгие разговоры. И не такие уж неприятные: он ведь человек моей школы, когда-то моим учеником был. Потому и отступил пока что в тень, с молчаливого неодобрения начальства. И ожидают нас с ним теперь большие неприятности, потому как нет против вас улик. Я знаю, что вы убили, и вы знаете, что я это знаю. И суд лишит вас свободы: сумеет следователь написать убедительное обвинительное заключение, докажет вашу вину. Но это будет нечистая работа, всегда вызывающая сомнение, — приговор на основании косвенных улик. А ведь нам еще надо главную косвенную улику отыскать: того Бориса, который звонил вам на работу и которого вы, мгновенно сориентировавшись, выдали за Гудимова, когда тот был уже мертв. Так что, если вы сейчас скажете, что невиновны, я подпишу вам пропуск, и ступайте с богом. Только имейте в виду, потом вам будет гораздо хуже. С таким грузом на совести вы не справитесь. Но, в общем, поступайте как знаете.

— Вы даете смелые авансы.

— А что делать? Тут не поможет даже экспертиза, установившая по крошкам табака на платье, что покойный курил «Кэмел», а не «БТ». Это вы ловко сделали, что обменяли пачки, а уж с платком у вас получилось

просто гениально. Конечно, меня вы не обманули, я ни на мгновение не поверил, что убийца — женщина. Не по-женски все это выглядело. Но вы заставили следствие заниматься побочным материалом, потому что даже в случае вашего признания мы обязаны были проработать эту версию. И следователь прокуратуры среди всех ваших дам долго искал ту, которой принадлежит платок. Разумеется, он нашел ее, и теперь эта версия отработана. Кстати, это служит ему в некотором роде оправданием: проработал одну версию, другую, теперь вышел на вас. Вот мне только оправдываться нечем.

— Держите! — Я подписал заявление и бросил ему бумагу. — Избавлю вас от неприятностей. Только напрасно вы думаете, что я умею так ловко путать следы. С сигаретами получилось случайно. Обе пачки лежали рядом, и он сунул в карман не ту. А платок... Я и не подозревал о его существовании. Кто-то позабыл его у меня. Единственное, в чем я вас обманул, это когда сказал, что Гудимов должен был встретиться с женщиной. Я отлично знал, что он, наоборот, скрывается от нее. Зачем я это сделал? Смешно, как раз в этом хотел запутать следы. Детский сад, теперь понимаю... Но, во-первых, тогда я еще не решил, стоит ли признаваться. А во-вторых... Не стал бы я его убивать, если бы не одна нечаянная встреча. Но об этом я не расскажу: все равно не поверите.

— Расскажите, Юрий Дмитриевич, сами расскажете, без наших вопросов. Это для вас теперь жизненная необходимость. Вы ведь думали, что это так просто: лишить человека жизни. А я уже вам говорил, как будете для себя оправдания искать. Конечно, кое-кто убивает походя, но это же не люди. На них и смотришь иначе. А в вашем деле, кстати, одни смягчающие обстоятельства. Начать с того, что сам убитый отнюдь не вызывает сочувствия. Прокурор, разумеется, на этом не будет акцентировать внимание, а адвокат обязательно скажет... И будь у нас суд присяжных, на манер западного, за

который сейчас бьются передовые юристы, журналисты и писатели, вас могли бы и оправдать. К сожалению, при нашем «телефонном» суде этого не случится. Не то чтобы кто-то прикажет судье вас обязательно покарать, просто инерция мышления... А может, и прикажут. Дело-то ваше напрямую с перестройкой связано, и кое-кто воспринял бы оправдательный приговор как сигнал к действию: если, мол, его оправдают, тогда и нам только под охраной из дома выходить. Вы понимаете, о ком я говорю?

— Разумеется. Противников перестройки у нас еще более чем достаточно. Но вы даже не представляете, какие среди них люди...

— Представляю. Они и могут позвонить судье. А может, испугаются: сейчас это опасно. Но в любом случае на первое место выплывут парадоксальные факты. Во-первых, преступление было совершено абсолютно без корыстных целей, оно было для вас просто невыгодным. Ведь покойный тащил вас за собой по служебной лестнице, и вы в конце концов добрались бы до больших чинов. Кроме того, есть еще ряд нюансов в вашу пользу, мы обговаривали их со следователем прокуратуры, и он скрупулезно изложит их в деле. А во-вторых, вы выступили, как бы поточнее выразиться, эдаким Дон Кихотом, борцом за правду и справедливость, что ли. Это тоже произведет на судей впечатление, я уж не говорю о публике, которая своими эмоциями как-то влияет на результаты судебного заседания. Короче говоря, это убийство не вызывает омерзения, не горишь желанием немедленно схватить, покарать...

Что он имел в виду под другими нюансами? Неужели знал, что Борис сводил меня с собственной женой?

— А как вы все-таки догадались, что я убил? И когда?

— Сразу же. Ясно было, что, кроме вас, некому. Рюмка подсказала. Труп уже остыл, а она совсем мокрая. Да и вы сами... Помните, я ввел вас в комнату, по-

казал труп, а потом, когда возвращались на кухню, взял за руку? Вы ведь начитанный товарищ, все предусмотрели. И за лицом, и за голосом следили, только руки не приняли во внимание... И когда вы радовались вашему алиби, я только улыбался. Ну какое, сами посудите, алиби, если сорок пять минут вас никто не видел. Как раз то самое время, когда, как установила экспертиза, умер Гудимов. Ведь из темного зала, где показывали фильмы, так легко выбраться незаметно. Хотелось бы только знать: что вас толкнуло на это внезапное убийство?

Ну вот, начинается допрос. Неужели он не понимает, что сейчас я не в состоянии обсуждать детали той роковой встречи в моей квартире? Все отрезано, начинается новая страшная полоса, и к ней надо как-то подготовиться. А как все произошло... Об этом мы еще успеем поговорить.

Так я ему и сказал. Неожиданно он согласился.

— Ваша правда, Юрий Дмитриевич. Об этом вы и завтра, и послезавтра, и на будущей неделе разговаривать будете. Не со мной, правда. А со мной давайте о насущных делах. Вы дома-то все сделали? А то ведь приходят к нам, и оказывается, что чайник забыли выключить или письмо прощальное написать. Так что, если вам нужно домой, я отвезу.

— Нет, домой мне не надо. Вот ключи от квартиры. Но если бы вы разрешили позвонить...

— Татьяне Вениаминовне?

Удивительно, как он читал мысли. Я молча кивнул.

— Разумеется, позвоните. Я выйду, если стесняю вас.

— Да нет, не стесняете.

Я снял трубку. Бездна длинные гудки. Ее не было дома.

— Ничего, подождем, — сказал майор. — Спешить некуда. В камеру вас, наверное, не шибко тянет, да и у меня дел по горло. Так что если потребуется, то и до полуночи продержимся.

Она долго не приходила. Каждые четверть часа я снимал трубку и натывался на безнадежные гудки. У меня даже задрожали руки: вдруг она вообще не придет!

— Да вы спокойнее, — добродушно сказал майор, покусывая ручку. — Придет, куда денется.

Его поза поразила меня. Вот так же кусал ручку Борис, когда мы в последний раз разговаривали у меня на квартире. И это нетерпеливое покусывание разом разрушило мои надежды. Он будто вынул из меня что-то.

...Фильм начался издадека, как многие технические фильмы. Солнце весело выкатывается из-за горизонта и неестественно быстро поднимается в небо, разгоняя мрак. Розовые лучи падают на заводской поселок, зажигая окна в новеньких многоэтажных домах. Из подъездов дружно выбегают радостные, отлично выпавшиеся рабочие и бодро топают на родной завод: на работу, как на праздник... А Гриша приходит с синевой под глазами, и Женя украдкой глотает пилюли, потому что никогда не могут выспаться. Каждый из них боится, что другой не выдержит неустроенности, бездетности и уйдет искать лучшую долю. Какой уж тут сон! А ведь у министра есть резерв — пять квартир, которые он еще не раздал. Если Борис попросит... Я почувствовал, что задыхаюсь. Надо сейчас же, немедленно идти к нему. Почему-то показалось, что у меня дома он будет сговорчивее. Я сидел на крайнем стуле, в двух шагах от запасного выхода, и, не успев еще обдумать все как следует, очутился за портьерой. Такси... Светофоры, как орел и решка: зеленый — удача, красный — провал.

Два человека с разных сторон подошли к дому, чуть опередив меня. Они уже скрывались в подъезде, когда я выскочил из машины. Один толстенький, приземистый, в низко надвинутой на глаза кепке. Другой высокий, худой, в старой шляпе с обвислыми полями. На обоих — обтрепанные пиджаки, неглаженные лоснящиеся брюки с

бахромой внизу. И походка у обоих была одинаковая — нервная, неуверенная. Видно, с хорошего похмелья мужики. Я нагнал их уже у лифта.

— Какой вам? — спросил высокий, протягивая руку к кнопкам.

— Девятый.

Оба одновременно дернулись ко мне и застыли. У толстяка отвалилась челюсть, а острое лицо высокого начало стремительно бледнеть. И не успел я понять, что где-то уже видел этих оборванцев, они бросились бежать. Лишь прогрохотал и оборвался отсеченный стуком парадной двери панический топот. «Квартирные вору?» — подумал я и тут же забыл про них. Вот и мой этаж. Рыскаю по карманам. Ах да, ключи я отдал. Нажимаю звонок. Бледное лицо Бориса.

— Ты? Какого черта! Сюда нельзя...

— Слушай! — Я почти прыгаю на него, и он отшатывается. — У министра есть квартиры. Тебе стоит только попросить...

— И это все? За этим ты и примчался? — Его изумление настолько искренне, что я останавливаюсь, будто наткнувшись на стену. Он украдкой взглядывает на часы, проходит к столу, нервно грызет ручку, а я стою посреди комнаты как дурак.

Он бросает на меня взгляд, в значении которого невозможно ошибиться. Так препаратор смотрит на кролика, которому через минуту вскрыет грудную клетку. И жаль глупое, симпатичное животное, и ничего не поделаешь — надо. Погладим, приласкаем и этой же рукой нанесем удар. Сегодня я еще нужен Гудимову, и он будет со мной разговаривать. Завтра, когда Таня и я не выдержим его натиска, я умру для него как работник, как товарищ. Меня вызовут в партком, объявят выговор или даже исключат из партии за разрушение чужой семьи и переведут в другое подразделение или вообще попросят из министерства. В самом деле, разве может начальник объединения плодотворно работать

на благо народа, постоянно видя перед собой предателя, злого разлучника...

— Честное слово, Юра, ты идиот, — насмешливо говорит Борис. — С ума сойти, о чем ты только думаешь! Ты хоть сегодняшние газеты читал?

— Нет. — качаю я головой. До газет ли мне.

— Так прочитай! — неожиданно взрывается Борис, выхватывая из портфеля газету, исполосованную красным карандашом. Подносит вплотную к моему лицу, тыкает пальцем в крупный заголовок.

— «Коренной вопрос перестройки...» Вот что должно тебя волновать, а не какой-то там Левин.

— Но это же несоизмеримые вещи и друг к другу отношения не имеют.

— Как знать. Года три назад и разговоров бы об этой квартире не возникало. А сейчас вон как все на дыбы поднялись. Урок правды! — Он зло усмехается. — Я тебе сейчас другой урок правды преподнесу. Вот, пожалуйста: «Прежде всего необходима коренная перестройка деятельности министерств». Ну, об этом мы и раньше слышали. Но вот дальше: «Новые задачи и функции министерств требуют сокращения и упрощения структуры их аппарата, укрепления его научно-технических и планово-экономических подразделений и ликвидации той части аппарата, которая занимается оперативно-хозяйственными функциями».

— Не понимаю, что тебя взволновало, — я стараюсь говорить спокойно. — Вопрос этот давно назрел, и необходимость такой реорганизации сомнений не вызывает.

— У тебя не вызывает? А вот у меня вызывает, — Он отшвырнул газету, забежал по комнате, размахивая руками. Никогда еще я не видел его в таком состоянии. — Рушат систему. Ты понимаешь — систему! Выпестованную десятилетиями, отработанную, отлаженную, четко функционирующую...

— И приведшую к полному развалу экономики, — я тоже начал злиться.

— Чепуха! Мы шли вперед, пусть медленно, но шли. И как драгоценное наследство передавали все накопленное подготовленной смене. Централизованное управление, когда все нити сходятся в один штаб, диктующий решения, перебрасывающий резервы, регулирующий отношения, — это гениальное изобретение нашего времени, нашего строя. Без этого социализм немислим. И соответственно мы воспитали людей, которые иначе просто не смогут работать. А теперь тысячи опытейших специалистов окажутся не у дел. Да-да, не у дел, даже если они останутся на своих постах. Экономические методы руководства вместо административных! — Он зло выругался. — Ну как я теперь буду руководить предприятиями?

— А ты и не будешь руководить. Они сами справятся. Ты им не нужен.

Он резко оборачивается. Глаза у него бешеные.

— Я буду ими руководить! Понял? Найду такие возможности. Пока фонды в моих руках — я хозяин. А фонды я не отдам. Пусть-ка попробуют отнять! Нас много, и мы пока еще сила. Еще посмотрим, куда страна повернет... А что касается Левина... Интересно, с какой мордой я пойду к министру? Объединение получило три квартиры, столько же, сколько и другие. И нигде всех нуждающихся не удовлетворили. А идти позориться, каяться, что ошиблись, дали не тому, и это сейчас, когда столько поставлено на карту... Нет, ты положительно рехнулся, друг любезный!

— Но резерв, кстати, предназначен и для того, чтобы исправлять ошибки.

— Вот пусть другие и признаются в ошибках, а я обойдусь. Подумаешь, Левин! Да я завтра же приглашу на его место человека с периферии и дам ему квартиру из резерва. Понятно? И вообще, надоела мне эта история!

Голос его срывается на визг, ручка летит в угол. А я вдруг по какой-то таинственной ассоциации вспомнил,

кто бежал от меня из лифта — министр Теребенко и тот цековец, что не дал ему закончить тост. Ряженные, пробирающиеся тайком на сговор к Гудимову... Вот для чего ему понадобилась моя квартира... Страшная правда открылась мне. И я вдруг сразу успокаиваюсь. Я так успокаиваюсь, что уже ни о чем не думаю. Согнутая, как для прыжка, фигура Бориса вырастает до потолка, раздувается, заполняет все помещение. Зло! Вот оно, зло, которое мешает дышать, душит, наполняет ночи кошмарами...

Я поворачиваюсь и шагаю на кухню, как лунатик, но делаю все четко. Коньяк, крысиный яд... Почему-то кажется, что этого мало для Бориса, и я добавляю тиофос. Эти яды я выпросил у Жени. Не для себя — для приятеля из Перловки, того самого Бориса, что звонил... Хорошенько взбалтываю, захватываю две рюмки, вазу с яблоками — как уместилось все в руках? — и возвращаюсь в комнату.

— Вот это другой разговор! — радостно восклицает Борис. — Он не хочет сориться, я ему еще нужен. И на часы он больше не посматривает. Понял, что что-то помешало его соратникам прийти, и успокоился. — Между прочим, Татьяна сегодня спрашивала о тебе. Видно, старая любовь крепка. — Он грозит мне пальцем, но шутивого жеста не получается. Внезапно я понимаю, как он меня ненавидит. Его буквально корчит от унижения.

Мы закуриваем, оставляя пачки сигарет на столе, и я наполняю рюмки. Если у Бориса мелькнет хоть тень сомнения, я выпью первый. Но нет, он ничего не подозревает. Чокаемся. Он выпивает залпом и привычно причмокивает. Сует пачку сигарет в карман, другой рукой тянется за яблоком. Но движения эти уже наполовину рефлексные, неосознанные. Потом лицо его багровеет, челюсть отвисает и с хрустом уходит куда-то вбок, глаза выкатываются — страшные, мутнеющие глаза. В них ужас — последнее человеческое чувство... И я вы-

плескиваю отраву из своей рюмки в это ненавистное лицо. До сих пор мне почему-то стыдно за этот театральный жест.

— Юрий Дмитриевич, Юрий Дмитриевич, очнитесь!

Майор трясет меня за рукав. Я открываю глаза и вскакиваю.

— Никак вздремнули? — смеется он.

— Нет, просто задумался, — неохотно говорю я и иду к телефону. Если ее опять не окажется, больше не буду звонить. Но она дома.

— Таня, я в тюрьме, — говорю быстро, не давая ей закричать. — Дело в том, что это я убил твоего мужа.

Секунда молчания, и спокойный грустный ответ:

— Я это знала, Юра.

7

Следствие закончено, через несколько дней суд, и мне разрешили свидания. Узнав об этом, я невольно рассмеялся, правда, не очень весело. Свидания! Кто ко мне придет? Из всей родни осталась лишь престарелая тетка в маленьком городишке на Урале, откуда мы с Таней когда-то приехали в Москву учиться. Не с кем мне видаться.

Я расхаживал по камере, которую делил с двумя веселыми растратчиками, порядком расстроенный: был человек, и нет его. Вычеркнут! В тюрьме будто переносишься на другую планету. Та жизнь, что за стенами, — ненастоящая, нереальная, как на экране. Красивая, сказочная, какой не бывает. Все, что заботит и занимает обитателей той жизни, здесь кажется смешным и несерьезным. Зато среди нас жизнь полна до краев. Здесь чувствуют и ощущают в сотни раз острее, любая мелочь воспринимается как великое событие. Здесь я потерял страх. Тот страх, что жил во мне с детства и мешал вольно дышать, как астма, с которой смиряешься и все-таки дышишь... Я не заметил, как он ушел. Про-

сто однажды проснулся и почувствовал себя другим человеком. Но одно слово «свидание» выбило меня из колеи.

Растратчики знали мою историю — в тюрьме все обо всех знают — и жалели меня, как в деревнях жалуют дурачков. Так прямо и говорили: большой пост занимал человек, жену ему начальник отдавал, тут только и гужеваться. А он на мокруху пошел, идиот!

В дни свиданий к ним приходили женщины, с которыми они прокучивали казенные деньги, передавали увесистые посылки с продовольствием, и они по-братски делились со мной. И я порядком изумился, когда однажды надзиратель выкрикнул мою фамилию.

Это были Левины. Они стояли за стеклом, почему-то в темной одежде, как на похоронах, и с упрямо-независимым видом оглядывались вокруг, готовые, чуть что, дать отпор, хотя никто не обращал на них внимания. Увидев меня, Гриша не удержался и вытаращил добрые близорукие глаза, а Женя заплакала. Я и сам знал, что вид у меня непрезентабельный — костюм помят, волосы острижены, виски обсыпаны сединой.

— Ну, ну, Женечка, не надо, — сказал я, стараясь, чтобы голос не срывался. — Не так все это страшно. Очень рад, что пришли.

Но она долго не могла успокоиться, то и дело поднося платок к покрасневшим глазам.

— Юрий Дмитриевич, сотрудники просили передать тебе привет, — неловко сказал Гриша, явно не зная, о чем говорить. Очевидно, у них был отработан целый план по дороге, но он, разумеется, все перепутал и начал не с того. Я понял это по тому, как Женя на него взглянула.

— Спасибо, — сказал я. — Как там у нас, пятилетку утвердили на коллегии?

— Утвердили, утвердили, — радостно затараторил он. — Почти один к одному прошло. Так, мелкие добавления внесли. Правда, никто не знает, что от нее

останется: теперь ведь новое планирование будет, от предприятий, но пока у нас все по-старому. И в отделе все по-старому, только Иван Афиногенович ушел на пенсию.

Этого не следовало говорить. Женя двинула его кулаком под ребра, но было поздно.

— Иван Афиногенович?! — изумился я. — Чего это он вдруг? А-а, понимаю, понимаю... Испугался старик. Как же так, ручался за мою порядочность следственным работникам — и на тебе!

— Ну что вы, что вы, Юрий Дмитриевич, совсем не так, — заговорила Женя, через силу улыбаясь. — Знаете, что он сказал, прощаясь? Ну, выпили, конечно, за закрытыми дверьми, как полагается, старик раскраснелся и выдал речь. Если уж, говорит, такие люди, как товарищ Корнев, вынуждены прибегать к подобным мерам, значит, я так ничего и не понял в этом мире. И просил передать, что, несмотря ни на что, по-прежнему глубоко уважает вас. Честное слово!

— Спасибо! — Я проглотил горячий комок. — Женя не лгала, а значит... Значит, все было не напрасно.

— Юрий Дмитриевич! — Женя придвинулась вплотную к стеклу. — Мы никогда не забудем, что вы для нас сделали. Будем посылать вам посылки. Мы и сейчас принесли кое-что: теплые вещи, покушать... А когда вернетесь, обязательно к нам. В лепешку расшибемся, а поможем.

— Спасибо, Женечка! — Я весь обмяк, так был растроган. — Только боюсь, вам тогда будет не до меня: детишки пойдут один за одним...

Ого, как она покраснела! Угадал, честное слово, угадал: наверняка начало положено.

Когда меня уводили, они махали руками, как на вокзале. А я шел в камеру и улыбался. Не так, как улыбаются в тюрьме: с угрозой или наоборот, рабски, льстиво — я улыбался, как человек, выбравшийся к заре из подземелья. Жизнь идет! Жизнь идет, расшвыри-

вая все наносное, устаревшее, отжившее, ненужные условности, искусственно привитые взгляды, смешную допотопную мораль — и к убийце приходят с благодарностью, честные люди к честному человеку. Век обгоняет время, нервный век, интересный век, самый интересный для будущих историков. Век, который стал водоразделом для человечества, создал новую породу людей, и кто знает, не от него ли потомки начнут вести летосчисление...

Почему-то эта мысль о потомках и будущих историках гвоздем засела в голове, и я не сразу уяснил смысл слов, летевших из динамиков, установленных через равные промежутки в коридоре.

«...Ряд министров, стремясь сохранить ключевые позиции в своих отраслях, вступили на неверный путь организованной оппозиции перестройке. В связи с этим принято решение о коренном изменении структуры управления народным хозяйством...»

Меня вели по коридору, и слова летели навстречу, нарастая, как каменная лавина. И затихали за моей спиной обессиленные, отдав страшную информацию. А навстречу уже летела другая лавина, еще более грозная.

«...Учитывая тяжесть содеянного, к уголовной ответственности привлекаются бывшие министры, другие руководители различных рангов...»

Среди прочих фамилий была названа и фамилия Теренько.

И наконец последний лавинный залп.

«...В связи с тем, что организатор и руководитель оппозиции, бывший начальник всесоюзного производственного объединения Гудимов умер, уголовное дело в отношении него прекратить».

Черт побери, так зачем же я... Дурак, куда ты полез. Тоже мне, защитник перестройки! Помог Гудимову уйти от процесса... Но странное дело: ругая себя, я ничуть не жалел о содеянном.

А через несколько дней меня вызвали вновь. Пришла Таня. Вот когда я испугался, даже коленки затряслись.

— Здравствуй, — сказала она и замолчала. Я тоже молчал, не зная, что сказать женщине, мужа которой я убил.

— Как тебя здесь кормят? — спросила она наконец.

Я пожал плечами. Дамский вопрос! Как кормят в тюрьме...

— Пирожные ему здесь дают и какаву с молоком, — захихикал дежурный надзиратель Ерофеич, поганный старик, считавший заключенных врагами народа, из-за которых мы никак не можем прийти к светлому будущему. Зэки платили ему дикой злобой.

— Заткнись, легавый! — заорал я, легко переходя на блатной жаргон. — Твое дело следить, чтобы мне бомбу не передали, а в разговоры не суйся.

— Но, но, ты посмирнее, убивец, а то враз свиданки лишу, — ощерился он.

— Оставь его, — взмолилась Таня, — и так времени мало. Мне устроили прекрасного адвоката, из тех, к кому очередь. Он уверяет, что больше восьми лет не дадут. Это уж при очень сильном давлении на судью. А так, может, и на шесть удастся вытянуть: явка с повинной и смягчающие обстоятельства. Оказывается, Гудимов был...

— Знаю. Я слушал радио.

— Я тоже пойду свидетельницей, — помолчав, сказала она.

— Зачем? Ты еще зачем?

— Так надо. — Она упрямо сдвинула брови. — Обязательно пиши мне оттуда. Слышишь?

— Восемь лет! — Я впервые осознал эту пропасть, перерезавшую мою жизнь. — Мне будет сорок четыре.

— А мне сорок три, — с вызовом сказала она. — Старуха, да?

— Ты же знаешь... — в смятении пробормотал я.

— Знаю, все знаю! Но ведь, — в глазах ее клинком блеснула холодная ненависть, — надо уважать последнюю волю покойного. И кстати, в эти годы еще рожают...

Будто стены обрушились вокруг нас и над развалинами встало солнце. Борис, Борис, как ты просчитался, — робот, на тридцать лет отставший от жизни!

— Одна минута до конца свидания, — прошипел Ерофенч.

— Я передала тебе посылку, — торопливо заговорила Таня. — Свитер, теплое белье, кое-что из еды. Все новое, купила в магазине, не думай... И буду еще посылать, только пиши. Обязательно!

Кажется, мне не будет холодно, если даже отправят на Северный полюс.

— Вот ведь люди пошли, от всего норовят хапнуть! — прогундосил Ерофенч, передавая меня другому надзирателю. — Он ее мужика пришил, а она к нему набивается, сука!

И ведь так будет всегда. Ох, Таня, Таня, трудную ты выбрала судьбу!

* * *

Прошло время, и они встретились.

— Как самочувствие? — спросил Координатор.

Историк слабо усмехнулся и махнул рукой.

— Теперь почти в норме, а в первые дни... Я даже отдаленно не мог представить, каково это — жить с раздвоенным сознанием. Когда в тебе существуют два совершенно разных человека, два противоположных характера, да к тому же из различных эпох. И страшно потерять себя настоящего, и невозможно расстаться с собой новым, пришедшим из глубины веков.

— Непохожих — это вы ошибаетесь, — задумчиво протянул Координатор. — Тот человек из древности —

это все равно вы нынешний, только продукт той эпохи. Понимаете меня?

Историк кивнул.

— Вот почему никогда не удастся достичь полной адекватности, — продолжал Координатор. — Личность исследователя искажает ситуацию, которую мы создаем. Вот и вы, став тенью Юрия Корнева из нашей реальности, несколько нарушили ход истории в параллельном пространстве. Да плюс еще два процента, о которых я вас предупреждал. Так что вряд ли ваше путешествие в прошлое кардинально обогатит исследования той эпохи. По крайней мере, читая ваш отчет и сравнивая его с известными историческими фактами, я нашел несколько серьезных расхождений.

— Например?

— Пожалуйста: заговор министров. В нашей действительности его не было.

— Вы уверены в этом? — Историк не сумел, а возможно, и не пытался скрыть иронии. — Чем же иным объяснить то упорное нежелание расстаться с командно-административными методами руководства, то яростное противодействие демократическим принципам самоуправления предприятий, которое вынудило общество в конце концов распустить министерства? Конечно, в нашей действительности министры между собой не сговаривались. Но ведь итоговый результат тот же: новая структура управления народным хозяйством.

— Что ж, возможно, вы и правы, — пожал плечами Координатор. — Два процента неадекватности влияют только на частности, но не на конечный результат. Только ведь ваша наука частностями не пренебрегает. Вот, скажем, этот майор Козлов... Я консультировался с некоторыми вашими коллегами — специалистами по той эпохе. Они в один голос заявили: такого нарушения процессуального кодекса... Я правильно запомнил термин?

— Абсолютно правильно.

— Так вот, такого быть не могло.

— Здесь я с вами согласен, — сказал Историк. — В нашей реальности следствие проводилось совсем по-другому. Но опять же, конечный результат... Кстати, известно, сколько дали Корневу?

— Вы имеете в виду, на какое время его принудили жить в условиях, препятствующих гармоничному развитию личности?

— Можно и так сказать, — усмехнулся Историк.

— Шесть лет. Невозможно понять такое отношение к человеку: отнять у него шесть лет, хотя средняя продолжительность жизни в то время была крайне низкой, — втрое меньше нашей.

— Ну что вы, у них это считалось вовсе не таким большим сроком. Но пора вам выполнить свое обещание и рассказать, каким образом до нас дошли данные о Корневе.

— Ах да. Мы взяли их из архива, найденного при раскопках. Это были документы общественного института, который ограничивал свободу граждан, не вписывающихся в общепринятые рамки. И Большой Мозг заинтересовался Корневым — в архиве были его воспоминания, которые он написал в так называемой зоне, вы, наверное, знаете, что это такое, официальные документы, фиксирующие его деяние против общества, и фотографии. Кстати, вы поразитесь, прочитав его воспоминания, настолько они совпадают с вашим отчетом. Большой Мозг попросил разрешения воссоздать Корнева. Совет планеты незначительным большинством голосов постановил выделить энергию, хотя никто не предполагал, что эта личность может заинтересовать специалистов. Как видите, ошиблись.

— И хорошо, что ошиблись, — рассмеялся Историк. — Я получил именно то, что хотел: типичного представителя своей эпохи. В данном случае типичного интеллигента, тонко чувствующего общественные перекосы и мучающегося от невозможности создать гармо-

нию между своей личностью и общественным строем. И я уверен, что достиг максимально возможной адекватности этой личности. Уверен, потому что получил такой взрыв эмоций, о каком мы в нашем благополучном обществе даже не подозреваем. Я понял этих людей и их время. И все, что мы знаем из исследований, из исторических документов этой переломной эпохи, раскрылось для меня неожиданно близкой стороной, наполнилось новым содержанием. Для меня нет больше тайн в тех событиях, повернувших ход истории. И теперь мне хотелось бы узнать только одно: дождалась ли меня... виноват, его Татьяна?

— Мне тоже хотелось бы это узнать, — сказал Координатор.

СОДЕРЖАНИЕ

Синяя жидкость	5
Дуэль нервного века	185

Валентинов А. А.

В 15 Синяя жидкость : Фантаст. повести. — М. Мол. гвардия, 1990. — 300[4] с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-00859-6

В повести «Синяя жидкость» рассказывается о том, как изобретенное в средние века снадобье, обостряющее врожденные способности человека, заинтересовывает разведки разных стран. Повесть «Дуэль нервного века» ставит проблему адекватного воспроизведения исторических событий.

В 4702010201—028 137—90
078(02)—90

ББК 84Р7

ИБ № 6426

Валентинов Альберт Абрамович

СИНЯЯ ЖИДКОСТЬ

Заведующий редакцией В. Щербанов

Редактор В. Фалеев

Художник А. Сухоруков

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Г. Прохорова

Корректоры Н. Самойлова, Е. Дмитриева, Н. Хасаия

Сдано в набор 18.08.89. Подписано в печать 01.12.89. А12943. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3 Усл. кр.-отт. 13,65. Учетно-изд. л. 14,0. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 40 к. Заказ 2101.

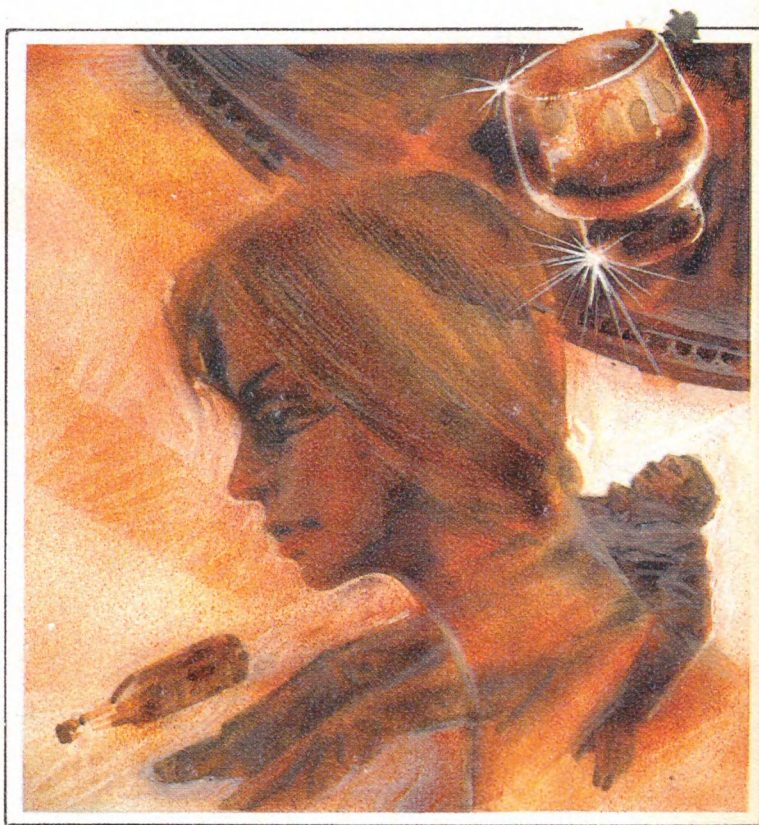
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Суцевская, 21.

ISBN 5-235-00859-6

1 ру. 40 к.

МОЛОДОЯ ГВАРДИЯ

АЛЬБЕРТ ВАЛЕНТИНОВ